

уральский

следопыт

№10 *** 1982

Наша страна, все прогрессивные люди Земли скоро торжественно отметят 65-ю годовщину Великого Октября, открывшего новую эру в истории человечества.

МЫ ХОРОШО ЗНАЕМ: РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ОНА — В ГРОМАДЬЕ НАШИХ ПЛАНОВ, В РАЗМАХЕ СВЕРШЕНИЙ, В САМООТВЕРЖЕННОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ЗА ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС. БОЕВОЙ СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ДУХ ОКТЯБРЯ НЕУГАСИМ, ЯРКИМ ПЛАМЕНЕМ ГОРИТ ОН В СЕРДЦАХ СОВЕТСКИХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК. КОМСОМОЛЬЦЫ, МОЛОДЕЖЬ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫСОКО ПРОНЕСУТ ПО ЖИЗНИ ЗНАМЯ ЛЕНИНА, ЗНАМЯ ОКТЯБРЯ!

Внимание читателей в этом номере журнала предлагаем очерк **В. ПЕЧЕНКИНА** и **Л. ШАРОВА** «Экзамен в высший класс» — очерк о вчерашних тагильских школьниках-одноклассниках, которые всей группой вместе со своим учителем пошли работать на стройку

На снимке: справа — наставница юных рабочих заслуженный строитель РСФСР, почетный гражданин Нижнего Тагила **Лидия Сергеевна Писаренкова**

Фото А. Лысякова.

Оформление С. Малышева

Читайте стр. 22-ю

В номере:

А. Власов УБОРЩИЦА И ГАЯНЭ. Повесть. Начало	2
А. Омельчук МАЛ ЛЕДНИК, НО ДОРОГ...	18
Э. Вахидов СТИХИ	20
В. Печенкин, Л. Шаров ЭКЗАМЕН В ВЫСШИЙ КЛАСС	22
ВСПОМНИМ, ТОВАРИЩ	30
Я. Андреев СКАЗ ОБ УРАЛЕ	31
П. Амнуэль ВЫШЕ ТУЧ, ВЫШЕ ГОР, ВЫШЕ НЕБА... Рассказ	35
«НЕ СЧИТАЮ ЛЕСТНЫМ...»	45
В. Ревич СТРАНИЧКА ИСТОРИИ	46
Б. Рябинин ПАРК АНДРЕЯ	47
А. Романчук, Е. Васюга ГИКИЯ ИЗ ХЕРСОНЕСА	51
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	52
Л. Дорохова ВЕРНОСТЬ ХЛЕБНОМУ ПОЛЮ	54
Н. Варанкин, С. Пархимович ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА	57
Н. Архипова ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА	60
М. Седова ЧУГУННЫЕ КАРТИНЫ	62
С. Парфенов ВОЕВОДА АЛБАЗИНСКОЙ КРЕПОСТИ	64
В. Денисов НАХОДКА НА КРУТОЯРЕ	67
М. Найдич МОРСКИЕ РАЗБОЙНИКИ	68
Н. Шамсутдинов ПАРК ГЕОЛОГОВ	71
Ю. Борисихин ...И ЗАЛ ЛЮБИЛ ЕЛЕНУ	72
МИР НА ЛАДОНИ	74
С. Мельников КОЛОМБЫ РОССИИ	78

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Спартак КИПРИН,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Владимир СТАРИКОВ
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 02.07.82.
 НС 12582.
 Подписано к печати 18.08.82.
 Бумага 84×108^{1/8}.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,5
 Тираж 255 000.
 Заказ 419.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки —
 рисунок Р. АТЛАС

© «Уральский следопыт» 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№10 * 1982

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

УБОРЩИЦА

**Анатолий
ВЛАСОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

1.

— А я, женской-от полк, одна середь них...

Женщина тряхнула мокрые тяжелые штанишки, подержала, как за уши, за оттянутые край опушки и прищипила их к шнурку, в ряд с тремя штанами же, убывающими по величине.

Нагнулась к корзине, ничуть не смущенная тем, что выставила в сторону собеседника зад. Подхватила очередную одежонку, и опять были парнишечьи штанишки, еще меньше, с круглой заплатой на тыловой части.

— Все? — спросил Савельев, крякнув, удивленный этим штанным ранжиром на веревке.

— Последнюю-то девку ждала... И вот видите...

Последние, шестые то есть, штанишки были совсем небольшие, короткие к тому же, новехонькие, с проймочками, они мокрой зеленью засияли на вечернем скупом солнце.

Потом она достала со дна корзины громоздкие мужские брюки, сердито встряхнула их трижды, подумала и не стала вешать рядом с зелеными малаевыми, а, сдвинув поочередно весь ряд, вывесила мужнину, видимо, собственность в начале шнура.

Отошла, склонила голову и скомандовала:

— Направо равняйся!

— Хых! — кашлянул Савельев. — Теперь-то все?

И ГАЯНЭ

Повесть

— Кабы все! — сказала женщина, поправляя козопками пальцев желтоватые волосы под косынкой. — В армии еще есть один, старшой. Вот как приедет в отпуск, стащу с него казенные брюки, чистые ли, нет ли, выстираю, вот тогда приходите на весь мой парад смотреть!

— Да-а, — сказал Савельев и поднялся с перевернутого ящика, приспособленного кем-то у забора, за акациями; тут было тепло даже в ветренный день, когда на бельевых шнурах парусились простыни и металось в испуге нежное шелковое женских рубашек, сюда почти не задувало. — Семерых, значит, на свет произвела...

— На свет-то семерых... Ну, а вообще-то... — она замылась, скаля целехонькие плотные зубы, но начатый разговор оставила, а вернулась к своему: — Так надоело, так надоело штаны полоскать... Ну хоть бы одно платьишко. Малюсенькое такое, из ситчика... А вы откуда приехали? — спросила лукаво, будто не знает.

Савельев оперся на палку, все не спускал глаз с вывешенных в рядовку штанов, вздохнул и не ответил.

В другой корзине тоже был настиранный ворох. Женщина занялась рубашонками, маечками, простынками, напевая беззаботно.

Савельев посмотрел на ее крепкую молодую фигуру, на сильные ноги, запыхтел, соображая что-то. Наконец сообразил, сказал:

— Мою девуку знаешь?

— Чья она?

— Да моя. А я Савельев.

Он, конечно, тут же и понял, что загадал загадку: у какой же взрослой дочери останется отцовская фамилия? Довольный, засмеялся:

— Ага! Не знаешь, выходит. У меня их три, девки-то, было. Одна с фронта не выбралась, другая со мной живет, а меньшая здесь.

— Никишева, что ли?

— Как это ты угадала?

— Да уж угадала. Как не отгадать, когда вы из первого подъезда выходите.

— Она, значит, Ангелина. А тебя как зовут? — спросил, будто тоже не знает.

Женщина коротко и смешливо глянула на Савельева, сказала с ласковой усмешечкой:

— Симочка.

Как будто ей семнадцать — «Симочка»... Но ведь молода, разве чуть за сорок, а какая здоровенькая и крепенькая... Она опять пагнулась, взяла последнюю тряпицу, набросила на шнурок, подхватила полегчавшие корзины.

— А вы погреться вышли?

— Старики любят солнышко. Когда за просухой-то?

— Завтра, как с работы приду.

— Это во сколь же?

— Ну, в девять.

— Так что ждать буду, — сказал он, прикашлянув.

Она засмеялась и ушла, исчезла за полотнищами, сырими и оттого вислыми.

Савельев еще постоял, опершись на палку, просто так, не думая ни о чем и никуда не глядя, потом встряхнулся и стал опять усаживаться на скрипучий ящик.

Отсюда вся шеренга штанов была видна как на ладони — ближе всех были маленькие с проймочкой, встань и тронешь эти легонькие тесемки, и так хочется протянуть руку и потрогать их: ведь старый Савельев не растил своих парней, и не внуков опять же подарили ему дочери, а, как сговорились, рожают девок.

Грело солнце, было хорошо; где-то за спиной слышались приятные парнишечьи голоса, отгороженные от Савельева высоким забором...

На другой вечер, тоже теплый и мягкий, совсем безветренный, Савельев уже в восемь тридцать сидел на своем ящике, был сегодня одет он в костюм и даже при узком галстуке из капроновой нити, а с собою принес две газеты: одну разложил на досочки, другую стал читать. Очки Савельеву не требовались, к тому же было куда как светло, и он постепенно углубился в страницу «Окно в мир» — Египет и Израиль, война в Ливане, иранская революция...

Однако, читая, он ни на секунду не терял ощущения, какого-то скрытого и глубинного, что его маленькие личные проблемы больны и так же важны, как, допустим, для афганской или иранской нации решение их судьбы.

Вот почему — едва только стоило понасть в боковое зрение яркому пятну — он тотчас же отключился от всего этого мирового многоголосия.

Появилась действительно Симочка: в темном и заметном разноцветьем платье; если вчера на ее волосах был ситцевый платок, то сегодня косянка из воздушных синтетических тканей.

Она улыбнулась широко Савельеву, выказав два ряда белых зубов, и спросила смешно:

— Я не опоздала?

Он вытянул из кармана часы на цепочке.

— Из минутки в минутку.

Она поставила на траву корзинку, прошлась вдоль шнурка, щупая брюки по порядку.

— Как, готова амуниция? — спросил Савельев.

Вокруг всей площадки для сушки белья росли акации, они были выше человеческого роста, загустели и скрывали ее от окон четырехэтажного кирпичного дома, в котором жила и эта Симочка со своими парнями, и проживала его, Савельева, младшая дочь с мужем Евгением и дочерью Нелли, его внучкой, девушкой выхолощенной и изящной.

— Готова, значит, — ответил Савельев сам себе, потому что Симочка, хоть и сказала, что пришла на свидание вовремя, все-таки главное-то свое внимание отдавала сейчас тому, что висело на бельевых шнурах, а не ему, поджидающему ее.

Он подошел, отцепил с прищепок крайние штанишки с проймочками, будто бы желая помочь женщине, а сам задержал их в руках, гладил и нежил.

Она повернулась к нему, сказала с улыбкой:

— Это Олежкины.

— Годика два ему?

— Да что вы! Скоро три!

— Ну знаешь, милая, — сказал он, с сожалением укладывая штанишки ей в корзину, — мне-то не мудрено ошибиться. Не было их, шельмецов. Ни в первом, ни во втором колене. Теперь вот вся надежда на правнуков.

Так начался разговор, к которому с почти бессонной ночи готовился, собственно, Савельев. С вечера за стенкой если не до двух, то до полпервого либо до часу все накручивала Нелька свои пластинки, потом заловила на транзистор вовсе какие-то дикие вопли. У Савельева от них, даже приглушенных, болела голова.

— Уж и замужем внучки есть? — спросила Симочка, шустро оснимывая со шнура майки.

— Если бы! Но одна все же поспеда под замуж.

Он хотел, чтобы Симочка сама назвала Нельку, тогда и речь повести о ней, но собеседница, словно бы не понимая ничего, спросила:

— Это там? У которой дочери живете?

Он оперся обеими руками о палку, поставив ее спереди, накрепился вытянуто в сторону Симочки.

— По секрету сказать?

— По секрету!

— Ты мне понравилась!..

Симочка поставила корзину и заразительно громко начала смеяться, упершись руками в сжатые колени.

Смеялась красивым, чистым смехом чуть не до слез.

— Ой, уморили... Живот свело мне...

Потом распрямилась, вытерла глаза, сказала:

— Приходите нето вечером, ухажер, ко мне. С мужем познакомлю.

— Да охота бы...

— Ко мне-то? — шутивно спросила.

— Куда уж нам! Кабы годков этак хоть двадцать скостить... А что он, где работает?

— Мой-то? Да одна у него любовь: тракторы. Видите — мыла, мыла, а все равно на штанах пятна. Ну, это дело знакомое. Так придете? Про свою невесту расскажете, моих женихов посмотрите.

— Таких-то куда? — он нагнулся к корзине, тронул рукой зеленую пройму. — Да и другие, смотрю, не много крупнее.

— Вырастут! А Петя отслужит — первый жених. Мишутка с Гришуткой, что за ним, они в городе сейчас, в гәпәтәу, тоже подрастают.

— Мастерами, значит, будут?

— Бу-удут. Один в краснодеревщики подался, другой слесарем-монтажником пожелал стать.

— Мастера-а... Ну, а тот, как в этом профиле? Савельев хотел, чтобы она, Симочка эта, поняла, что ему надо, к чему он разговор клонит, но она прикинулась непонимающей.

— Отец-то? Я ж сказывала.

— Да я не о нем.

— Это о ком еще?

— Да о старшем.

— А-а... у него отцовская дорожка. Только на машинах он.

— А на службе?

— И там шоферит. Так придете к нам?

— Не-ет, — растянул он. — Боюсь. А вот к себе приглашаю. Чайку поьем. Потолкуем.

— Приду! А в какое время? Только поздно не назначайте, муж у меня страсть ревнивый, не отпустит, — опять стала насмехаться она.

Он посерьезнел:

— Эх, Серафима Ларионовна! Не до смеху мне. Такая беда тут, а моей Ангелине что? Ей недосуг...

Она сложила губы трубочкой, задумалась:

— Значит, про Петину любовь слышали?

— Все слышал, все знаю! — выкрикнул он, закашлялся. — А тебя увидел да наслушался во дворе о тебе, обнадежило меня что-то...

— Идите в квартиру, Сергей Петрович, — сказала она, берясь за корзину и ловко умеющая ее на бедре под рукой. — Чай заваривайте. Теперь же и приду...

— А Нелька не помешает нам? — спросил.

— Да укатила она! Как я пошла сюда, жигуленок подкатил, парни там, девки ли, грудой в подъезд. И она тут выбежала, они ее в кучу — и развернулись. Я машинку-то эту уж давно примечаю, лимончиком таким катится. А на парнях-то, на девках-то — эти самые джинсы на всех, в обтяжечку, а на задницах у всех цветные метки, как у телят пломба в ухе. А вообще-то, если честно сказать, Сергей Петрович, мне нравятся такие брючки, жалеем даже, что, когда была молода и хороша, такое не носили. У меня фигурочка ничего была... Закачаешься!

Это словечко из жаргона нынешних девиц прозвучало у ней так мило, что Савельев только кряк-

нул, подумав: ты, бабонька, и сейчас ничего...

— Я тебе помогу, — галантно сказал он, пытаясь взяться за плетеную ручку корзины, но Симочка энергично оттолкнула его руку, и ему ничего не оставалось иного, как смириться с тем, что он все-таки действительно и давно стар.

Симочка ушла.

2.

Выйдя из подъезда, она постояла немного, причем никак не относя это к нерешительности, а просто так. Из квартиры ушла, заторопясь, а теперь вот вспомнила, что хотела взять Петино фото и забыла. Петя на снимке красавец, свой и любимый каждой черточкой лица, но и чужой уже: что ж, второй там год — не шуточка, живет другой жизнью, другими заботами, и вот наложили они на родное лицо отпечаток того, что еще не было известно матери, не открыто пока и не принято ею. Стал сын строже, крепче в глазах — вот так именно и определила Симочка, получив фото, первое свое впечатление: «А глаза какие крепкие стали...», и сделалось ей чуть тревожно, что ушел от нее сын в жизнь, и радостно, что надежным будет человеком.

Здесь же подумала вдруг: а если он пишет Никишевой?.. Если он, несмотря ни на что, шлет письма Нельке?.. Как-то не приходило такое в голову, считала, что все там порвано у них, а сейчас вот, вспомнив о чуждо незнакомых черточках в облике сына, допустила и это.

Она легко поднялась в подъезде на четвертый этаж, постучала кулачком в ручку, потому что в дверь стучать — только смешить: обита она ласковым кофейным кожмитом, а под ним толсто — не то вата, не то кошма.

Могла и позвонить, да так привычнее.

Послышались шаги, дверь бесшумно подалась, и Савельев наклонил белую лобастую голову, приглашая войти.

В первый раз переступала этот порог Симочка, сердечко ее заполошилось даже. Чтобы скрыть некоторое смущение, она опять прибегла к испытанному приему — сказать что-то несерьезное, ироничное.

— Позвали вы меня, я и бегом! Вот дурочка!

— Проходи, дорогая Серафима Ларионовна! Уж такая милая гостья пришла, что не знаю и усадить куда.

Симочка оглядывала прихожую: тот же дом, та же трехкомнатная квартира, да не та обстановочка! Трюмо светлой полировки, шкаф для одежды, занятная полочка, диковинные обои. Только вроде бы не очень прибрано.

Когда прошли в комнату, опять поразилась Симочка: обои на стенах темные, коричневатоземлистые; с одной стороны полированная глухого цвета стенка во всю ширь и высь, а по ней, по

клеточкам да по полочкам где книжки, где ваза, где камень или корень какой. В стенке же и телевизор.

В одном углу, на светлом коврике — два кресла, меж ними столик, торшер, с темным же абажуром, в тон всему занавеси на окнах, и от этого в комнате полумрак, уют, красота.

Савельев провел ее по скользкому паркету и усадил в кресло, в другое тяжело сел сам.

— Свет зажечь? — и уже взялся рукой за кнопку на шнуре.

— Нет-нет! — быстро сказала она, так хорошо и очарованно было ей в этом коричневом мирке.

— Я тебя хотел напоить чаем, но сварил кофе, — сказал он. — Я это умею.

Поднялся, ушел, а вернулся с каким-то детским подносиком, на котором в двух маленьких чашечках коричнево же светились изнутри широкие стеклянные плоски, рядом лежали сахарки.

Вкусно и горячо кофе окатил Симочку своим ароматом.

Старик поставил подносик на стол, положил в свою чашку белый сахарок. То же повторила Симочка, попробовала: приятно.

Пили кофе, молчали.

Симочка тем временем еще раз оглядела комнату и старика тоже: пиджак он снял, и на нем, на широкой кости, белым висела полосатая рубашка; конечно, Савельев был более чем сух, однако еще прочен. Руки ничуть не жилистые, не как у большинства старых людей, небольшие и плотные. Конечно, не в трактористах ходил, где-нибудь в начальниках, определила она. В полумраке лицо его стало коричнево-смуглым и строгим, а глаза взглядывали на Симочку выжидательно.

— Что же вы, — спросила наконец она, — не расскажете, зачем звали?

Получилось это некстати сухо, ей самой не понравилось, и она села на старую свою телегу:

— Молодую женщину пригласили, а что делать — не знаете?

— Да я все знаю, — отозвался он, — только ведь надо бы нам сейчас по-серьезному.

— Не! Я человек несерьезный, — ответила она.

— Брось, милая, — проговорил он. — Что нам в прятки играть...

— Поиграли уж, — согласилась она.

— Вот и хватит. Конечно, о Нельке хочу с тобой поговорить. Да...

— Да о Пете моем?

— Может, и так. Может, и не так. О ней больше. Совета у тебя спросить.

— Какая из меня советчица! — прыснула она, но тут же отогнала от себя всю вздорность.

Он же продолжал:

— От того, от другого о тебе узнал... Ну и о Петре тоже. Собственно, не о нем даже, а применительно к Нельке. И пришел, милая Симочка, к такому итогу, что нет во всем этом городе другого человека, который бы понял меня...

— Но ведь Ангелина... Она учная!

— Что. Гелька. Она-то человек, и дорожку свою выторила в жизни. Муж, работа, квартира — все хорошо. А девка-то, а внучка-то моя, значит...

Он замолк, сглотнул, волнуясь.

— Знаете что? — сказала она. — Можно мне комнатушку ее посмотреть?

— Что за вопрос? — ответил он, вставая.

Савельев подвел Симочку к невысокой двери, сделал рукой приглашающий жест.

Если в Никишевскую квартиру она входила, как в церковь, то Нелькин уголок был алтарем этой церкви, запертым для нее. У нее даже екнуло сердце, когда она взялась за ручку.

Распахнула дверь: прежде ей бросился в глаза беспорядок, потом сильно и приятно обдало ароматом дорогого табака. Симочка вконтраст встала, за нею остановился Савельев.

Комнатка была обклеена густо-синими обоями, в углу стояло трюмо со всякими пузырьками и тюбиками перед стеклом, на узкой тахте скотканно валялся клетчатый плед, один из двух стульев с мягкими синими же сиденьями лежал на полу, на стоячем поблескивал металлическими ручками магнитофон, на окне стоял проигрыватель, по стенам же, напротив друг друга, серыми прямоугольничками светились две звуковые установки, черные шнурки от них текли к проигрывателю. А на столе, на подоконнике, на полу даже — как космические тарелки — разных размеров черные, наползающие один на другой кружки грампластинок, кассеты, завитки оранжевой магнитофонной ленты, как новогодний серпантин.

Это был мир особый — странный и непривычный.

Симочка повернула голову в сторону стены, противоположной тахте. На синем поле висел огромный черно-белый поясной портрет певца с электрогитарой: неряшливая одежда, распущенные космы, изломанная поза, вскинутое куда-то вверх лицо с разинутой пастью. Нет, парень не был безмолвен, так и чудился вой, только вой... вечный и дикий вой одинокой души.

Долго смотрела Симочка на воющего бедолагу, переживая смятение и сожаление. Но скоро ее отвлек от него другой фотопортрет, висящий чуть в стороне, меньший размером.

Крупная женская голова, растрепанные богатые волосы и глазищи...

Не сразу поняла она, что это Нелька.

Симочка несмело передвинулась ближе, и взгляд Нельки, казалось, повернулся вслед. Сколько в тех больших глазах увидела Симочка ума, чувства и тоски!

Еще раз екнуло ее сердце, потому что она представила враз сына, своего Петра, которого могли погубить эти вот глаза, полные тайны и красоты.

Симочка вздохнула, оглянулась, сказала молчаливо стоявшему у двери Савельеву:

— Надо же такой вырасти!

— Не понял, — отозвался он.

— Да все завидую, что девки у меня нет. Не хуже бы вашей красавица была.

— Баские у меня внучки, — согласился Савельев. — Да и дочери тоже.

— Ну, Ангелина-то прелесть, — сказала Симочка. — Спору нет. И на заводе ценят. Что же девчонка не по ней живет?

— Вот этого и понять не мог. О том и речь наша...

— Этим вот и развлекается? — Симочка обвела рукой весь антураж комнатки.

— Этим. И день и ночь.

На столе, на черноте долгоиграющего диска, светился клочок. Симочка просто так взяла его, прочитала написанное красным фломастером: «Гаянэ! Есть мощный диск. Бони-М! Жду завтра в девять. Додик».

Спросила, подавая Савельеву записку:

— А кто такая Гаянэ? Подружка?

— Так Нельку зовут. Они.

— А почему не своим именем?

— Это известно им. Но не мне.

На столике стояла также массивная, из глины под коричневой глазурью, пепельница, забитая окурками и чуть прижженными длинными сигаретами. От них и било в нос табачным запахом.

— Она курит? — спросила у Савельева. — У меня мужики, да не курят.

— Конечно.

— Почему «конечно»? Вы ответили мне так, будто все девушки непременно должны курить. Он махнул рукой.

Симочка опять задержала взгляд на портрете девушки. И опять словно встретилась с ее глазами, в них, кроме ума и тоски, словно бы прочитала вопрос: «А что такое жизнь?»

— Знаете, — сказала она, с трудом оторвав себя от Нелькиного взгляда и обернувшись к Са-

вельеву, — я ведь тоже была небесталанная. Я так любила петь. И музыку тоже люблю. Только не эту, не механическую. Как запою, у самой нали душу замутит...

Она широко вдохнула в себя воздух, низко и протяжно пропела:

Золотые-вы-песочки-и...

Да-тыгы-серебряна-река-а...

Казалось, от ее голоса вздрогнули змейки магнитофонной ленты, свились кольцами на столе.

Комнату встревожил Симочкин голос, и все стихло.

— В певичцы, наверное, мечтала выйти?

— Вообще-то, если бы война не помешала мне выучиться... то я стала бы учительницей. Люблю детей. И они меня понимают тоже. Не раз-раз, но все-таки; одно скажу, другое спрошу — и заговорят со мной. Не верите?

— Спокойно еще.

— Не-ет. Я знаете кого люблю? Русланову да Марию Мордасову! Вот поют! И Зыкину тоже. А этих, которые шепчут или кричат да с микрофончиком выпендриваются, терпеть не могу. Что у них — песни разве? — она потрясла рукой. — Нет, песня это...

Он перебил ее:

— Пойдем, я еще кофе налью.

— Спасибо, Сергей Петрович. А вы бы сели? — по-хозяйски предложила она, подняла опрокинутый стул и придвинула его к Савельеву, усмехнулась и стрельнула глазами сначала на него, потом на портрет девушки. — Садитесь, не стесняйтесь. И послушайте, как я с вашей внучкой поговорю.

Это у нее сейчас вот и придумалось.

— Как это? — недопопал он.

— Да садитесь же! Ну!

Он сел. Симочка подошла к окну, прислонилась к подоконнику спиной, протянула к портрету руку, как бы для пожатия:

— Здравствуй, девочка. Послушай меня.

Вдохнула, высоко поднимая грудь, и ответила себе мягким, не своим голосом:

«Что же вы хотите сказать мне, Серафима Ларионовна?»

И опять своим голосом, но чуть наигранно:

— Уж что спросишь, милая дочь.

«Так мне, пожалуй, нечего спрашивать у вас, Серафима Ларионовна. Все давно понятно...»

— А вот и не права ты, девочка. Кривишь душой, я же вижу. В глазах-то у тебя тоска застыла, а это ой как еще разговора просит.

«Да я устала просто. Поздно ложусь. Утомилась».

— Сама такую жизнь выбрала, Нелечка. Никто не заставляет.

«Нет, это не выбор, Серафима Ларионовна. Но вам не понять. Как еще должна жить в наше время молодая красивая девушка? Другой жизни я не представляю».

— Представля-а-ешь... Но крайней мере, видишь. И знаешь. Прикинь-ка: у всех труд да дело... То есть работа. Вон и дед твой беспокоен за тебя...

«Ах, оставьте, тетя Сима, эту пропаганду. Мне все это ужасно надоело еще в школе. И потом, почему это говорите мне вы, посторонняя женщина? Я знаю вас, уважаю, вы хорошая труженица... Вот этим и будьте довольны. А меня оставьте. Мне мама ничего, слова не говорит, папка тоже. Так что оставьте свое красноречие для своих гвардейцев. Выступайте перед ними. Можете идти, я включу музыку...»

— Погоди, Нелечка. Погоди, милая дочь. Я тебя, может, понимаю: моя пропаганда вам кость в горле. Пусть так. Но ведь ты ошибаешься. Минуточку, минуточку... Я тебя слушала. Все одно еще: в другой жизни, которой ты не знаешь, в которой работа, столь много яркого и прекрасного! Больше, чем в твоей... Извини, что сказала по-книжному, может, в газетах такие слова попадались мне, я не знаю, но они мои. Ах, как заблуждаешься ты в начале своей самостоятельной жизни, милая дочь. Ну, все-все. Молчу, какая ты нервная. Но всего два слова еще. О Пете...

«Не надо, Серафима Ларионовна».

— Он пишет тебе?

«Нет, мы не переписываемся».

— Но ты знаешь, что он по-прежнему тебя...

«Перестаньте! Мне это надоело! Уходите. При чем тут ваш сын и я? Школьные глупости давно улетучились».

Симочка быстро глянула на Савельева: он был весь внимание и слух. Она не выдержала и засмеялась залиvisto:

— Все-все-все!

Он встряхнул головой:

— Ну, Симочка, ты еще и актерка!

— Пойдемте, Сергей Петрович, допивать кофе. Схватила его за руку и повела.

Позванивая ложечкой в плошке, он спросил раздумчиво:

— Откуда ты знаешь про Нелькину жизнь? Ведь, по-моему, все точненько. Как будто не Ангелина, а ты ей мать.

— Я мать своей семерки... А что про девочку знаю — так не без глаз, — помолчала немного. — Сколько таких вижу... Вот тут у меня болит, Сергей Петрович, — потрогала девую грудь, — когда думаю, что будет с ними... И за парней страшно, а за девок... Вот песенку-то занели теперь: то ли еще будет, то ли еще будет — ой-ой-ой!

Он спросил:

— Значит, все у них с твоим Петей? Не невеста, значит. Или ты сама бы отговорила старшего? Палкой от Нельки погнала его? Заболелась бы такой невестки?

Она подняла руку, сделала ему короткий рубящий жест.

— Погодите, погодите. Вы бы, Сергей Петро-

вич, горохом вопросики не сыпали. А то ведь мне ответить охота. Нали азарт берет. И не торопитесь, если еще что захочете спрашивать. Или захотите — надо сказать? Вот и не знаю, как правильно-то говорят. Да не в этом дело, Сергей Петрович. На первый вопрос я там ответила, — она показала глазами на Нелькину дверь. — Не переписываются, хотят забыть свою дружбу. Да она-то уж и забыла. А он не забудет... Потому и никакая не невеста, как бы нам с вами хотелось. А что меня касается, то вы напраслину на меня не заводите. Палку выдумали! Вот еще! Да у меня в руках никогда палки не было, не такая я, и парни мои в ней не нуждаются. И меня мамка с папкой не бивали, и я своих не трогала. У меня, может, в доме-то слово какое заговорное есть, зачем мне палка? А что до Петра, так если бы его Нелька ждала... Ух!.. Взяла бы я ее в сношки, взяла с желанием... В семью бы свою как дочку родную приняла, вот такую, какая она сейчас есть, да помогла бы ей свое женское и людское счастье понять... Вы не подумайте, что выхвалывается Симочка, что болтаю — язык-то без костей... То скажу: отлетела бы около меня вся ее шелуха. Еще так отстала бы, как кожура с луковицы... Да что я вам гостарю, вы же хитрый, вы же сперва все узнали обо мне, а потом и сами о таком же стали думать, что если бы у Нельки с Петей все сложилось, то и заботы бы ваши отпали о внученьке своей. Нет, что ли, не так вы думали, а? Ну, скажите?

— Все так, — проговорил он, трогая ее руку. — Одного только не предполагал, что ты все мое мне же и откроешь...

— А почему бы не открыть? — не останавливалась она. — Почему? Вы хитрый, конечно, да и я не из простачков, хоть простенькая характером-то, да вижу, для чего вы за мной у вешала-то ухаживать начали да на что зазывали... Вас тревога-то за Нельку боле моего мучит, вот вы и нашли во мне, в мамке Петиной, спасительное окошечко. И я вас поняла, и больше скажу, хотите верьте, хотите нет: Петечка-то мой — один для нее, для Нелечки, журавушка в небе... А синичек-то, что она в руке держит, ой много... И есть, и еще новые будут, да все легкоперые то птички... Только поняла я, поглядевши Нелькино-то гнездышко, что Петя навек для нее потерял...

— Ты так думаешь? — спросил он как-то забавно.

— К нашему обоюдному огорчению — да! — выговорила она быстро и добавила: — И нет у нее золотых песочков, и серебряной своей реки нет. А все чужое, с чужого голоса записанное...

Уже было в комнате совсем темно, она протянула руку к выключателю, щелкнула им. Мягкий свет разлился над ними, отсеребрил широколобую голову старика. При верхнем освещении, да еще сидящий вблизи, он удивил ее лобастостью и впастью щек, иссеченностью кожи лица тон-

кой сеткой морщин. Темнее стали глаза старика и вроде бы как скрасна даже, вроде с ветра. И еще что-то увидела она в нем такое, от чего стало ей немножко не по себе, потому что открылось ей вдруг, что Савельев уже перешел ту грань, за которой его воля, его сила уже вроде бы и не они уже, а только оболочка их...

Он спросил вдруг:

— Так что мы решим по данному вопросу?

— Да вы как на собрании. Наверное, много их попровели в жизни-то, резолюций попринимали...

— Все верно.

— То-то. А вопросов-то два, Сергей Петрович. Ваш и мой, хотя и общий был.

— Был общий?

— Был-был. Да нету стало. Вот и ясно: если бы у наших детей продолжалось что... Нали жар окатил сейчас вот, как подумала такое. Вот оно как...

Она провела рукой по лбу, вздохнула.

— А ведь я, пожалуй, — сказал он свое, — весь наш разговор Ангелине передам.

— Это можно, — ответила Симочка поспешно. — Дело, как говорится, ваше. И остались мы при своих интересах. Спасибо за чай-сахар. Время-то уж...

Она встала, огладила платье.

Он поднялся тоже — прямой, высокий, озабоченный. Протянул ей руку, долго тряс ее, бормоча:

— Извини... Что поделаешь, своя, выходит... линия-то у нее... Вообще-то думал — если что, какая будешь мне союзница...

— Союзница и есть, — щедро сказала она. — Я с Нелечкой-то думаю поближе сойтись все равно. Как вы?

— Вот-вот...

Она понимающе улыбалась, пожимая его сухую ладонь.

3.

Савельев ждал Ангелину; уже громоздкие часы в ее спальне медленно пробили десять, а дом был пуст. О доме он, конечно, подумал зря, потому что дом-то в этот августовский вечер словно напичкан был народом, большим и малым, гудел и звенел, и звон доносился глухо через пол, стены и стекло, но никишевская квартира была темна и глуха. Его, привыкшего к постоянному гомону другой семьи, эта глушь в мрачноватой квартире давила. И если бы не желание встретить прямо у порога дочь и задать ей — в лоб — вопрос о Нельке, он ушел бы сейчас в сумерки улицы, побрел бы по ней, вглядываясь в лица встречаемых и определяя по ним, как живется тут, в уральском небольшом городишке, как дышится. На улице хорошо, там из-за посадок не видно, как за

домами высится, будто половина гигантского футбольного мяча, зарытого в землю да надутого там, под лесом и травами, высоко-выпуклая, как пузырь, гора. Она видна из окон, и Савельев, степняк, никак не может привыкнуть к этому лесистому пузырю, кажется, что он сдавил простор земли и разлил неба.

Или вообще бы взять да уехать, лежать на нижней полке плацкартного вагона все сутки, что требует дорога, и думать о просторах, которые были когда-то исхожены и изъезжены, и казались эти просторы всегда бескрайними, как степи далекого Зауралья, где — куда бы ни пришел — открываются новые дали, а в тех — опять иные... А здесь он чуть не физически ощутил предел пространства и суженность своих нынешних дорог, и не потому лишь, что не может уже своими силами одолевать их.

И видел он теперь еще предел времени.

Вроде бы проявилась впереди некая стена, за которой не будет ни земли, ни света, ни звуков. Он открыл этот предел в себе не так давно и теперь привыкал к нему как к реальности своей жизни.

Где-то он прочитал рассуждения о смерти: пустота, ничто, небытие. Долго думал, постигая смысл этого, и трансформировал вычитанную мысль для себя не как то, чего нет за этим пределом, а что пока есть в его существовании, перед чертою. Так родилось в нем ощущение предела, пусть все еще пока призрачного и неведомого по срокам, но неминуемого. И потому хотелось еще преодолеть оставшиеся время и пространство, а не только знать о них.

О смерти у него было теперь свое, совершенно ясное представление: это когда человек навечно уйдет в себя, растворится во внутреннем своем свете, просторе и тьме своей, во всем огромном мире своей жизни, который всегда казался беспредельным прежде... Исчезнуть в себе — вот что такое смерть, а не что-то иное, напридуманное молодыми и здоровыми совершенно умозрительно и потому ложно.

У них еще нет чувства предела...

А зная такое о себе, он жил и не боялся тени ее, смерти, близкого крыла.

Оставалось только хоть что-то еще сделать, кому-то помочь, выложить свою тревогу. О милой внучке Нелли прежде всего.

Савельев вяло тряхнул головой, освобождаясь словно от вдруг пришедших таких мыслей; он же знал, что пришли они потому только, что один в квартире, сумрачно, а за окном, за темным тем лесистым пузырем просвечивает заложненное облаками небо красным чем-то.

И потому еще, что показалось ему вдруг тихо везде. А тишина в этой квартире редкая, только ночью разве что улавливал он ее.

А то все музыка, с той самой минуты, как поднимается Нелька в десять-одиннадцать.

И пусть закрыта ее дверь всегда, но сквозь нее бьются, выползают к нему сквозь щели то крик, то визг, то непонятные заемные слова. И парень с лицом и волосами дикаря кричит не по-русски, завывает и визжит разными голосами.

И сколь в том парне неисчерпаем набор голосов, глушащих и тупящих его, деда Савельева.

Он подошел к окну, стал глядеть во двор. У столика четверо мужчин все еще забивали козла, поодаль две пожилые женщины беседовали, за опушкой акаций чуть белели простыни, где-то там притаился в углу и ящик, на котором поджидал он Симочку, чтобы завести разговор. И все теперь было.

Внизу спешила к дому женщина в плащике, в высокой шляпке с широкими полями.

Конечно, это торопилась домой Ангелина.

Через минуту пробил коротко звонок, но Савельев все равно вздрогнул, хотя стоял тут у двери и ждал. Он открыл.

— Ты один, папа? — спросила дочь, устало сев на пуфик. Савельев опустился на колени, помог ей снять туфли, пододвинул те тапочки, которые предлагал недавно госте. Потом принял от Ангелины плащик, повесил его в шкаф. Снял шляпку, дочь поправила перед зеркалом волосы, сказала:

— Я так сегодня устала! Было собрание, я председательствовала, вышла неувязка с выступающими. Пришлось власть употребить, поднять кой-кого. А этот нажим всегда так изматывает... Тянушка какая-то, а не собрание.

— Тогда и тянуть нечего было, — сухо отозвался он. — Прикрыла бы да распустила всех по домам.

— Что ты, разве можно! Да не в моем это характере, сам знаешь. Раз надо — значит надо. Я выложилась, но все сделала...

— Не иначе как о воспитании молодежи говорили, — предположил он.

— Ты угадал, — устало сказала она. — Очень важный вопрос. Волнующий и сложный. И я...

— Решение приняли?

— Да, развернутое. Проект готовила я, — ожилилась Ангелина, — и знаешь, прошел без единой поправки.

— Какие уж поправки, когда и выступать-то не хотели, — он беспричинно начинал сердиться. — Это ты умеешь: решения писать да собрания проводить. Только дома-то кто за тебя решать будет?

Он прошел с дочерью в комнату, сели в кресла к столику. Дочь положила свою теплую руку на его холодную кисть.

— Папа, ты опять начинаешь кипятиться. Не надо.

— Ты бы хоть спросила, дочь где.

— А где она, кстати?

— Где? Уехали. Эти, на «Жигулях» которые, с компанией.

— С Додиком? Так это ж ее друзья.

В комнате стало тихо. Ангелина сидела, отки-

нувшись, прикрыв глаза. Родное милое лицо, удлинненное и чуть бледное, чистый выпуклый лобик, брови с изломом — все, как у матери, и губы она стала сжимать тоже как-то озабоченно и устало; нет, она не живет легко и без забот, вон уж и гнездышки морщин у глаз разлеглись...

Он поднялся, тихо прошел на кухню, поставил на газ чайник, вернулся.

Ангелина, наверное, заснула сидя, потому что дыхание ее стало вдруг тихим и ровным.

Он долго смотрел в бесконечно дорогое лицо, искал черты сходства с Нелькой и почти не находил. Разве что брови у той тоже узкие и одна с изломом.

А остальное, наверное, все отцово.

Неожиданно Геля спросила:

— От Никишева письма не было?

— Нет. Газеты только.

— Уж вернется скоро, — она трянула волосами, скидывая с себя дремоту, потерла ладонями щеки, от чего они чуть порозовели.

— Я поставил чайник, — сказал Савельев.

— Спасибо, папа. Ты что-то хочешь мне сказать еще?

Посмотри это, — он протянул ей записку, ту, что смотрели с Симочкой в Нелькиной комнате.

Мельком взглянув, Ангелина сказала:

— Гаянэ... странное имя. Сразу вспоминаешь балет Хачатуряна. А кто эта Гаянэ?

— Твоя дочь.

— Это что — кличка? прозвище? новое имя?

— Это образ жизни, Геля. Не той Гаянэ, из балета, а нашей.

— Что ты хочешь сказать этим?

— Я полагаю, она не сделала своими руками ни одной полезной вещи.

— У них был в школе труд...

Не заметив ее реплики, он продолжал:

— Я думаю, она ни разу не подметала в квартире и не умеет держать веник. Молодая, здоровая, сильная, и год сидит без дела. Почему ты не устроила ее если не в цех, то хотя бы куда-нибудь в контору? Ведь это не только потому, что где-то не хватает рабочих рук. Это нужно ей самой. Наконец, она будущая мать!

— Что ты, она еще ребенок.

— Перестань, Геля. Ты же отлично пони-

маешь, что я говорю. Неужели было бы лучше, если бы я сейчас только льстил тебе, говоря, какая Нелли музыкальная, как она развита... Все это есть, но ответь мне: почему она не работает?

— Решила отдохнуть после школы.

— И ты согласилась?

— Да. Я не имею права ущемлять ее самостоятельность.

— Однако ты только что говорила — она еще ребенок. Где же логика?

— Ах, папа. Это все сложнее, чем ты можешь понять. Я не буду, не хочу ломать ее волю, потому что сама — да, сама! — нянчила в ней, как самое ценное, быть собой. Что за человек в наше-то время, если только и будет делать, что под кого-то подстраиваться? Нет-нет, папа, пусть она все решает сама.

— Я не узнаю тебя, Геля.

Он вскочил, стал посреди комнаты, спиной к дочери, потому что хотел увидеть за окном поднимающуюся над той горой-пузырем луну, и вдруг, против своей воли, сказал:

— Сюда приходила эта. Мать семерых парней...

— Симочка, что ли? — как-то деланно засмеялась Ангелина. — И чего потребовалось у нас этой парунье?

— Не говори так, Геля. Она мне показалась умной и понимающей женщиной.

— Не надо, папа, преувеличивать. Ты хоть спросил, где она работает?

— Не интересовался.

— Алё-техничка! Вот кто твоя Симочка! И выше няньки в детском саду она не поднималась! Пришла рассказать тебе, как наша Нелля дружила в школе с ее старшим парнем? Меня мутило от него! И я довольна, что Нелля поняла вовремя, что такое этот Петя, его мама Симочка и вообще вся ее семья! Она что ж, — Ангелина разволновалась, говорила торопливо и громко, словно у нее, как на собрании, истекал регламент, — приходила и говорила, что Петя не может забыть Нелю, что он любит, что у них судьба? Да она об этом на весь город трезвонит. Боже мой, боже мой... Почему меня не было дома, я бы показала ей на двери! Может быть, ты пустил ее и в Неллину комнату?

— Мы были там вместе.

— Ой! — вздохнула-вскрикнула в отчаянии Ангелина. — Какой ужас! Теперь всему двору распишет, что видела, что не видела! Она же несусветная болтушка!

— Геля!

Дочь умолкла наконец, потому что отец не просто обратился к ней, а произнес имя с такой укоровизной, как бывало когда-то давно. Она опешила враз и вновь ощутила себя маленькой и виноватой перед всемогущим и всезнающим отцом.

Нет, теперь Савельев не жалел, что сказал дочери о визите Симочки. Если бы и не хотел даже, все равно надо было сказать.

Иначе бы он не все понял в этой семье.

Что-то, видимо, поняла сейчас, во всяком случае в своем отношении к отцу, Ангелина. Она сказала примирительно:

— Извини, папа. Наверное, эту тему надо было затронуть нам в другое время. Сегодняшнее собрание меня совсем выбило из колеи...

Савельев услышал назойливое, хоть и слабое, шипение: давно вскипела вода в чайнике. Он пошел, снял его, поставил на плиту, достав из холодильника миску с супом, сваренным позавчера еще Ангелиной.

Она успокоилась вроде, умылась и стала хлопотать, собирая на стол.

За ужином Ангелина стала рассказывать о своих делах, даже весело, опять была не то что сама собой, а его милой младшей дочкой, которая любит отца и которую любит он, и они будто бы так хорошо понимают друг друга.

Потом он помогал ей убирать посуду, а сам все поджидал, когда пробьет в прихожей звоночек, сообщит о возвращении внучки. Но звонок молчал.

Уже около двенадцати Ангелина расставила в коричневой комнате раскладушку, застелила ее; он лег. А сама ушла в спальню, и возле двери долго все светилась вертикальная, узкая, как игла, щель.

Когда часы пробили один удар, щель погасла. Он все не спал, смотрел в серый потолок.

Потом часы пробили дважды, потом трижды. После трех часов он стал вслушиваться в голос ветра, залетавшего вдруг по двору, и незаметно уснул. Спал крепко, ничего не привидев во сне, зато уловил и сосчитал утренние семь ударов.

Пришло обычное время, когда он поднимается.

В спальне закричала кровать, послышались шуршащие шаги: то встала Ангелина.

Подумав о внучке — дома ли? — Савельев повернулся на бок, чтобы переждать, когда пройдет на кухню Ангелина, но долгие ночные часы без сна дали себя знать: незаметно он вновь заснул, и спал, видимо, крепко, потому что не слышал ухода дочери.

Разбудила его музыка, непонятные ему ритмы.

Значит, внука дома, проснулась, и у нее начинается день.

Встав и прибрав после себя, унеся раскладушку, умывшись и побрившись жужжащей электробритвой, Савельев заглянул под салфетку на столе: глазунья, вкусно поджаренные кусочки батона, варенье. Чай был на плите.

Однако еда его отчего-то не приманила, а поманила улица, где было сыро, дождливо, дул ветер; натянув фуражку и плащ, старик вышел из квартиры и стал спускаться по лестнице.

Во дворе его охватило теплым легким мокрым; нет, осенью это время еще нельзя было назвать:

август как-никак хоть последний, по летний месяц, и он еще добр; однако как ни крути, августовское ненастье уж не сродни июньскому.

Постукивая палкой, потихоньку вышел из двора, пропустил пяток машин, разбрызгивающих лужи, перебрался через дорогу. На тротуаре мокро клеились редкие опавшие с лип листья, напоминая, что все-таки осень не за горами.

Наверное, около часу ходил он под мокрыми липами: улица то плавно спускалась куда-то вниз, то начинала дыбиться подъемом; с деревьев на него капало, сырой слабый ветер был тепл и приятен.

Его обогнала грудка парней и девчонок, все они были в коротких, петушино-ярких мокрых курточках, в джинсах, с распущенными волосами; он представил, что это если не те, что приезжают за Нелькой, то уж такие точно же, у которых какая-то иллюзорная, по его понятиям, жизнь — все забито пластиночно-магнитофонной дребеденью, как мешок трухой. И вроде полон он, дутый, а тронь — легковесен и мягок, потому что в нем пшик — и только.

И все потому, что главного-то, дела то есть, у них нет. А может, и есть, по оно ему не видно.

Савельев не мог даже подобрать какого-то сносного определения: если сравнить с жизнью сытой кошечки, что сладко спит на диване, так ведь ошибешься, потому что она нежится до поры до времени, придет час — и вскочит, пружинисто потянется и отправится царапать двери, чтобы выпустили, проникнет в подвал и будет настороженно и невообразимо долго, вся в напряжении и сторожкая, выжидать тихого мышинного шороха. Это ее призвание, это, наконец, ее суть.

А в чем суть таких вот ребят?

И отчего же Нелька в их кругу? Ведь мать ее, Ангелина, — человек не то что занятой, она вообще удивительно деловая и вечно крутящаяся в заботах. За две недели, пока гостит отец, только раз пришла с работы вовремя. А потом — все в восемь да в девять: то у нее семинар, то она где-то выступала, то засадала, то совещалась, то ездила с делегацией.

«Тьфу! Вырастил на свою голову активистку! Прозасадала, а дочка-то и осталась в стороне. И отец такой же, готов дневать и ночевать в своем отделе да из командировок не вылазит... Воспитатели!»

«Вот эта беда, то есть, конечно, не Ангелинина загрузка, не зятева затяжная работа, а внучкино непонятное существование теперь терзало его.

За тех-то трех девочек, что дома, он снокоен: все в ажуре, хоть и тоже днями на работе родители, да то ли чутье у них какое, то ли само так вышло — семья не малая, и хотел бы белоручку вырастить, да ничего не получится.

«Пропадет! Пропадет Нелька, — думал он, — что выйдет-то из нее? Для себя только и живет, для собственного, так сказать, удовольствия...

А уж на правнука и вовсе надежды никакой... От нее не дождешься. А те-то, домашние девки, еще когда заневестятся...»

«Который твой?» — спросил он как-то у Нельки, когда компания из пяти молодых человек ушла, отшумев и отдымив дорогами сигаретами, причем он не разобрался толком, сколько было среди них парней — то ли три, то ли два.

«А никоторый. Мы все друзья», — ответила внука и закрылась у себя, включила не успевший еще остыть магнитофон: ей принесли новые записи.

Он опять стал думать о своем доме, о той семье, где дочь Катерина с девочками-школьницами. Над крышей там вскинулись два тополя, под окнами течет ленивая Урейка, а над ней склонились, нависли старые, с кривыми уродливыми стволами ивы. Там у него вся жизнь, там степь и раздолье, а здесь он — гость для дочери и вроде совсем чужой человек для Нельки, как бы ни была она дорога ему, кровь от крови его Ангелины.

Выстукивая палкой мокрый асфальт, он все так же неторопливо шел и неторопливо думал, взвешивал по своей привычке все и пришел наконец к выводу, что эта его затея с Симочкой, с разговором, приготовленным вчера для Нельки, — затея не то что сомнительная, а вообще безнадёжная; и вся беда в том, что не знает он ее, свою внуку, ни на грамм, не понимает тем более, и влезать в ее жизнь у него нет никаких оснований; но тут же он сам себя и осудил за последний этот свой вывод, потому что основания есть, когда у человека складывается начало такое... Но разве не может все выправиться в конце-то концов, если не само собой, то под влиянием чего-то более основательного, чем его, старика, желание? Ведь жизнь не всегда будет вот так нежить и баловать его внуку. Тогда что? Без тебя, старого, все устроится? Может быть, но все равно захотелось, однако, того хотя бы, чтобы хоть на миг найти с девчонкой контакт — в слове ли, в молчании ли, и тем успокоиться, убедить себя, что человек она с душой и добрым сердцем, а остальное все мишура и обманка, которая осыплется, облетит, приди к тому только пора.

Вернулся он домой мокрый, по подобревший и помолодевший вроде бы.

За Нелькиной дверью теперь звучало что-то мелодичное, грустное и размеренное, понравившееся ему даже.

Разогрев чай, приготовив на столе все на две персоны, он постучал робко в звучащую удивительной мелодией дверь.

Еще раз постучал, громче, сказал:

— Внука! Нелечка! Позавтракали бы вместе, а?

— Не хочу.

— Я прошу тебя. Посидим... Уезжаю вечером... Да, об отъезде он решил окончательно, когда,

после прогулки под мокрыми липами, поднимался долго по надоедливym ступеням лестницы к Анжелиной квартире.

Нелька была с утра без краски — ни на губах, ни под глазами, с разлохмаченной чернью волос, с чуть припухшими глазами. И от того, что без краски, была проста, хороша и мила. И глаза мерцали как-то глубже. Одно только не нравилось Савельеву, что все же бледновата девушка, может, потому так, что хоть городишко и мал, да все равно не село — воздух не тот, и вода не чиста, и машин вон сколькo газует под окнами.

Поздоровавшись, она села напротив.

Ела мало: крохотный кусок поджаренного хлеба, глазунью только ткнула вилокoй, но выпила полный стакан чаю, налив одной почти что голимоy заварки.

— Поездом или автобусом поедешь? — спросила внучка и подняла на деда глаза. Крупные материньы глаза, темно-серые и с нутрянной синевой, бархатистые какие-то, с короткими и блестящими ресницами. А под ними, под этими ресничками, не то безразличие ко всему, не то усталость.

И опять же, как вчера с Анжелиной, он непривольно проговорил:

— А я с Серафимой Ларионовной совет держал...

Нет, зря он отказался, бродя под липами, от разговора с Нелькой на эту тему, потому что сразу ее глаза сощурились чуть, ожили, в них птичкой промелькнула тень.

Нелька усмехнулась, взяла бумажную салфетку и начала протирать нежные длинные пальчики с длинными, фиолетово-красными, как некие драгоценные камни, блестящими ногтями.

— Все о Пете своем переживает?

— Переживает... А почему бы ей не переживать? А я о тебе...

— О себе я сама позабочусь. Извини, дед, — ответила она, встала, потянулась — стройная, высокая в этих своих брючках с лепешкой-картинкой на правой ягодице. — Извини, что перебила. Поезд во сколько?

— В восемь вечера, — как-то устало сказал он. Что еще оставалось: его спросили — он ответил.

— Я, может быть, подскочу, — и ушла.

До самого обеда он сидел на кухне, потому что сюда не так проникали бесконечные ритмы из Нелькиного угла; у него снова начала болеть голова.

На перерыв Ангелина прибежала торопливая, наспех пожарила картошки, пошла звать к обеду дочь, но та, видимо, отказалась от обеденной компании, не остановила музыку, не вышла.

Савельев сообщил о своем намерении уехать сегодня.

— Ну вот, — сказала Ангелина, — так и не дождался Никишева. Живи до воскресенья. Он обя-

зательно в воскресенье придет. Все говорил: давно старика не видел...

— Ничего, — ответил он. — Огорчение для него не велико. Может, осенью заглянете к нам? Все трое? Катя уж извелась по тебе. И девочки...

— Все трое? Не обещаю. Никишева не выдержать. А я побываю. По сестре тоже соскучилась. Ты поездом? В восемь? Ну вот... А я с комиссией уеду сейчас на стеколзавод. Проверяем постановку идеологической работы. Поэтому поживи до завтра, пожалуйста...

— Нет, не могу, — сказал он. — И вот еще что. С Нелькой у меня тоже не состоялось разговора. Извини, говорит, дед.

Ангелина торопилась прибрать на столе, эти его слова вроде бы и не услышала даже.

— Как ты без меня-то поедешь? Я прошу, останься до завтра. Не могу я отпроситься сегодня... Никак...

— А зачем? — сказал он, как можно веселее, провожая дочь до двери и выходя на площадку.

Ангелина вскинула руки на его высокие плечи, потянулась на цыпочках, чмокнула отца в щеку. Он погладил ее по душистым седеющим волосам.

— Приезжайте осенью. Обязательно.

— Нет-нет! Никуда ты не уедешь сегодня. Только завтра. Я отпущусь на весь день. Сейчас я не прощаюсь...

Он вернулся в комнату, сел в кресло и задремал. Ему показалось, что у Нельки наконец стихло в комнате. Однако почти тотчас его заставило вздрогнуть теньканье звонка. Хотел встать, открыть двери, но пока поднимался, пулей вылетела Нелька, в комнату шумно ввалились двое в сине-красных курточках, парень и девка, тонкие и долгие. Нелька сразу же оказалась меж ними, закинула руки им на плечи, и тройца исчезла в ее комнатке.

Враз усилившаяся мощь музыки опять загнала Савельева на кухню; однако уже минут через пять все было выключено, по коричневой комнате прошумели, выходная дверь стукнула, и в квартире стало невообразимо тихо.

Савельев, чуть подождав, занялся сборами.

4.

Накормив семью ужином, наказав своим наевшимся до отвала школярам все перемыть и прибрать на кухне, протереть к ее приходу пол в коридорчике, она пошла за Олежкой в детсад. Малышка был в продленной группе, и его следовало забирать не позднее восьми, обычно это делали его старшие братики, а сегодня она освободилась поране и пошла сама. Семь только что показали стрелки, можно было не спешить, и во дворе Симочка остановилась с соседкой, Глашей Берестовой, женщиной всегда знающей все дворовые новости и охотно сообщавшей их каждому.

Поговорили о дневном недолгом дождичке да ветреной погоде, и тут Глаша сразу же сказала с осуждением, что вот старик от Никишевых поковылял к поезду, наверное, потому что с чемоданом, а его и проводить некому, багаж поднести.

— Вот те раз! — всплеснула рукой Симочка, удивясь столь неожиданному отъезду старика Савельева, и, ничего не сказав Глаше, побежала скорее в детсад, чтобы захватить Олежку.

На ходу она все придерживала полы синего болоньевого плащика, но от быстрой ходьбы и от ветра, а также от малого запаха — уж так теперь шьют все экономно — полы то и дело вырывались в стороны, юбка взметывалась, оголяя белые Симочкины колени.

Но вот уже и Олежкина ручка в ее руке, и тянет она его, торопит, а он любознательно пучит глазенки по сторонам, пристает:

— Маму, а его сто?

— Маму, а его хто?

На автобус еле успели.

Привокзальная площадь блестела сырым асфальтом, в занимавшем ее середине овальной

формы сквере шумели липки, было много народу, ожидавшего тот автобус, с которым Симочка только что приехала, все повалили навстречу, и она с трудом выбралась, ругаясь:

— Куда прете? Ребенка хоть выпустите!

Таща за руку малыша, Симочка вспомнила, что вчера вроде бы Сергей Петрович и словом не обмолвился, что собирается обратно, значит, стряслось что-либо там, в его семье, либо тут. А что тут? Завел с Нелькой разговор, разнервничался, расстроился, не выдержал...

У вокзального красноватого здания, кирпичной кладки об одном этаже, с выступами и всякими там полочками, ее внимание привлек куций цветочный ряд: три женщины сидели на скамейке, а перед ними, в стеклянных банках с водой, рдели георгины, нестрели, шпаги гладиолусов, панахами висели крапчатые пионы. И хотя часы на вокзальном фронтоне показывали без пяти шесть, то есть по-местному почти восемь, она потянула Олежку к цветам, не раздумывая и не выбирая, купила белую астру с лепестками-губочками и мраморно-сиреневый тюльпан для

мальца. Он, получив цветочек, возликовал, но Симочка тут же поволокла его за собой вокруг вокзальной стены, на перрон.

Все ближние к нему пути были пусты, они открывали уходящее вдаль пространство, выделенное тоскливо-сужающимися, исчезающими в перспективе рельсами, казалось, что они в расплывчатой дали упираются в синеватый от хвои холм, слитый с серым небом. Пахло криолитом, масляно поблескивали меж путей черные лужи.

Далеко на перроне стоял, опершись на палку, высокий прямой человек в светлом плаще; это был, конечно, Савельев.

К нему они подходили запыхавшимися и раскрасневшимися оба; Симочка улыбалась растерянно, а Савельев все не замечал их — то ли занятый мыслями, то ли просто в бездумном ожидании. Возле ног его смиренно стоял чемоданчик.

Тронув старика за рукав, Симочка выговорила: — А вот и мы! Поздоровайся с дедушкой, сына...

Он как-то странно посмотрел на подошедших, словно не понимая, кто они и зачем тут, и вдруг его губы дрогнули, он слотнул и, растерянный, сказал:

— Ага! Самый большой человек появился.

— Здрав-стуй, деда...

— Здравствуй, кузнечик. Какой ты зеленый!

На Олежка была зеленая курточка, те самые короткие штанишки с проймочками, серые чулочки и зеленые ботинки.

Савельев нагнулся, подхватил парнишку под мышки и высоко поднял над собой.

— Москву видишь, герой?

— Визу-визу! — возликовал тот, мотая головой и ногами и просясь на землю, не забывая крепко сжимать в кулачке стебель тюльпана.

Когда парнишка оказался на ногах, а Савельев опять распрямился, Симочка спросила:

— Поезд в восемь?

И подала старику астру.

— Что ты, зачем, Симочка? — сказал он сдавленно, однако цветок взял.

— Пришла на последний свид, вот и дарю на память. Вы в вагоне его — в бутылочку, а дома — в книжечку, засушите и будете меня всегда вспоминать, дурочку такую. Там прибежала к вам, сюда прилетела... Это неспроста, вы только недогадливые, а то бы давно поняли, что Симочка неравнодушна к вам, — тараторила она простецки, и трудно было понять самой — шутит ли, всерьез ли говорит; ей же хотелось, конечно, чтобы все это выглядело несерьезно.

— А поезд опаздывает на семь минут, — сказал Савельев, — только что объявляли. Иначе бы уж в вагоне сидел и махал вам рукой через стеклышко.

— Тогда надо присесть на дорожку!

Недалеко виднелась скамья, возле ларька, в котором на витринке были выставлены пирожки,

кульки с печеньем и копченой рыбой, лешки, конфеты и бутылки с кефиром — почти стандартным набором перронной торговли.

Здесь и сели они.

Симочка спросила без обиняков:

— Что стряслось? Почему мне не сказали, не зашли?

Савельев сидел так же прямо, упершись ладонями в колени. Олежка прыгал перед ним на одной ноге.

— Иди ко мне, — сказал старик ему, протягивая руку. Олежка замер, но что-то словно подтолкнуло его, и он кинулся в объятия к деду, тот усадил его к себе на колени, прижал, стянул с головы мальчика матерчатую жокейскую шапочку и стал гладить волосики, гладил их долго, и было видно по лицу старика, как отходит оно и добреет.

— Как тебя зовут?

— Ольлезка...

— А я дед Сергей. Ну-ка, наденем набекрень!

Малыш натянул шапочку, а Сергей Петрович, ничуть не отпуская от себя крепенькое тельце его, сказал Симочке:

— Стрятьсясь-то не стряслось, выходит, ничего. Вот так, милая. Думал: раз живой, значит, могу что-то сделать. Ну, и хотел, как ты понимаешь, в Ангелининой семье... Да ведь вместе мы с тобой размышлялись... Себя переоценил, что, мол, с моими-то годами, да не с чужой, а с внукой... Скажу, что не так начинать, не так жить надо, вот что думал. Да дурень и есть, как ты говорила. Теперь я ничего не знаю, все сплелось. Может, так и надо, откуда мне понять? Ангелина что сказала: я не хочу ущемлять самостоятельность дочери, я сама ее в ней выпестовала, пусть дочка все сама решает и выбирает себе образ жизни. Вот что мне моя дочь любимая сказала, а понимать надо: не лезь, старый хрен, где ничего не смыслишь. А потом с девчонкой, старый дурак, сунулся с разговором. Сунулся, а что получил? «Я о себе сама позабочусь...» То и понял, хоть моя кровь, да все чужое. Все! С этим еще могу смириться, хотя трудно. Но и то я понял, что мне уж нельзя никуда влезать, потому как вычерпался, значит, и ничего в новой вашей жизни не смыслию. Вот что и погнало в свой угол, затаюсь там и доживу как-нибудь свои дни и умру, ничего не поняв, что происходит... Ведь Ангелина-то какой человек! Ведь труженица, активистка, а дочка ее... Ручки-ножки басенькие да глазки. Так неужели — и весь тут человек? С дедом разговаривать не пожелала...

— Сергей Петрович! — весело окликнула его Симочка, прервав тяжелые слова старика, и стала дергать его за рукав. — Сергей Петрович...

Он повернул лицо к Симочке: удивленная, она живо показывала глазами в сторону. Он посмотрел вдоль перрона и не сразу сообразил, что высокая простоволосая девушка в джинсах и яркой

кофточке-батнике — это Нелька, его внука, идет, всматриваясь во встречных, ищет кого-то.

Увидела, замахала поднятой рукой, быстро подбежала.

— Ого! Какая тут семья! — и бесцветно, кинула Симочке: — Здравствуйте.

На первый путь, мелькая красными вагонами, влетел поезд, вот ход его стал замедляться, гаснуть, застучали сценки, и враз стало тихо. В открывшейся напротив двери проводница в черном форменном костюмчике откидывала платформу над ступенями. Нелька подхватила чемодан деда и цветок, спросила:

— Который вагон?

— Этот — восьмой. Аккурат подкатил.

Симочка забрала у Савельева сынишку, поставила его на ноги.

— Какое место? — опять спросила Нелька.

— Проходящий же. Что проводница даст.

— Пока я унесу вещи, вы попрощайтесь тем временем, — сказала с издевочкой.

— Счастливого вам пути, — сказала Симочка старику, подняв лицо и растерянно глядя Савельеву в глаза. Не успела она ничего сказать, пока сидели, пока выговаривался, выливал свою горечь он. И потому надо было сказать сейчас, пока одни, что-то главное, такое, что успокоило бы, утвердило в надежде не только его, Нелькиного вконец расстроенного деда, а более того ее самое; хотя она-то — не-ет! — не потеряла надежду. Не на счастливый союз ее Петра, не на восстановление хотя бы его отношений с девушкой, а веру в то, что выправится дедка, жизнь приведет так, и откроются в ее душе такие качества, о которых Симочка только догадывалась, а увидев Нелькин портрет, утвердилась в этой мысли безмерно.

Она затараторила:

— Сергей Петрович, и я бы тоже с удовольствием поехала куда-то... Да никак своего Мишаню не стоворю, куда, говорит, с такими хвостиками? Вы столько тут наговорили мне нехорошего о себе, и вообще... Вообще я вам скажу, что сегодня вы на сто процентов не правы, а тогда вы думали лучше, когда мы шли с вами кофе, и тогда вы были правы... А сейчас вы расстроили себя... Вы не думайте, что никому не нужны, ведь примчалась же внучка, значит, есть в ней доброе сердце... До свидания, Сергей Петрович, приезжайте. Олежка, помажь деду ручкой, помажь... ну, Нелечка, какую там полку деду выхлопотала — не боковую, не верхнюю?

— Нижняя, хорошая полка. Двадцать третье место. Уже дали отправление.

У ступени Савельев повернулся к малышу:

— Ну, кузнечик! Поедешь с дедом?

Тот сразу вцепился в материну юбку.

— Прощай, Симочка! Приезжайте, Неля!

— Счастливого пути, дед!

Он обернулся, поцеловал Симочку в голову, погладил по разлетным черным волосам девушку.

— Увидимся ли еще, внука? У моих-то годов неожиданностей много припрятано. Что вывалится — неведомо...

Он посуровел вдруг. Вероятно, подумала Симочка, чтобы скрыть волнение, поднявшееся в нем.

Стук сценок прокатился по поезду, убежал куда-то назад, к последнему вагону.

Старик неподатливо стал подниматься на первую ступеньку, Симочка подскочила подсобить.

Потом сказала сыну:

— Маши ручкой, Олежка, маши... Уезжает деда.

Савельев сказал, стянув с головы фуражку, забелев в сумраке тамбура крупной головой:

— Неля, ты Серафиму Ларионовну не осуждай. И не сторонись ее, она тебе...

Поезд тронулся, загрохотав колесами и сценками, старик говорил что-то, но слов нельзя было различить, и Симочка сполошно крикнула:

— Я вам напишу!

Он закивал головой, поняв.

И вот уже поплыло все перед глазами Симочки, замелькало, ускоряясь, красными пятнами, она одной рукой вытирала глаза, другой все махала, и Олежка истоиво вымахивал ручкой, Нелка помахивала пальчиками.

Поезд ушел, сходили с перрона редкие провожающие.

Симочке стало зябко, она поставила на плащике воротник, присела, поплотнее застегивая на мальчишке курточку.

Нелка ждала их. А когда Симочка поднялась, сказала:

— Идемте.

МАЛ

Анатолий
ОМЕЛЬЧУК

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЛЕДНИК, НО, ДОРОГ...

Там, на берегу зеленоводного озера Хадата-Юган-Лора, из которого вытекает стремительная, порожистая, хрустальная река Большая Хадата, приютились несколько домиков. Когда четверть века назад по программе Международного геофизического года (МГГ) потребовалось организовать исследования ледников Полярного Урала, то гляциологи Института географии Академии наук СССР для своего стационара выбрали именно этот красивейший уголок горного края. Я попал сюда осенью 1981 года. Над горой Палаткой висели темные тучи, пейзаж был диковатым, мрачно-величественным. Но стоило выглянуть солнцу, как все приобрело вид почти домашней ухоженности. Но сам научный поселок, который когда-то знал лучшие времена, выглядел уже заброшенно — гляциологи ходили в последние маршруты, они завершали долгосрочную программу исследований, стационар сворачивал свою работу.

В союзный каталог внесено 144 полярноуральских ледника, они тщательно и всесторонне описаны и охарактеризованы. Наиболее заметная их особенность — они самые маленькие на планете. Может быть, поэтому о них в начале столетия еще даже и не подозревали и открыты они были почти случайно. В 1908 году по Большеземельской тундре путешествовал известный северовед-зоолог С. В. Керцелли. Проводником у него был местный охотник коми Егор Терентьев, «поэт в душе и страстный любитель северного простора и кочевой жизни». Егор и поведал путешественнику о том, что «есть у нас на Камне места, где снег никогда не тает, и там уже не снег, а такой твердый лед, что его только топор берет, а снега и льда не видно, потому что сверху завалены мелкими камнями, а внизу, где кончается лед, в нем большая дыра, как пещера, и оттуда течет речка. Длинною такие места бывают больше версты».

Керцелли торопился, не смог воспользоваться «соблазнительным» предложением, чтобы проверить наб-

людения тундровика, однако его рассказ поместил в своей книге. Егор Терентьев, сам не ведая того, нарушил одну научную легенду, скрепленную авторитетом такого знатока Полярного Урала, как Эрнст Гофман. Полковник корпуса горных инженеров возглавлял первую экспедицию Российского географического общества (РГО) в эти края и сделал вывод, что ледников здесь не существует. Вообще эта ошибка простительна: в районе полярноуральских ледников экспедиция шла зимой и немудрено было не заметить под метровыми сугробами небольшие потоки льда. В 1929 году молодой советский геолог Александр Алешков окончательно опроверг гофмановскую гипотезу и подтвердил правоту проводника Егора — на восточном склоне хребта Сабля он обнаружил несколько карстовых ледников. Один из них он назвал именем Гофмана. Наверное, в этом поименовании есть небольшая укор руководителю первой полярной экспедиции РГО, но в то же время и признание заслуг в изучении северных отрогов Камennого Пояса. Самые северные ледники обнаружил ленинградский геолог Александр Хабарков — район Хадатинских озер — крупнейший очаг полярноуральского оледенения. Самый южный ледник открыт совсем недавно — всего два года назад — профессором МГУ Леонидом Дмитриевичем Долгушиным, на счету которого, пожалуй, самое большое число «ледовых» открытий. В 1958 году гидролог Александр Кеммерих на юго-восточном склоне хребта Оченыйрд (это недалеко от Воркуты) в бассейне реки Большая Кара открыл солидный ледник, который имел в длину 1100 м. Он дал ему имя Егора Терентьева, тем самым утвердив научный подвиг простого тундрового пастуха и охотника, попавшего в гляциологическую летопись.

Небольшие ледники имеют свои преимущества — они очень чуткие индикаторы изменения климата не только в локальном районе, но и в глобальном масштабе, остро реагируют даже на малейшие изменения,

которые претерпевает в последние десятилетия климат нашей Земли.

На Полярном Урале я еще застал доктора географических наук В. Г. Ходакова. Он начинал здесь работы 25 лет назад и, так уж получилось, завершает их. Редкий полевой сезон он пропускал, чтобы не побывать на Полярном Урале.

— У каждого ледника есть свой характер, — рассказывает Владимир Георгиевич. — Мой самый любимый объект — это ледник ИГАН, на нем я начинал. Он самый большой в этом районе и, наверное, самый оригинальный: две трети его принадлежит Азии, он дает воду Оби, одна треть — Европе, вода попадает в Печору. Водораздел проходит как раз по нему. Самый красивый — ледник Обручева, впечатляюще расположенный в каре. Его можно увидеть из лодки, когда плывешь по зеленой воде Хадата-Юган-Лора. Самым удивительным можно считать ледник МГУ — в 1957 году это был нормальный ледник (2200 м) с длинным языком, сейчас язык исчез — на его месте озеро во льду. Самый близкий к стационару ледник Олений — красивый, обрывистый и удобный для исследований. Он почти не меняется, на него действует эффект так называемого авторегулирования: за жаркое лето поверхность «съедается», но за зиму оставшаяся емкость снова наполняется метелевым снегом. Таков же и его сосед — Медвежий.

Общее изменение климата планеты — потепление и усущение, — противопоставленное для ледников, естественно, сказывается и на состоянии ледовых рек Полярного Урала: они интенсивно деградируют и находятся в удрученном состоянии.

И хотя стационар Института географии АН СССР завершил работу, гляциологи будут бывать здесь постоянно: их исследования предусматривают специальные программы. Да и простые туристы не застрахованы от новых открытий — Полярный Урал хранит еще немало тайн.

Проводы

Средняя Азия... Ее территория огромна — на западе примыкает к Каспийскому морю, на востоке — к границе с Китаем, она пролегла от Арало-Иртышского водораздела на севере до Ирана и Афганистана на юге. Прохлада и щедрость зеленых долин, сушь пустынь, ледники в горах. Четыре советских социалистических республики на среднеазиатской земле — Узбекская, Таджикская, Туркменская, Киргизская. Каждая, как вечная поэма, которую пишет история: с прологом, уходящим в глубь веков; с главами, где жестокие междоусобные войны, опустошительные нашествия иноземцев, гнет местных баев и ханов, восстания нищеты; и, наконец, начало новой главы, первая строчка которой — Великая Октябрьская революция. Сегодня мы предоставляем слово узбекскому поэту Эркину Вахидову. Родился он в 1936 году в Алтыарыкском районе Ферганской области. В 1960-м окончил филологический факультет Ташкентского университета. Печататься начал с семнадцати лет. Он — автор многих сборников стихов и поэм. Кроме того, переводит на свой родной язык произведения Иоганна Гёте, Леси Украинки, Сергея Есенина, Михаила Светлова.

Ах, стихи мои,
Детушки-дети,
Я за вас, дорогие, в ответе.
Собираю вас в сердце своем,
Сердце —
Это родительский дом.

Причешу я вас всех,
Приодену,
Труд приходит
Забавам на смену.
Провожая я вас навсегда
В незнакомые вам города.

С похвалой или, может, с упреком
Повстречаться в краю вам далеком,
Ваш учитель, наверно, там
Вас обучит другим языкам.
Перед долгой нелегкой дорогой
Я хочу вам сказать очень много.
Ни любви не жалел я,

ни сил:

Жизнь свою я вам всю посвятил!

Сколько сжато бессонницей ночек,
Каждый стих —
Это сердца кусочек,
Я ласкал вас
И мучил не раз,
Все ж поставил я на ноги вас.

Вы сбегали в зеленые дали,
Вы от лжи с стороне вырастали,
Смелость,
Искренность —
Ваших друзей
Я привел из цехов и полей.

Иногда я вас мог и обидеть,
Чтоб холёными вас не узидеть,
И знакомил с бедою большой.
Чтобы выросли с доброй душой.

Обучал не роскошным нарядам,
Обучал вас народным обрядам,
Чтоб в мелькании дел и забот
Вас назвал бы
Своими
Народ.

Чтоб служили ему без заминок
В пору садеб его и поминок
И за правду вставали горой,
Хоть мечом пригрозят вам порой...

Эй, учитель стихов —
Переводчик,
Принимай моих выросших дочек
И подросших моих сыновей,
Проведи по земле их своей.

Там, где льются индустрии зори,
Я просил их:
меня не позорить,
Гордо жить, быть самими собой
И на стиль не польститься чужой.

Эй, ведущий стихов
В мир огромный,

Мир вмещался в стихах моих скромных,
Наставляй их на избранный путь,
Чересчур лишь жестоким не будь.

Не вини их — прсшу — за наивность,
За излишнюю, может, активность,
Выпрямляй им походку и стан,
Лишь бы помнили
Узбекистан.

И, уйдя от Востока далеко,
Не забыли б учтивость Востока,
Тюбетейка, халат — не нужны,
Ведь одежды совсем не важны.

Что б в стихах моих ни изменилось,
Лишь бы сердце узбекское билось.
Не таю я тревоги своей —
В дальний путь провожаю детей.

Ах, стихи мои, детушки-дети,
Я за вас перед всеми в ответе.
Подошел расставания срок.
Я желаю вам добрых дорог!

Померкшие звезды

Веков, наверно, двадцать
Пространствовал,
В ночи
В окно мое стучатся
Померкших звезд лучи.

О, звезды, что погасли
Милены лет назад,
Сказали ли о вас ли:
— Как радостно горят!

Кто заявить посмеет,
Что вас сегодня нет?
Как прежде, пламеня,
В сердца нам льете свет.

Вновь из-за вас влюбленный
Не покидает пост,
Летающие бессонно
Лучи померкших звезд.

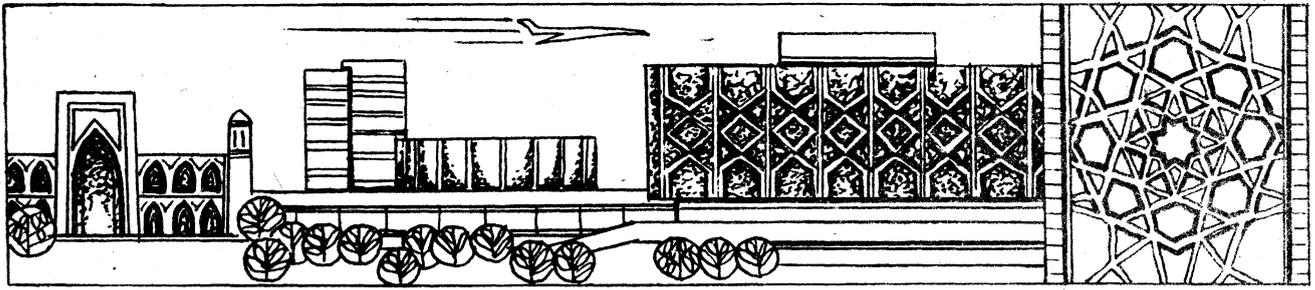
Какое это чудо,
Что свет заш не погас,
Я думаю о людях,
Когда смотрю на вас.

И кажется нередко:
Идут из прошлых лет
Дела великих предков,
Как звезд погасших свет.

Их нет давно на свете,
Но в горестях Земли
Лучи нам часто светят,
Что судьбы их зажгли.

Перевел с узбекского
Л. Сорокин

Укротитель львов

(Ванкуверское представление)

В клетке огненный обруч, треща, горит,
Лев хозяину холодно смотрит в глаза,
Плеть над вздыбленной львиною гривой свистит,
Лев рычаньем своим сотрясает зал:

— Беспомощный человек!
Брось плеть!
Не накликай беду.
Тебе бы гореть
У всех на виду.
Слышишь,
Ярость во мне не буди.
Тщеславное сердце
Из тощей груди
Вырау!
Никто не поможет.
О, как ты ничтожен!
Не стану прыгать в огонь твой,
Нет!
Ты видел саванны мерцающий свет?
Я царь там.
А ты, выходящий на плац,
Клоун никчемный,
Подлый паяц.
От славы звенит твоя голова.
Но знаешь ли силу гнезного льва?
Слепец, ты не ведаешь,
Что через миг
Предсмертный выдавишь крик.
Я день проклинаяю,
Когда был пленен!
Я век проклинаяю!
О, пакостен он:
Клоуну в руки он плеть дает,
Слабый сильного бьет!..

В клетке огненный обруч, треща, горит,
Лев хозяину холодно смотрит в глаза,
Плеть над вздыбленной львиною гривой свистит,
Лев рычаньем своим сотрясает зал.

Укротитель почуял: что-то не то,
Плеть опустил и ко льву шагнул,
Плеть шевельнула упруго хвостом,
Словно змея начеку.

Легла тропа поперек тропы,
Судьба легла поперек судьбы.
Замер в неясном предчувствии зал.
Укротитель тихо сказал:

— Я не невежда, я знаю,
Что ты силен и коварен,
Не называй меня подлым,
Не называй — хозяин.

Мы — одной крови,
Мы — одного плена:
Тебе уготована клетка,
Мне — эта арена.
Есть надо мной хозяин,
Мы для него — тени.
Ты ведаешь запах мяса,
Он ведает запах денег.
А я не богач, не кролик —
Мечусь между вами,
Снедаем одною болью,
Терзаем одним призываньем.
Всего-то во мне и толка,
Что волшебства немного,
Что душу познать живую —
Талант у меня от бога.
И если еще добавить,
Так это самую малость:
К невольникам горького мира
Не гаснет любовь и жалость...
Слушай меня, дружище,
Плеть неназистна? Брошу!
Слушай меня внимательно,
Яростный и хороший.
Мне-то казалось, к некоему
Таинству я причастен.
Грады не за награды
Возводит истинный мастер.
К чему мне аплодисменты,
Если меня невзлюбишь?!
Мне ведомы люди, как звери,
Но чаще — звери, как люди.
Если меня ненавидишь,
Прикончи.
Вот и награда.
Без твоего признанья
Мне жизни
Не надо...

Легла тропа поперек тропы,
Судьба легла поперек судьбы.

В клетке огненный обруч, треща, горит,
Сердце есть и у льва — обагрилось от мук,
Над ареной, над болью летит он вдруг
Желтой молнией в огненный круг.

Перевел с узбекского
Л. Римянцев

ЭКЗАМЕН В ВЫСШИЙ КЛАСС

См. 2-ю стр. обложки

**Владимир
ПЕЧЕНКИН,
Леонид
ШАРОВ**

Холодный осенний ветер просвистывает
пустые коробки недостроенных домов.
Здесь, на окраине Нижнего Тагила,
уже справили новоселье
в пятнадцати девятиэтажках.
Но металлургам, машиностроителям, горнякам
нужны квартиры еще и еще.
Пульсирующим, совсем не густым потоком
идут от автобусной остановки строители.
Желающих жить
в благоустроенных домах очень много,
желающих строить их — значительно меньше.
Прорабы жалуются:
«Людей, людей не хватает!»
Поодаль высится обжитое кирпичное
здание школы. Сюда тоже по утрам
стайками слетается молодежь.
Среди громкоголосой малышни
заметно выделяются старшеклассники.
Они бросают вызов холоду —
без шапок ждут, без пальто.
Кое-кто с сигаретой во рту.
Соседняя стройка не вызывает у них интереса.
Вся забота — «свалить» предстоящие экзамены
и определиться в институт,
в крайнем случае — в техникум.
О производстве школа знает понаслышке.
Школе, ее престижу нужно больше
выпускников, которые пойдут в вузы.
Уже в старших классах
есть свои «математики» и «физики»,
«музыканты» и «ученые» —
только не «строители».
Так и живут по соседству:
стройка — сама по себе, школа — тоже.
Но не об этой школе пойдет речь.

Как молоды мы были...
[тот самый, выпускной, 58-й школы г. Н. Тагила]

1.

У Михаила Викторовича Брызгалова педагогическая карьера началась рано. Еще на пятом курсе Уральского университета захотелось ему испытать учительскую судьбу — стал штатным преподавателем истории в девярых классах.

Проведет урок в школе, после сам бежит на лекции. Вечерами — подготовка к урокам и зачетам, изредка кино и даже театр. Времени — в обрез. Но ведь так лучше, и ценишь его.

Прошел первый учительский — последний университетский год. В 58-й школе Нижнего Тагила, куда он прибыл по распределению, приняли радушно, определили в девятый классным руководителем.

Этот девятый был собран из самого «цвета» восьмых. Нового учителя истории сразу стали «испытывать на прочность». Только он не спавал. Преподаносят ему трюк — а учитель смотрит на трюкача с сожалением, как на больного. Хоть бы крикнул!.. К классному появился интерес.

Но тут, как назло, начались неприятности «с тыла» — личные, семейные. Желу Михаила Викторовича положили в больницу. Ведет урок, а в мыслях — как там Наташа? Вечером сидит у нее, в ее палате, а сам думает — что день грядущий готовит в классе?

Обошлось. Врачи поставили молодую женщину на ноги.

Да и класс немного подтянулся.

На следующий год в 58-й число старшеклассников уменьшилось. Одному из преподавателей надо было уходить.

Брызгалову, как самому молодому, предложили работу в школе-интернате.

Кое-кто из доброжелателей ужасался:

— Живете рядом с интернатом?! И туда же работать?! Не вздумайте! Стекла выбьют, двери испортят надписями... Наши ученички не сахар, а уж интернатские-то... Двойной расход нервов за ту же зарплату...

Но предостережения имели обратный эффект: Михаилу Викторовичу решительно захотелось к «трудным». Вот где проверить себя!

В учительском коллективе интерната нового историка встретили не то чтоб с недоверием, а — эх, молодозелено!

Но, к удивлению скептиков, новичок быстро сошелся с учениками. Стали говорить:

— Ему хорошо — нервы пока не истрепаны.

Прошла четверть, и в учительской кто-то заметил:

— А парень, гляди-ка, приживается у нас!

2.

Любовь к собственным детям, забота о их настоящим и будущем — нормальны. А если эта любовь — только слова? Сколько детских слез пролито за закрытыми дверями иных благоустроенных квартир, где родители больше любят бутылку! И именно из таких квартир большинство интернатских ребят. С детства обделенные лаской, они особенно чутки к ней. И за неподдельную любовь, соучастие подростки идут к любимому учителю с радостной доверчивостью. Оступаются, подымаются, но снова идут — идут в настоящую чистую жизнь. Не забывается доброе слово! Оно вело ребят из класса в класс, помогло выстоять в коварном переходном возрасте.

Вот наконец десятый класс, выпускной... Вплотную придвинулся вопрос: кем быть? И снова — к любимому учителю за советом.

...Все реже и реже нового историка «пробовали на прочность». Брызгалов вел с десятиклассниками кружок лекторского мастерства. Цицероны из них сотворить не надеялся. Просто хотел, чтобы умели убедительно, сильно и красиво излагать мысли. Интернатскому народу читать вволю удается не всегда. Досуг занят всевозможными хозяйственными заботами: мытье полов, ремонт инвентаря, покраска, побелка. Много и других забот ложится на их плечи.

Но не только возможность овладеть лекторским мастерством привлекала старшеклассников после уроков в кружок. Они тут иногда и просто «болтали». О том, как прошел день, с какими хохмами, с какими несправедливостями, с пользами какими. И о международном положении говорили. И фантазировали на разные темы.

Однажды сказал кто-то с грустинкой:

— А все-таки жаль, ребята... Сидим вместе; говорим запросто, по-семейному... Но ведь совсем скоро — кто куда...

И ответил кто-то — так, к слову пришлось:

— Ну почему? Разве обязательно — кто куда? Можно всем вместе куда-нибудь.

— Хм! Например?

— Ну, я не знаю... На БАМ, например, махнуть! А что? Михаил Викторович, можно?

Брызгалову и самому жаль было, что вот так просто и скоро разлетятся кто куда.

— Наверное, — ответил. — Поступить в вуз или техникум можно и через год. Зато каждый себя проверит: чего он стоит. Не так важно, кем стать. Важно, каким ты станешь.

— Себя проверить? Это мысль! А что, махнем на БАМ?

Начали вроде несерьезно. Продолжали уже раздумчиво: в самом деле, а способны ли мы на трудное дело?

За окнами класса — вечерняя тьма, в стекла бьется метель. И уже примечались ребятам сосны, буреломы, звериные тропы...

Кто-то из горячих выпалил:

— Михаил Викторович, а вы с нами на БАМ поедете?

Все глаза обратились к учителю.

— Почему бы и нет? Согласен и я с вами.

Они поверили сразу. И с этого момента случайно вроде бы пришедшая идея ехать всем на БАМ показалась реальной, очень даже удачной мыслью.

Но каково же ему, педагогу, бросить любимое дело и мчаться с семнадцатилетними невесть куда? Что он будет делать на БАМе? Лес валить? Костыли забивать? А годы учебы, университетский диплом? А семья, маленькая дочурка?... Ну а пообещать ребятам и не поехать — так можно?..

Но на БАМ ехать не пришлось. В горьком комсомоле им сказали:

— У нас нет комсомольских путевок на БАМ. А строители нужны позарез здесь, в городе. И горьком в настоящий момент проводит набор молодежи на стройки города.

Интернатовцы о наборе не знали, призадумались. С одной стороны — далекая романтика. С другой — тоже очень важная работа, нужная родному городу. Решили остаться. Но где-нибудь в пригороде — чтоб палатки, чтоб та же романтика!

Думали-гадали горькомовские вожаки: где взять тайгу в условиях крупного промышленного города? Нашли выход: направить ребят на строительство подсобного хозяйства. Не бог весть какие дебри, но все же лес, и начинать придется с нуля.

Ребята были довольны: хоть не на БАМе, но от решения своего они не отступятся.

И Михаил Викторович с ними.

В учительском коллективе интерната к идее десятого класса отнеслись по-разному. Большинство одобряло. Меньшинство считало затею вредной, обвиняло Михаила Викторовича:

— Он вовлек в бессмысленную азантюру!

Среди десятиклассников были подающие надежды в математике, биологии. Их прочили в вуз. Но вот появился Брызгалов и сманил десятиклассников — куда? — в маляры!

Практичные «реалисты» шептали за спиной Брызгалова:

— Каков ловкач! Из молодых да ранний. Думаете, это у него энтузиазм? Через неделю-другую его на стройке не увидят...

Некоторые родители говорили ребятам:

— Не валяйте дурака. На что сдалась вам эта стройка? Больше ни на что ума не хватает, да?..

А ребята верили Брызгалову. За свою недолгую, зачастую негладкую жизнь успели они заметить: многие взрослые лгут, да еще как! Михаил Викторович всегда говорил только правду.

3.

Жену, родителей решение Михаила Брызгалова идти на стройку ничуть не шокировало. Теперь старшеклассники еще чаще заходили в перенаселенную брызгаловскую квартиру. И конечно, когда позже Михаилу руководители строительного треста пообещали квартиру, он втихомолку порадовался.

Почему-то вспомнилось, как строился университетский корпус. От того трудового семестра остался в памяти обидный случай. Парни рыли траншею. Через нее по мостку бабушка вела хныкающего карапуза:

— Смотри вон, если не будешь старших слушаться, придется и тебе так. Будешь грязный, некрасивый, потный, брр!..

Мальчонка перестал хныкать.

Тот «строительный семестр» не пропал даром для Брызгалова. Сейчас он понимал: если и удастся создать из десятиклассников строительную бригаду, то это еще не значит, что все ребята станут профессиональными строителями. Так они и договорились: год на стройке, а там посмотрим. Радовала Михаила Викторовича верность ребят принятому решению. Сильный человек не болтает зря. Но, сказав однажды, делает. Разве не в этом долг учителя — вырастить, воспитать сильного человека, верного слову?

Однако скоро выяснилось: не все выдержали.

Михаила Викторовича в коридоре интерната ожидала молодая, модно одетая женщина.

— Я сестра Наташи...

Понятно. Наташа, главная девушка, сначала приняла замысел класса так же горячо, как и все. Но чем ближе подходили экзамены, тем сильнее чувствовалось Наташино беспокойство, хотя класс постановил: кто не захочет — вольному воля.

Пришедшая в возбуждении говорила:

— Я не могу допустить, чтобы девочка работала в грязи и в холоде. Мы с мужем гордимся, что сумели подняться над всем этим... Прошу не сбивать девочку с пути.

Он пытался объяснить собеседнице, что нет такой опасности, от которой бы надо спасать Наташу, что станет девушка, кем захочет, а трудовая закалка не принесет ей вреда.

Расстались, так и не поняв друг друга. Оба желали Наташе добра. Но что есть добро, а что — помеха ему, каждый разумел по-своему.

Появились первые разногласия.

Горьком комсомол провёл слет во Дворце строителей. «Гвоздем программы», конечно же, оказался десятый класс школы-интерната — будущая молодежная бригада строителей. Начальник Тагилтяжстроя Эдуард Эргатович Россель, опытный руководитель, находил нестандартные слова, обращаясь к молодежи. Он говорил, что многим тагильчанам тесно работать и жить в старых цехах, домах. Государство выделяет большие средства, много техники. Да ведь всякая техника без людей мертва. Ребята, выручайте! Помогите городу!

С интересом слушали ребята и бригадира штукатуров, заслуженного строителя РСФСР, почетного гражданина города Лидию Сергеезну Писаренкову.

— Когда я смотрю на дома, такое удовольствие меня берет, ведь я тут руки приложила. Красивый дом на углу улицы Мира и проспекта Ленина. Знаете? Так вот, с него я начинала четверть века назад. Приехала из Краснодарского края бригада — такие же, как вы сейчас, молодежонькие. Время послевоенное, несытое. А ничего не испугались. Отличный был народ! Теперь они мастера высокой квалификации. Да ведь и вы, ребятки, не хуже. Поедете среди лесных трупов возводить корпуса нового хозяйства — честь вам какая! И постройте!..

Старшеклассники городских школ постановили на слете: всем после экзаменов поработать пять дней на стройках.

А интернатовцы в фойе окружили Брызгалова:
— Михаил Викторович, вы слышали? Писаренкова приглашает нас в свою бригаду! Давайте к ней, а?
— Хорошо. Но сначала сдайте экзамены...

Подошли экзамены, с их неизбежными волнениями, опасениями.

В течение года десятиклассники занимались толково и особого трепета не испытывали. Укрепляла еще и уверенность в своей устроенности — ведь они останутся все вместе.

После экзаменов разъехались кто куда, условившись встретиться в конце июля. Уезжал в отпуск и Брызгалов. Он по-прежнему числился в штате школы. А может, там и останется? Может, за два месяца поредеет, разбредется так хорошо задуманная бригада?..

В день встречи утро выдалось хмурое, невеселое. Михаил Викторович оглядел неприветливый школьный двор — никого.

Но они пришли, все восемнадцать! Радостные от собственной стойкости. Ни у кого — ни малейшего колебания. Отдохнувшие, переполненные впечатлениями, рассказывали, спрашивали, шутили. И хмурое утро повеселело от ребячьих улыбок. Была среди них и Наташа. Пока не уехала в Свердловск. На лице дождинки, как слезинки.

Михаил Викторович был счастлив. Он уже договорился с отделом кадров треста крупнопанельного домостроения. Завтра им выдадут спецодежду.

4.

Бригаду оформили в один день. Повезли на склад получать спцовки. Девушки в новеньких комбинезонах вертели перед зеркалом.

— Ну, как ты находишь?

— Вполне!..

— Юра, посмотри, в поясе мешковато?

— Не-е. Все в норме. А вот тут складка.

— Что бы ты понимал! У самого одна штанина короче.

— Это сейчас модно...

2 августа они вместе с Писаренковой и Брызгаловым ехали начинать трудовую жизнь.

Автобус подкатил к дому номер девять. Серая громадина девятиэтажки равнодушно, отчужденно зияла пустыми проемами окон. Да не в окнах, конечно, дело! Не в первый раз стекольные штукатуры подводят, сквознякам предают. А в том дело, что не стоит возле дома вагончик насосной станции. Значит, и раствор не привезли.

Подошли к подъезду. Пусто. Ни звука, ни движения.

— А это наш ли подъезд? — спросил кто-то.

— Наш, — ответила Писаренкова голосом увядшим. — Заходите, ребята. Ну-ну, смелее!

Брызгалов уловил причины бригадировой тревоги. И, как и положено «комиссару», принял на себя тяжесть ребячьего разочарования:

— Давайте — на высоту. С девятого этажа окинем панораму...

А в это время маленькая, немолодая женщина, пылая от негодования и стыда, перепрыгивала траншеи, насыпи — как в атаку рвалась. Писаренкова бежала ссориться, портить отношения, требовать: завтра же, завтра все должно быть готово для работы бригады! Пошли в столовую известного карьера — оказалось, своей строители не имеют. Очередь. А карьерские подходят прямо к раздаче. Кто-то из ребят — из принципа справедливости — пробовал тоже влезть без очереди. Но «чужому» не позволили:

— Ишь, молодежь пошла: еще не робили, а жрать подавай!

Невкусный обед бодрости не прибавил. Но когда вернулись на объект, встретила хлопотливая Лидия Сергеевна, улыбнулась, скрывая досаду:

— Ребятки, вы что же носы повесили? Строителям унывать не пристало. Поезжайте сейчас домой. Сегодня только знакомство с объектом, а уж завтра начнем настоящее.

Сама думала с горечью: «Начнем ли завтра?»

5.

У молодежной бригады трудовая биография пока что нулевая, у бригадира Писаренковой — тридцать лет, с послевоенных начиная.

У военного и послевоенного поколения крепкая закалка на всю последующую жизнь. Добросовестность в крови, в душе, в совести заложена. Девчужкой Лида, приехав в 1948 году в Нижний Тагил из родной белорусской деревни, отделяла комнаты, все стараясь, как лучше и быстрее. Потолки ли побелить, раствор ли замесить — надо ей, чтоб хорошо получилось, иначе удовольствия, радости нет. Ну а что за жизнь без удовольствия-то?

Город строился, ширился. Бульдозеры легко смахивали деревянные избушки, автокраны долбили чугунными «бабами» толстые кирпичные стены бывших купеческих особняков, расчищая место новым пятиэтажкам для горожан.

Года не прошло — вышло дежурке Лиде повышение по службе:

— Значит, так, Писаренкова. С завтрашнего дня назначаться бригадиром. Тут к нам пополнение прибыло, будешь их обучать... Что значит — не справишься? А ты справишься.

И безотказная Лида взялась учить. Поскольку вятские девчонки ничего пока делать не умели, то и заработок бригадира порядочно уменьшился против прежнего. Значит, надо учить их быстрее.

Полгода не прошло — разобрали писаренковских учениц, умелых теперь маляров, по разным стройкам города. А ей поручили других новичков, приехавших из Краснодарского края. Ей, Писаренковой, кому больше-то?! Не первое это поручение и не последнее. У нее получается.

Вот начальство опять вызывает:

— Такое дело, Лида, строителей нехватка, сама знаешь. Поручаем тебе обучить тридцать... гм, как бы тебе объяснить?.. Понимаешь, они — тунеядки, ну и прочие подобные.

— Ой, к ним бы кого постарше, поопытней.

— Опыт у тебя есть. К тому же ты морально устойчивая. Так что действуй.

И действовала. Тридцать оступившихся женщин получили квалификацию штукатуров и, мало того, научились работать с интересом, с желанием. Но только, что это стоило Лиде...

Так продолжалось тридцать лет. Теперь вот эта юная группа. Вместе с учителем. Такого еще не бывало. Для ребят он учитель, а для Писаренковой — обычный ученик, всего-то и различия, что с университетским образованием. Но его тоже надо учить.

Снова — в который уж раз! — первые неурядицы, первые «ушибы» новичков она, бригадир, постарается принять на себя.

6.

Но что же все-таки произошло? Почему никто не побеспокоился подготовить ребятам фронт работ? Наверное, любой тагильский отделочник пожмет плечами: дескать, мы привыкли, это новичкам в диковинку, наши беды. Им еще повезло — август все же...

Если все хорошо организовано — действительно, что нам стоит дом построить?! Но ход многих операций на

стройках зависит от субподрядчиков, от погоды, от массы других причин. Вот работают люди, машины — все нормально. Вдруг — ливень. Надрывом рычат моторы. Раствор сваливается в грязь. Штукатуры отяжелевшими сапогами прокладывают от массива тропинку к бункеру. Нужен раствор, сейчас, немедленно нужен, без него остановилось все дело!..

Осень началась, первые заморозки. Но субподрядчики-теплофикаторы не подвезли вовремя радиаторы, трубы. Энергетики тоже оплошали: кабель не подвели. Не было у них тогда кабеля...

Сантехники, может, и справились бы по своей части. Все есть: и краны, и ванны, и унитазы. Хотя сейчас привози и устанавливай на место. Так ведь растащат!.. Хищения! Как дезорганизуют они ритм стройки. Иной раз сами строители крадут «во благо» своей бригады. Этакие «маленькие хитрости», а точнее, маленькие пакости. К примеру, недостающие дверь или раму берут в другом подъезде, у другой бригады...

А однажды выясняется, что если нажать, то горячий план можно вытянуть. И эта «великая честь» сваливается обычно на отделочников, в частности на штукатуров.

7.

Второй рабочий день получился немного успешнее первого. Не впустую Лидия Сергеевна нервы трепала. К дому подогнали вагончик насосной, привезли раствор, доставили инструменты. Но насосная не подключена к электросети. Раствор свалили далеко от подъезда: шофер не мог преодолеть последние метры грязи. Сквозняки свистят из-за незастекленных окон.

«Комиссар» Брызгалов огляделся, оценил нерадостную обстановку. Сказал спокойно:

— Ну что, начинаем работать?

На него посмотрели с недоумением:

— С чего тут начинать? Сами же видите...

— Вижу. Ну и что? А на БАМе вы думали легче? Берите носилки, будем носить раствор. Юра, я с тобой в паре.

Писаренкова раздала девочкам цоколи, терки, мастерки.

Первые неумелые, робкие мазки. Первые брызги на мокрых комбинезонах. Бригадир легко, весело бросает мастерком раствор в стык бетонных панелей. Погладила, приласкала, и рваной щели как не бывало!

— Видите, девочки? Так может каждая из вас. Ну-ка, Танюша!

Начали! Не слышен нудный дождик за окном. Тепло стало в легких спецовках. И вот уже шутит самая веселая — Нина Морякина, и звенит серебром девичий смех в заляпанной раствором комнате — будущей квартире.

Лидия Сергеевна по-хозяйски поглядывает кругом. Довольна: какие они, ребята, молодцы! Как ровно лег раствор от мастерки Тани Стародворской — и это в первый-то день, в первые часы! Как внимательно следит за движениями бригадира Оля Ольхозикина!..

Обедать в столовку не пошли. Поели кто что принес, снова взялись за дело.

Любая непривычная работа тяжела вдвойне даже для взрослых, ко всему привычных. Писаренковские к концу смены умаялись — мастерки выпадали из усталых рук. Оля, прислонясь к стене, задремала стоя. Но лиха беда — начало...

Довольные, ехали они в город, в общежитие. И «комиссар» Брызгалов, не менее уставший, был еще более доволен: его орлы сегодня строили дом!

На следующее утро Писаренкова, мастерица на все руки, принялась обучать обращению с насосом самых «технических» мужчин бригады: Михаила Брызгалова и Юру Платунова. Деловито загудело в вагончике, пошел раствор по шлангу на верхние этажи. Парни притащили со склада рулон пленки и «зашили» ею окна.

Начальник участка и мастер, с утра снова наругавшись с Писаренковой, но поостыв к полудню, пришли в девятый дом — из-за кого нервы треплют? Стоят ли того? Придирчиво ощупывали оштукатуренные стены. Отступя, словно картину, рассматривали. А ничего не скажешь, сделано на совесть.

Для лучшей практики направили к ребятам еще пять опытейших работников, бывших писаренковских учениц.

Юная писаренковская бригада еще не обстреляна дробью житейских мелочей, картечью производственных неувязок. И если бы они пришли на стройку порознь, каждый сам по себе, большинство, пожалуй, сбежали бы вскоре. Коллектив делает сильнее каждого отдельного в нем человека. Не даст ему ослабеть, струсить в лихую минуту, когда одиночки послабее скользят и падают. Юный коллектив выдержал испытание на «разрыв».

Бригада интернатцев могла бы и распасться, если бы не цементировал ее авторитет «комиссара» — учителя Брызгалова. И если Михаил Викторович не оробел, не попятился — значит, все в порядке. А что и не в порядке, так то, наверно, мелочи, подкинутые благожелательной судьбой специально для романтики.

Но, непредусмотренные никакими прогнозами, на бригаду свалились новые волнения. На следующее утро на стройку не вышла Таня.

..Как-то в конце экзаменов к Брызгалову явилась женщина:

— Я всю жизнь ишачу и дочке то же!!

Тогда тихонькая девочка Таня вскипела:

— Я не хуже других! Пойду с ребятами, вот и все!

Сейчас Брызгалов вспоминал этот случай, подходя к деревянному обветшалому дому. Он долго стучал в дверь. И показало ему, что есть в доме жильцы, но почему-то затаились и никак не хотят его пустить. На другой день — то же самое.

Бригада тревожилась. Если Таня больна, сообщила бы. Если попала в какую беду, позвала бы. Прячется? Почему? Наконец всей бригадой пошли к Тане. Встретил их помятый, нетрезвый мужчина.

— Что надо?

Выбежала в коридор и Танина мать.

— Чего ходите? Какое ваше дело? Таня выходит замуж, ишачить там у вас — была нужда!

— Хорошо, счастья ей желаем, совет да любовь. Но пусть уволится, как положено, чтобы всех нас прогуглами не позорить.

— Надо станет, тогда и уволится...

Таня так и не вернулась. Слышали: вышла она замуж за молодого техника-строителя, который презирает свою профессию.

Бригада осталась — дружная, единая семья. Нормальный коллектив, как говорит профорг Юра Платунов. Голова коллектива — Писаренкова. Душа — «комиссар» Брызгалов. Как в боевом подразделении. А что: фронт строительных работ — он и есть фронт.

8.

Ну а как живетса самому «комиссару»? У него-то, наверно, никаких личных проблем?

...Монотонно шумит насос, создает давление до пятнадцати атмосфер и гонит подготовленный раствор на девятый этаж. Обслуживает его Брызгалов. А когда зашвистели студеные ветры, он вместе с Юрой Платуновым сделался еще и истопником: топили углем нехитрый обогреватель — железный куб, и вентилятор гнал из него теплый воздух по этажам.

Но не рабочие трудности стали все больше тревожить «комиссара». Кто-то в суете спросил:

— Михаил Викторович, вы почему зарплату не получили?

И как взрослеем понемногу...

Он улыбнулся беспечно:

— Наверное, забыли насчитать. — А сам думает: «Действительно, почему?»

Встревожилась Писаренкова, поехала в управление. Там ответили, что вышла какая-то неувязка, исправят. Брызгалов — человек нельющий, некурящий. Но кому деньги после летнего отпуска не нужны. Лидия Сергеевна предложила взаимы — постеснялся взять.

Подошел день аванса, а в платежную ведомость Брызгалова опять не вписали. Снова поехала разбираться Писаренкова в управление. Там ответили, чтобы приехал сам.

Он ехал в управление и вспоминал, как легко все обещалось тогда, на слете в горькоме комсомола:

— Оформим мастером профтехобразования, ставку дадим приличную, сохраним учительский стаж.

Оказалось, в штатное расписание строительного управления учитель «не вписывается». Нет должности мастера производственного обучения.

— Зайдите через недельку, — предложили ему.

Четыре недельки прошло с той поры. Терпеливая его жена Наташа в конце концов намекнула:

— Бывает у вас на стройке когда-нибудь получка?

Снова хождения и снова терпение.

В третий раз пошла Лидия Сергеевна, только уже не в управление, а к самому начальнику строительного комбината Росселю.

Много у начальника комбината неотложных, срочных и сверхсрочных дел. Но он знал, что Писаренкова по пустяковому вопросу не придет. Вышел из-за стола на-

встречу бригадиру. Усадил в кресло. Внимательно выслушав Писаренкову, тут же снял трубку телефона.

— Прошу сейчас же оформить Михаила Викторовича Брызгалова мастером производственного обучения. Знаю, что нет такой штатной единицы, беру всю ответственность на себя. Доложите об исполнении.

В начале октября Михаил Викторович получил первую зарплату. Выдержал он это «испытание». В дни безденежья и неизвестности «комиссар» готовил раствор, ободрял своих подопечных, был надежной опорой бригадиру Писаренковой. Проявилась в Брызгалове стойкость, уверенность в правоте своего дела.

9.

В неполадках, в радостях первого успеха крепла юная бригада. Как рота солдат-новобранцев в обороне. Теперь можно переходить в наступление — что за романтика без наступления, без лихой атаки?

Какой-нибудь тунеядец в импортных джинсах, купленных на родительские деньги, выпив дешевой «разливухи», тоже на чужие деньги, любит повелиться, презирать:

— Вкалываете? Хо! Надо уметь жить.

Против вражеского, паразитического «умения жить» уже выстояли. И при этом поняли: есть на кого наступать и в мирное время. Тунеядец, бюрократ, показушник, вор — враги рабочему классу.

Хорошие люди работают на стройках. Но уже как-то так сложилось, что мужчины, а случается, и женщины, довольно часто безоглядно сквернословят. Тем громче и чаще, чем ближе к концу года, когда приходится «штурмовать план». Мат декабрьский, особенно январский, намного злее и забористее майского благодушного матерка.

В бригаде Писаренковой не ругаются. Лидия Сергеевна и в прежних рабочих коллективах находила иной тон, убедительно осуждала «цветные» фразы. Брань для всех позорна, но из женских уст брань стократ грязнее.

Брызгалов в разговорах запросто, обо всем, не чуждался студенческого жаргона. Словечки, присловия, хохмы послужили как бы заменителем пакостных, унижающих выражений. Ему стали подражать.

Не слыша брани от юных членов писаренковской бригады, кадровые работницы других бригад усовестились: под злое настроение губы шевелятся, но ничего «такого» не вырывается.

Так мальчишки-девчонки повлияли на культуру поведения взрослых. Это не была лобовая атака. И все же — маленькая победа.

Но были и лобовые атаки: дружба против бездушия, прямота против лжи — лицом к лицу, глаза в глаза.

Запомнилось выступление профгоров бригады на комсомольском собрании из-за одного случая. Двое парней возле насосной готовили картонные листы для утепления вагончика. Из кабины подошедшей машины вылез человек в резиновых сапогах, ватнике и пошел в подъезд дома номер девять — «их» дома. Через минуту вернулся. Огляделся. Мальчишки ему не помеха. И понес прочь новенькую квартирную дверь. Парни шагнули вперед: крадут «их» дверь. И оробели. Это был всем знакомый и авторитетный на стройке плотник из соседней бригады. Он забросил дверь в кузов и уехал.

Из окна пятого этажа окликнула ребят Писаренкова: — В машине дверь увезли, не нашу ли?.. Нашу? Как же вы допустили! Номер машины запомнили?

— Запомнили! — и ребята сообщили ей имя авторитетного человека из соседней бригады.

Дух перехватило у Писаренковой. Только на следующий день, встретив этого человека, она тихонько спросила:

— Зачем вчера дверь у нас стащил, перед молодежью опозорился?

Гот пожал плечами:

— Не брал я, чего ты!..

И вот комсомольское собрание. Кроме молодежи присутствуют наставники, мастера, бригадиры. Профгор бригады Юра Платунов говорил о делах своих товарищей, о добром к ним отношении кадровых работниц. Отыскал взглядом правонарушителя и — прямо ему:

— Могу ли я уважать мастера, бригадира, опытного рабочего, если он двуличный? Говорит нам о чести, а сам крадет и увозит на машине дверь. Да, старших надо уважать. Но каких, за что?..

Много еще сваливалось на беспокойную судьбу комсомольцев бригады разного рода испытаний. Много за полтора года возникало больших и малых проблем. Но члены бригады, преодолевая препятствия, становились сильнее духом и телом.

Притихли овалции. Отправлены отчеты. И вроде бы какое-то затишье наступило. Подчас у комсомольских вожakov нет-нет да провернется нотка не то сомнения, не то удивления: а бригада-то работает!.. Нет, никто не думал уходить со стройки. Если не считать троих, призванных в ряды Советской Армии.

И вот подошла пора очередному десятому классу школы-интерната № 1 сделать выбор дальнейшего жизненного пути. И выбор сделан: всем классом на стройку, в состав действующей писаренковской.

Многое сделали ребята первого прихода, чтобы их последователи быстрее и легче влились в ряды строителей, чтобы промозглые осенние сквозняки, так недруже-

любно встретившие первоначинателей, обернулись теплотой доверия и уюта.

Теперь строительная площадка была обжита. Крепость ее испробована на выдержку и умение. Теперь с комсомольской бригадой считались, к мнению ее прислушивались. Она прочно вошла в большой производственный коллектив отделочников. Аванс, выданный ей на первом слете, отработан, и с честью. А вот те речи и заверения о повседневном внимании и поддержке инициаторов, которые произносились комсомольскими вожакими города, обернулись на поверку простым сотрясанием воздуха. Посчитать, так за полтора года работы лишь один раз представитель райкома комсомола побывал на площадке с коротким визитом. И этому визиту молодые строители были очень рады. Правда, случилась небольшая заминка. Прощаясь, представитель попросил Михаила Викторовича дать ему немного алебастра для ремонта квартиры...

10.

В декабре 1980 года в школе-интернате № 1 было по-праздничному убрано. В классах, на лестничных переходах дежурили в тщательно отутюженных костюмах и красных галстуках пионеры, встречая гостей. А гости были необычные. Передовые строители города, руководители четвертого строительного управления и треста крупнопанельного домостроения, работники областного и городского отделов народного образования.

В просторном зале — тесно от собравшихся, тепло от улыбок, шумно. Шло посвящение в рабочие учащихя второго выпускного десятого класса.

В президиуме при всех своих регалиях Лидия Сергеевна, рядом — Михаил Викторович со своими питомцами.

К собравшимся обратился управляющий трестом Станислав Анатольевич Кривоносов. Отеческим взглядом обводит празднично одетых парней и девчат с обветренными загорелыми лицами.

— Труд ваш, воплощенный в красоту зданий, пусть всегда будет радостным, пусть зовет на добрые свершения и вливает в вас новые силы!

Виновников торжества приветствуют строители, учителя, учащиеся. Звучит музыка. Один за другим выходят на почетное место бывшие ученики, а ныне молодые строители. И для каждого из них нашлось теплое слово у Михаила Брызгалова.

Когда он обратился к ребятам восьмых и девятых классов с вопросом: собираются ли они после окончания школы на стройку, лес рук поднялся над рядами сидящих.

И уже нет иронизирующих взглядов отдельных учителей, уставших от престижности — кто больше подготовит абитуриентов в институты и техникумы. Они ведь тоже благодарны этим парням и девчатам за перелом в своих взглядах на рабочую профессию.

Лучший организатор и верный помощник в этом деле после Брызгалова — директор школы-интерната № 1 заслуженный учитель РСФСР Борис Давыдович Гейцен. Попробуйте-ка в один год поломать устоявшиеся традиции — «только в вуз, куда больше».

Теперь все улыбаются и искренне, до кипения в ладонях, аплодируют своим дорогим и таким славным ребятам. Ведь они вдохновенным трудом утверждают и заменяют свое место в жизни.

Отремели овалции, и снова комсомольский коллектив, теперь уже в составе двух выпускных классов, чуть забрезжит рассвет, идет своей тропинкой на трудовую вахту. Потом эти тропинки покроются щебенкой, бетоном и асфальтом. Пройдут по ним первые нозоселы. Будут жить люди в новых домах, не ведая, что каждый день на строительной площадке — поиск. Каждая новая квартира — самоутверждение.

Как-то нам вновь пришлось побывать во время обеденного перерыва в писаренковской бригаде.

В жарко натопленной комнате около тридцати парней и девчат покатывались со смеху. Кто-то выдавал очередную хохму. Тут же Лидия Сергеевна и Михаил Викторович.

Ребята в столовую не ходят — экономят время. Обед приносят с собой, разогревают на плите. Вторая половина перерыва заполняется последними известиями из международной жизни, культуры и спорта. Много разговоров о насущных делах стройки, о проблемах сегодняшних и завтрашних.

Вот и сейчас заканчивается оформление «Комсомольского прожектора» по материалам реидов о сохранности строительных материалов и изделий. Редактор Света Корякина рассказывает, как готовился материал. Глаза ее загораются задорным огоньком, когда она представляет, как будут вести себя виновники бесхозяйственности.

По заданию комитета ВЛКСМ треста членами бригады подготовлен стенд о славных делах комсомола строительного управления.

— Сколько всего квартир отделали и передали тагильчанам члены бригады? — мы вопросительно смотрим на Лидию Сергеевну.

— Спрашивайте у них самих.

Все активно включаются в подсчеты. Называются цифры: 9, 7, 8, 10, 11, 16, 13 — это номера домов, на которых трудились писаренковцы. Перечисляются подьезды и этажи. Подсчитывают не торопясь, серьезно. Ведь это их труд. Их! А когда подбили итог, то смотрели друг на друга удивленными, торжествующими глазами. И эта короткая пауза вдруг нарушилась звонкими, дружными аплодисментами.

На счету бригады — 650 квартир. 650 семей металлургов, горняков, машиностроителей, работников сферы обслуживания получили из рук молодых добротное жилье.

Нет, не только отделанные квартиры в активе бригады. Она выдержала испытание временем. Ни один человек не ушел со стройки. А те, кто был призван в ряды Советской Армии, по-прежнему считают себя членами бригады и часто шлют письма в родной коллектив. В последнем из них Юра Платунов, бывший профорг бригады, пишет: «Как дела с комсомолом? Как родная штуркатурная станция дышит? Как здоровье всех? Коротко о себе: встал на партучет. Избрали меня комсомольским секретарем роты. Здесь потяжелее, но год работы в бригаде сформировал меня в правильном направлении. И трудности не страшны.

Спасибо за посылку. Солдатский привет всем!»

Четыре человека из состава бригады поступили в институт, вдвое больше ходят на подготовительное отделение Уральского политехнического института — готовятся поступать на факультет промышленного и гражданского строительства. Неопределившихся нет. Разочаровавшихся нет. Все комсомольцы, а четверо — члены партии. Еще столько же готовятся к вступлению в КПСС. Выработка на одного человека составляет 132 процента, средняя месячная зарплата — 191 рубль.

Характеризуя девчат, Лидия Сергеевна как-то сказала: «Корякину Свету, Копнину Олю, а из нового пополнения Шахматову Лену, да и других, не променяю на кадровых». Это оценка заслуженного строителя РСФСР.

Недавно бригада трогательно провожала на большую партийную работу — инструктором горкома партии — своего «комиссара» Михаила Викторовича.

Днем раньше комитет комсомола треста принял решение: по просьбе бригады тысячную квартиру отдать на распределение бригаде.

И еще одно знаменательное событие в жизни комсомольского коллектива: коллегия Главсредуралстроя при-

няла постановление о распространении почина выпускников школы-интерната № 1.

— Побольше бы нам такого пополнения, — говорят о бригаде строители, говорят по-серьезному, с уважением.

Прошло два года. Романтика, которой так хотели бывшие учащиеся, напомнила о себе. Несколько трестов Главсредуралстроя помогли нефтяникам, строили в Тюмени дома. Отдаленность, неритмичная поставка изделий задерживали строительство. Кого направлять на «горящий участок»? Советовались руководители домостроительного комбината с бригадами — искали добровольцев. И добровольцы нашлись.

Холодным декабрьским днем появилась бригада Л. С. Писаренковой на строительной площадке 9-этажного дома для монтажников нефтепромыслов в Тюмени. Секция, в которой нужно было отделять квартиры, только-только выросла до 8-го этажа. На первых трех днях раньше были застеклены окна и поставлены калориферы. Предстояло выполнить на отделке месячную программу, а дата на календаре — 18 декабря.

К тридцатиградусному морозу добавился холодок колючих реплик, которыми встретили рабочие комсомольцев: «Кого привезли? С кем собрались выводить из прорыва объект?»

Девчатам такие реплики, что горох об стенку. Стоят, улыбаются.

Десять дней рождался рекорд. Партийный штаб стройки ежедневно отмечал в числе передовых комсомольскую бригаду из Нижнего Тагила. Растаял лед недоверия к молодым строителям.

Теплота улыбок прибавляла силы. Работалось легче, хотя и поджимали сроки. Потом рапортовали писаренковцы: подготовлены с улучшенным качеством 54 квартиры.

Трогательными и душевными были слова благодарности руководителей партийного штаба, когда они отмечали, что впервые встречаются с таким молодым, самоотверженным и работоспособным коллективом. Каждому члену бригады были вручены памятные фотографии.

По возвращении в Нижний Тагил события, вошедшие в летопись молодежного коллектива, следуют одно за другим. Отметили 55-летие своего бригадира. Казалось, стихам и песням в честь Лидии Сергеевны не будет конца. Поздравить юбиляра пришли товарищи по труду, руководители комбината, секретари горкомов КПСС и ВЛКСМ, работники горисполкома.

Члены бригады побывали в большинстве школ города. Рассказывали о себе, рассказывали о других строителях. Приглашали учащихся в рабочие коллективы. И результаты есть. Еще один, третий, выпускной класс школы-интерната № 1 в составе 17 человек решил идти в строители. Пришло бы больше, да родители не разрешают. Ох уж эти родители! Жить с детьми в благоустроенных квартирах хотят, а строить — не велют.

На днях бригада снова подвела итоги своего труда. Более полутора тысяч квартир отделано руками молодых для тружеников Нижнего Тагила.

Еще одно знаменательное событие произошло в жизни комсомольского коллектива: Лена Шахматова, помощник бригадира, была избрана делегатом на XIX съезд ВЛКСМ.

...Начинается рабочий день, и на строительные площадки, вливаясь в людской поток, идут вчерашние учащиеся. Идут уверенно, с чувством собственного достоинства. Они выдержали испытание на зрелость. Экзамен в высший класс — рабочий класс — сдан.

Вспомним, товарищ

Письма ветеранов войны

В начале 1946 года после госпиталя вернулся в родной Магнитогорск танкист Петр Семенович Кудашев. В ответ на просьбы рассказать о трудных военных дорогах только улыбнулся: «Войной, други, сыт по горло... Да и вспоминать-то мне особо не о чем: воевал, как все. Наступал и отступал. Отступал и наступал...»

Между прочим, эта скупость в рассказах о своих военных буднях отличает многих фронтовиков. И не знаю, чего здесь больше: скромности или стремления если бы забыть ужас войны, то хотя бы не беречь лишней раз нанесенные ею раны, часто не заживающие.

О Кудашеве написал в «Уральский следопыт» его земляк Сергей Михайлович Шушунов.

Легко ли стоять у могилы погибших друзей, легко ли стоять у собственной могилы?! С. М. Шушунов рассказал, как ездил П. С. Кудашев к месту, где волею случая довелось ему обмануть смерть.

«...Братская могила однополчан утопала в зелени молодого сада. На гранитном постаменте у ее изголовья замерли в мраморе, приспустив боевое знамя, воины. Это был памятник величию духа и ратной доблести фронтовых друзей и товарищей Петра Семеновича, погибших в боях за честь и независимость Родины. Но среди имен, увечеченных на памятнике в селе Ярмолинцы Хмельницкой области, было и имя самого Кудашева...»

В том, последнем для него бою, когда погиб экипаж танка, он чудом остался жив. Израненного, его увезли в медсанбат... И вот, много лет спустя, «по щекам Петра Семеновича

катились слезы, перед мысленным взором оживали бесконечно дорогие, незабываемые лица фронтовых друзей, с которыми он прошел тысячи верст войны, без счета делил лихие беды и скудные радости боевой солдатской жизни...»

Память не умирает. Рано или поздно она дает возможность вновь встретиться (хотя бы мысленно) с тем, кто разделит с тобой бесконечные и страшные фронтовые дороги...

«Находясь в санатории на Рижском взморье, я увидел своего старого боевого сослуживца Якова Сурнина, — пишет москвич капитан I ранга Семен Филиппович Кузминов. — Вспомнил о доблести и храбрости моряков в битве за столицу. На прощание Сурнин показал ленточку с матросской бескозыркой. На ней золотом тисненая надпись: «Свердлов» — название корабля Краснознаменной Амурской флотилии.

— Семнадцать лет храню я эту реликвию, — сказал мой товарищ. — Она как память о боевом друге, коммунисте, патриоте Василии Кузьмиче Абышеве.

...Они остановились в маленькой деревушке. А рано утром старший лейтенант Сурнин сказал морякам:

— Друзья мои! Мы идем на прорыв обороны врага. Операция ответственная. Сохраним нашу твердую флотскую дисциплину, организованность! Не выпустим ни одного фашиста живым! Родина смотрит на нас, друзья... Детишки, женщины в разрушенных городах, в сожженных врагом деревнях, угнетенные во всем мире надеются на нас. Так поможем им здесь, в Подмоскowie!..

Первым в атаку бросился Абышев. За ним поднялась сметающая врага лавина.

В пламени выстрелов блестели длинные стволы орудий, черные крылья одноглавых орлов мелькали на шинелях вражеских артиллеристов. Сурнин метнул гранату в темный проем банджака... И не мог он видеть в эту минуту, как притаившийся враг поднял автомат. Опередить автоматную очередь Абышев не успел. Но, спасая командира, погиб...

Встав на колени, Сурнин поцеловал павшего друга, снял с его бескозырки золотистую ленточку, бережно положил ее в карман кителя. Поближе к сердцу...

...18-летний командир отделения Николай Иванов очутился в сапсачти. Молоденькая белокурая сестричка склонилась над ним. Губы ее шевелились, но он ничего не слышал. Отчаявшись, медсестра выве-

ла на бумаге крупными буквами: «Куда написать? Вы все время звали девушку».

— Девушку? — удивился он. — Но у меня нет еще девушки. — Она погрозила пальчиком и написала: «А Сашенька?..»

Весна 1945-го. Последняя весенняя весна. Весна, обещающая победу, мир, жизнь. Возвращались домой уставшие, поседевшие за четыре нескончаемых года солдаты. «А мы, восемнадцатилетние младшие командиры, принимали отделения и готовились к боям с Квантунской армией империалистической Японии», — вспоминает Николай Тимофеевич Иванов, старший преподаватель Иркутского педагогического института. Среди его боевых друзей был юный музыкант Сашенька Охотинский, застенчивый и нежный.

«Забайкальские голые сопки, солдатские землянки, а где-то далеко-далеко осталось все привычное, родное... Солдаты тоскуют о доме, задумываются о предстоящей неизвестности, и так хочется грустной, ласковой песни. Сашенька брал в руки аккордеон, мы следили за волшебными движениями тонких пальцев, раздавались первые звуки задумчивой мелодии: «С берез, слышен, несомно, слетает желтый лист...» Так хорошо закрыть глаза и мысленно очутиться дома: мать хлопочет у печки, пахнет свежим хлебом, на дворе заливаются петухи... И даже будущее кажется ясным, ибо мелодия воодушевляет... «А колы придется в землю лечь, так это только раз...»

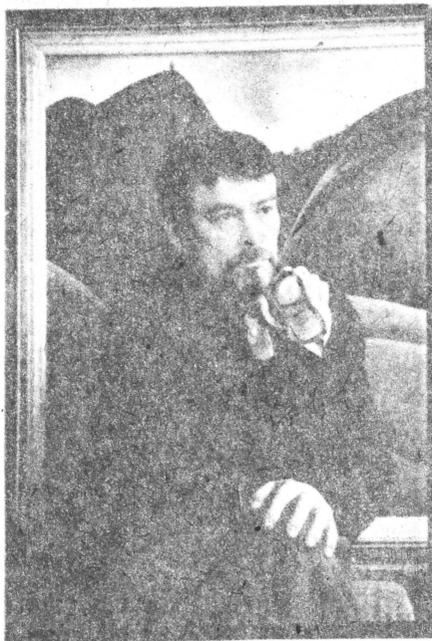
Сашенька погиб, закрыв собой командира от вражеских пуль.

Мальчики уходили из жизни не только «не долюбив, не досказав», не доделав, но даже не узнав, что такое любовь, что такое настоящее, единственно нужное дело, дело твоей жизни. Но, как бы ни было трудно, горько или больно, им, этим мальчикам, не изменили достоинство, вера, надежда. Сумели они и в лихолетье сохранить в себе стойкость, мужество, в трудную годину испытаний на прочность — благородство и преданность идеалам, в победные дни — гуманизм и душевную щедрость.

Проходят годы. Все дальше и дальше от нас Великая Отечественная. Давно постарели те, кому по-счастливилось остаться в живых. Нечасто вспоминают они свое фронтовое прошлое. И только ночью иногда просыпаются от тяжелых ударов сердца...

Обзор писем подготовила
Лия ГЛАЗУНОВА

Г. С. Мосин

Центральная улица страны — улица Горького... За чистыми высокими окнами Выставочного зала Союза художников России остался пронзительный шум машин, многоязыкий говор Москвы. Здесь, в просторном помещении, словно в осеннем лесу, тишина, много сзета, на стенах — картины, картины, картины... Вступая в эту тишину, люди подолгу стоят то у одного, то у другого холста...

Москвичи и гости столицы знакомятся с выставкой уральского живописца, графика и скульптора Геннадия Мосина.

О чем же ты хочешь рассказать им, художник? Что ты принес людям?..

Горняцкий поселок Березозский... Тридцатые годы... То там, то тут шахтные отвалы... Сколько каменной породы поднято из глубин земли! А сколько перелопачено глины в окрестных лесах, сколько песку перемыто на речке Пышме! Немало народу здесь счастье искало, да немногие его находили... Не так-то часто улыбался старателю самородок, да и золотого песка Пышма-река не горстями бросала ему в бутару*. И не потому, что беден батюшка-Урал — про сокровища подземных кладовых все слышаны! Железные да медные руды, золото, самоцветы — все есть в его тайных сундуках. Да неохотно, с великой скупостью отдает он свои богатства людям. Оно и понятно: куда ни коп-

* Бутара — старательский станок для промывки золотоносного песка.

СКАЗ ОБ УРАЛЕ

Яков
АНДРЕЕВ

Слайды В. Холостных

нешь — всюду камень. Как замок на дверях его кладовых. Попробуй-ка скovyрни его!..

Это теперь всякие комбайны в горе, а в прошлые-то времена кайла да лопата — вот весь инструмент! Семь потоз да еще семь потоз сойдет с человаека, пока тот на жилку, как на тропку к тем тайным сокровищам, зыйдет. А тропка та ох как обманчива — зедет, ведет тебя, подзадоривает да вдруг и оборвется... Начинать все сызноза!

Невесел труд по таким местам — потому и строги лица мастеров...

Пахать, сеять на этой земле — тоже не радость. Веками здешний народ на камне живет, веками горы ворочает, потому и крепок духом. Потверже скал будет. И, как сосна, вцепившаяся корнями в расщелины камня, слился всей душой с этой неласковой суровой землей...

В этих местах и проходили мальчишеские годы Мосина. Здесь узнал он героев будущих своих картин: горняков, старателей, огранщиков, мастеровых — кряжистых, сутуловатых, не шибко многословных, да зато рассудительных, осозательных з ремесле. И были эти люди чем-то под стать могучей и суровой природе Урала.

Однажды, хмурым осенним утром, прилав к тусклому оконцу, увидел мальчонка тяжелыз фигуры людей, идущих по улице на работу в шахту... Люди шли, закутанные в свои мысли, у каждого в руке покачивался горняцкий фонарь с огарком свечи; встречаясь в серых утренних сумерках, они глухо гозорили друг другу: «Здорово, Кузьма...» — «Здорово, Петр...» И шапки, и лица их — мальчик на зсю жизнь запомнил это — были коричнезатожелтыми от глины. И еще — запа-

«Сказать, что творчество Мосина связано с Уралом — его природой, бытом, традициями, — будет верно, но мало. Оно словно пробилось из тверди Уральских гор...»

«ПРАВДА», 28 января 1982 г.

ло ему в память — руки людей были огромны и тяжелы, словно камни...

...Люди идут от картины к картине — и чувствуется, что какая-то незримая сила объединяет их здесь, в этом зале, волнует. Так оно и должно быть: настоящий художник как бы настраивает души многих и многих людей на одну волну и беседует с ними. Давайте же пройдем вместе по выставке, послушаем, что говорят ее посетители.

Алексей НАДЕЖДИН, рабочий Московского автозавода имени Лихачева:

— Уж так получилось, что я никогда не бывал на Урале и зот только теперь познакомился с вашим краем. Мне хочется от всего сердца поблагодарить художника Геннадия Мосина за это путешествие. С такой искренней, с такой глубокой любовью рассказал он о своих земляках — уральских рабочих.

Более всего ззолновала картина «Сказ об Урале», в ней я почувствовал суровую историю «опорного края», проникся любовью к далекой и теперь такой близкой мне уральской земле...

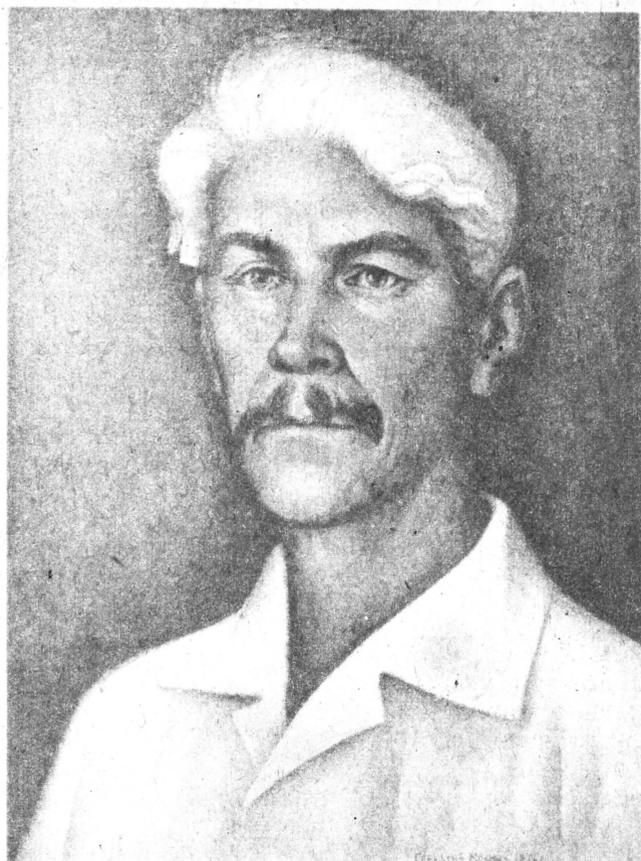
Писатель Булат ОКУДЖАВА:

— В работах Геннадия Мосина мне понравилось слияние мужественности и лиризма, это — истинная, одухотворенная поэзия. В живописи я более всего люблю портреты, поэтому зсегда отношусь к ним придиричиво и строго. У Мосина — з современной живописи для меня весьма редкий случай — почти все портреты мне понравились. Его портреты очень человечны, они мужественны и печальны...

Вообще, я думаю, живопись не

Рисунок к портрету
Е. Калининой

Портрет автоклавщика Котова

следует объяснять словами, я всегда воспринимаю ее эмоционально. Спасибо прекрасному художнику.

Композитор, народный артист РСФСР Эдуард КОЛМАНОВСКИЙ:

— В годы войны, когда в Москве разбомбили нашу квартиру, мне довелось жить в Свердловске. Всегда с благодарностью вспоминаю уральцев.

Знакомство с творчеством Мосина всколыхнуло в душе многие воспоминания о вашем крае. Я проникся полным доверием к этому талантливому и самобытному мастеру. В работах Мосина есть, на мой взгляд, счастливый и редкий сплав достоверности изображения и личного отношения художника к изображаемому предмету, в каждой картине — это чувствуется — схвачено самое главное.

Мосин большой знаток человеческой души. А главное: сам художник — сильная и незаурядная личность. В его сдержанном, мужественном характере чувствуется большая духовная мощь. Это проявилось и в большом историческом полотне «Сказ об Урале», и в пей-

зажах, воспеваящих живописную природу Урала, и в великолепных иллюстрациях к сказкам Бажова. Ни одна работа на выставке не оставляет равнодушным: в каждой — любовь, тревога, боль, надежда...

Поэт, кандидат медицинских наук Владимир ДАГУРОВ:

— Помню, когда жил в Свердловске и учился в медицинском институте, в картинной галерее выставлялось полотно молодых тогда художников Мосина и Брусиловского «1918 год». Мы, студенты, толпами ходили вокруг него и, околдованные необычайным видением живописцев, сами себе казались толпой на той площади, которая слушает страстное слово Ильича. Казалось, взойди по этим свежеструганым сосновым ступенькам — и ты рядом с Лениным, рядом с Историей...

Объединяющая сила сквозит в картинах Геннадия Мосина. Они многозначны, потому что пронизаны аллегорией мысли, и у каждого смотрящего вызывают свои ассоциации.

Вот «Сказка о мертвой царевне» — четыре богатырских лика, объятых скорбью и гневом над навзничь

лежащей девушкой с русой косой. Стоят люди и думают: «А ведь это война...»

Вот «Заброшенный двор»... Кого не тронет эта человеческая старость, крепко вросшая в сугробы и землю!

Вот «Весна»... Среди изумрудного хоровода молодых уральских березок могучее сгорбизшееся дерево, глубокие морщины избородили его кору, голые кривые ветви заломлены в небо... И вдруг — азторское озарение: птица, сидящая на высоком высохшем суку. Она одна, легкая и отчаянная, как бы оживляет умирающее дерево, делает его нужным и родным каждому из нас.

В такие мгновения и рождается в душе благодарное чувство к мастеру.

Народный артист СССР, солист Большого театра Александр ВЕДЕРНИКОВ:

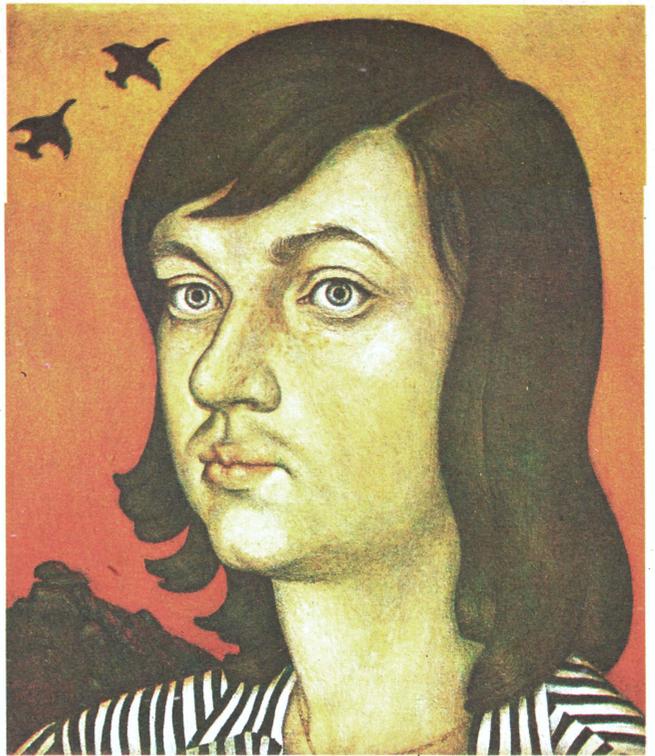
— Живопись, как и всякое другое искусство, — это борьба за красоту человеческую. Творчество Мосина знаю и люблю дажно. И вот когда все или почти все его картины, портреты, пейзажи, скульптуры собрались здесь, в Москве, в одном зале, стала воистину видна

Сказ об Урале.

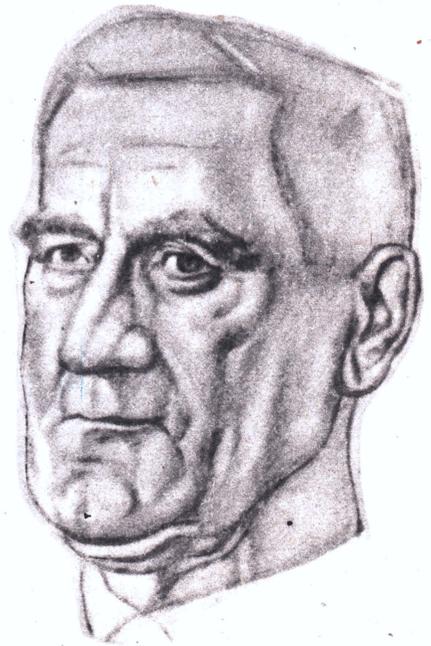
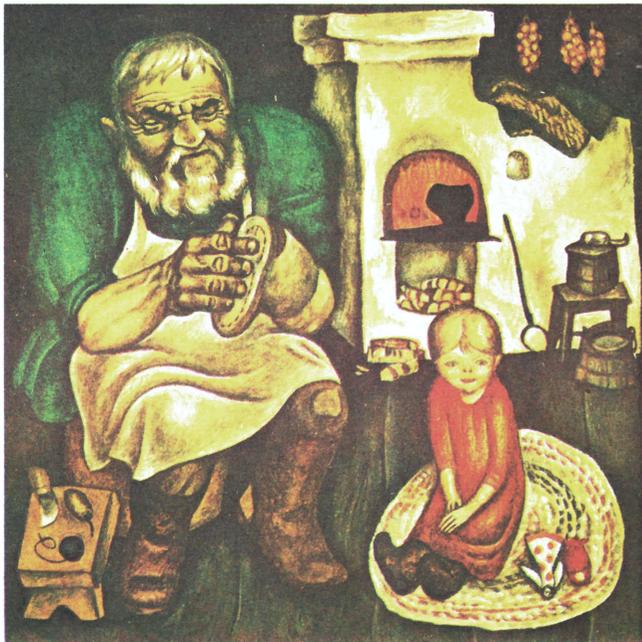

Портрет матери.

Портрет Вани Мосина.

Иллюстрация к сказу П. Бажова
«Серебряное копытце».

Весна.

◀ Рисунок к портрету
рабочего Уралмаша
Чугунова.

Март.

Рисунок к портрету
Г. Свиридова

Иллюстрация к сказу П. Бажова
«Малахитовая шкатулка»

вся мощь его таланта — таланта очень русского, самобытного.

Я люблю его «Портрет матери» — портрет женщины, которую не сбгнули никакие невзгоды, которая мужественно и достойно прожила жизнь в России. Она полна чувства собственного достоинства. Замечателен портрет «Волжанка». В нем мы видим, как талантливо Мосин развивает линию Петрова-Водкина, восходящую к традициям русской иконографии: в образе мадонны — русская женщина с ее возвышенной, суровой и чистой красотой.

Прекрасны мосинские пейзажи, они, словно окна, настезь распахнутые в суровую природу Урала. Можно часами «ходить» с художником по его любимым местам, дышать глубоко, всей грудью крепко настоящим воздухом синих сосняков, стоять у причудливых громадных скал на берегу Чусозой...

Сильным гражданским чувством проникнута его картина о Пушкине: великий поэт, глубоко ушедший в свой раздумья о России, изображен на фоне тревожного пейзажа — «Мчатся тучи, вьются тучи...». Это

глубокий философский образ поэта и России.

В каждой работе Мосина присутствует его личная оценка действительности, его высокая гражданская ответственность перед своей совестью, перед своим народом.

Поэт Евгений ЕВТУШЕНКО:

— Выставка Геннадия Мосина еще раз напоминает о том, как талантлив наш народ. Мы иногда волей-неволей обращаем внимание на несколько имен, а живая жизнь русского искусства заполняет все огромное пространство нашей страны. Я знаю и люблю живопись Мосина и Брусилковского, графику Волозича, творчество Засыпкина и других уральских художников...

У Мосина самые сильные, на мой взгляд, работы — это «Сказ об Урале» и «Башкирия». В «Сказе» — колоссальная эпическая мощь. По композиции очень хорош «Портрет художника Волозича», по психологическому проникновению в глубь образа — «Портрет Пантелеева» и «Портрет Ивана Мосина». Четок, скуп и в то же время выразителен «Портрет матери». Очаровательны

многие иллюстрации к бажовским сказам.

Самое замечательное в этом художнике — его огромная сила духа.

Откуда же в тебе эта сила, художник?.. Не от родной ли земли? Не от тех ли людей, которых ты увидел однажды хмурым осенним утром, чтоб полюбить на весь свой век?.. Не они ли — горщики, кузнецы, углежогы — вдохнули в тебя силу, накопленную в вековом богатейском труде?..

...Люди шли в серых осенних сумерках, у каждого в руке покачивался горняцкий фонарь с огарком свечи; встречаясь, они глухо говорили друг другу: «Здорово, Кузьма...» — «Здорово, Петр...» — и шли дальше, сутулосзатые, молчаливые, с большими и тяжелыми руками... И никто из них, наверно, даже и не заметил мальчонку, припавшего к тусклому стеклу оконца и глядевшего им вслед большими, удивленными глазами...

Выше туч, выше гор, выше неба...

Павел
АМНУЭЛЬ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Рассказ

Дело было давно, но потому-то
и стоит рассказать о нем,
пока оно не забылось совсем.

Г. Х. АНДЕРСЕН

Путешественник пришел в поселок вечером в день Урожая. Он ходил от дома к дому, искал пристанища и нашел его у плотника Валента. Лог узнал о Путешественнике, когда уже стемнело и выйти не было никакой возможности: мать усадила его качать малышей, а сама возилась на кухне. Лог нервничал: в свои недолгие семнадцать лет он ни разу не говорил с Путешественником, таким вот, только пришедшим, пахнущим дальними полями и странствиями. Старый, больной, никому уже не нужный Лепир, от которого Лог услышал множество историй, странных, как осенняя сушь, тоже когда-то был Путешественником. Но он пришел в поселок задолго до рождения Лога. Его рассказы, сто раз слышанные, обросли выдуманными подробностями, а Логу нужна была правда.

Когда малыши заснули, Лог прилег в своем углу и стал ждать утра. Он знал, что не сможет заснуть. Возбуждение нарастало, даже после разрыва с Леной он не был так взбудоражен. Путешественник! Вот действительно смелый человек! На памяти Лога никто в селении не решился вот так выйти однажды за дома без страховочной веревки и пойти в туман, куда понесут ноги, отдавшись на волю случая. Когда-то — Логу было два года — ушел и не вернулся его отец. Потом мать привела отчима, родились малыши. Отчим был человеком спокойным, уходить не собирался, жил для матери, для детей, для дома, но недолго жил, вот в чем беда. Совсем недавно, весной, балка упала с крыши, и не стало отчима.

Путешественники казались Логу идеалом человека. Из-за этого он и повздорил с Леной. Обычно они встречались у заброшенного дома, что стоял на самой окраине селения со стороны поля. Там никто не жил, слава у дома была дурная, вроде в нем водились привидения. Никто их, конечно, не видел, а слышали многие, в ночном тумане слышно хорошо.

— Ты представляешь, — сказал в тот вечер Лог, — найди новое селение, новых людей, узнай новые леса, поля. В хорошую погоду можно взобраться на дерево и увидеть листья. Когда я был маленький...

— Ты и сейчас лазешь по деревьям, — чужим голосом сказала Лена. — Я же знаю, и все знают, и когда-нибудь тебя накажут. Я не хочу, чтобы ты сломал себе шею, понятно?!

— Ну что ты, милая, — ласково сказал Лог, — я не упаду с дерева даже в самую густую полночь! И я никогда не уйду из дома без страховочной веревки, ты же знаешь...

Лена оттолкнула его и почти мгновенно скрылась в тумане. Лог услышал, как она идет к своему дому, и бросился за ней, вытянув руки, чтобы не налететь на что-нибудь.

— Лена, милая, — говорил он, — я никогда больше не буду лазить на деревья, ты слышишь меня?

Лена остановилась, сказала тихо:

— И не будешь запутывать веревку, чтобы тебя не нашли, когда ты уходишь из селения?

Лог замер. «Знает, — подумал он. — Неужели знает? И скажет? Что, если скажет?»

Лена ушла, а он стоял, раздумывая, что делать дальше. С того вечера они не виделись. Лена то ли сердилась, то ли охладела к Логу, а он не шел мириться, хотя и безумно скучал в первое время. Боялся проговориться. Никто не должен был знать, почему Лог, выйдя из селения в поле, запутывает свою страховочную веревку. Никто. Даже Лена.

Путешественник носил длинную бороду, одежда его была старой, сотни раз залатанной, котомка имела столько кармашков, что, казалось, только из них и состояла.

Лог наткнулся на Путешественника, когда, постучав, открыл дверь и вошел в темную прихожую плотника Валента. Утром туман немного поредел, хотя, конечно, до вчерашней прозрачности было далеко. Но, подойдя вплотную, Лог все же сумел разглядеть Путешественника с головы до ног. Хорошо, что плотник не мог увидеть этого взгляда, иначе наверняка побежал бы к старосте. А Путешественник увидел и понял и, отступив с дороги, молчаливым жестом пригласил Лога войти. Плотник последовал было за ними, но утром всегда было много дел в мастерской, и он ушел, пробормотав что-то, на что Лог не обратил внимания, а Путешественник не расслышал.

Путешественник скинул с плеч котомку и сел рядом с Логом на широкую скамью. От него действительно пахло чем-то незнакомым, далеким и притягательным.

— Меня зовут Лог,— начал Лог со стеснением в голосе.

— А меня Петрин,— спокойно сказал Путешественник.— У меня мало времени, я хочу до темноты пройти как можно больше.

— Ты... вы...— Лог поразился. То, что он услышал, не помещалось в сознании.

— Да,— усмехнулся Путешественник.— Я уйду. Я никогда не задерживаюсь в одном селении больше чем на два-три дня. А ваше невелико, и я решил ограничиться ночлегом.

Путешественник очень правильно выговаривал слова и строил предложения, как дома из плотно пригнанных бревен. У Лога мурашки побежали по коже, когда он представил, как Путешественник каждое утро вскидывает на плечи котомку и идет в туман, в серое ничто, не только не зная, заночует ли под крышей или в лесу, но не ведая даже, доберется ли вообще когда-нибудь до человеческого жилья. А может, окончательно заблудившись в тумане, так и останется навсегда среди деревьев или скирд и будет бродить, и кричать, и клясть судьбу, пока не умрет от голода? Потом, много дней спустя, кто-нибудь из ближайшего селения при уборке урожая случайно наступит на его побелевшие кости и мгновенно ужаснется, как ужаснулся Лог, однажды нащупав ногой что-то твердое и круглое. Он присел тогда на корточки и... увидел череп и крепко вцепился в страховочную веревку, потянул ее, убеждаясь, что она все так же надежно привязана к одному из сотен столбиков безопасности на окраине селения...

Никто — Лог был уверен в этом! — не решался на Путешествие дважды. Максимум, на что мог надеяться человек, — это пройти от одного селения до другого, случайно оказавшегося на пути. Этот путь, который мог продолжаться от одного дня до долгих недель, так выматывал и пугал любого, что Путешественник навсегда оставался в селении, до которого с таким трудом добрался. Как же идти, если не знаешь куда, если не видишь дороги и все время возвращаешься назад, плутая в тумане, если холод забирается под сердце, потому что чем дальше уходишь, тем ужаснее становится сознание, что нет никакой надежды куда-то прийти. Но уйти опять, уже достигнув цели, это... Для этого нужно быть безумцем...

— Не смотри на меня так, малыш,— сказал Путешественник, ласково улыбаясь.— Я вышел из дома два года назад. Я побывал в одиннадцати селениях, ваше — двенадцатое.

Лог весь подался к Путешественнику и ловил каждое слово.

— Несколько раз я думал, что — все, конец, заблудился окончательно. Но я шел и каждый раз приходил. Однажды почти неделю ничего не ел, кончились припасы. Но дошел. В том селении я провел месяц и едва не остался навсегда, но что-то позвало меня, и я ушел опять... Каждый человек для чего-то живет, малыш. Лог, да? Каждый человек, Лог, живет для чего-то. Женщины — для того, чтобы не зачах род, чтобы в доме был уют и покой. А мужчины — чтобы люди жили завтра лучше, чем вчера, а потом еще лучше. Чтобы вопросы не оставались без ответов. Чтобы никто ничего не боялся...

Путешественник замолк, и Лог неожиданно захотелось признаться ему во всем. Путешественник уйдет сегодня, он просто не успеет донести на Лога, да и не станет этого делать, ведь он сам такой, и он один может понять.

— Петрин,— сказал Лог, звуки чужого имени казались необычными, как сам Путешественник.— Вы... вы не боитесь Голоса неба?

— Я боюсь всего, чего не знаю. А что такое Голос — я не знаю. Как и ты не знаешь. И никто. Я боюсь Голоса неба только поэтому, хотя и знаю, что еще никто и никогда не пострадал от него.

— Почему? — Лог заговорил торопливо, уж это он знал, об этом им всем ежедневно твердили в молитвенном доме.— Голос может быть добрым, и тогда урожай

родится хороший; и Голос может быть злым, и тогда в селении кто-нибудь умирает. Не так давно Голос призвал Антора, пекаря, а он был не так уж стар.

Путешественник неожиданно рассмеялся.

— Скажи, Лог, сколько раз в году ты слышишь Голос неба?

— Ну... Двадцать.

— А урожай бывает дважды, и умирают люди не так уж часто. Значит, в большинстве случаев Голос звучит впустую? И еще: ведь люди умирают не сразу после того, как прозвучит Голос? Или до, или после. Бывает, что намного после. И все же виноват Голос...

Лог хотел возразить, но скрипнула дверь, и он прикусил язык. Вернулся плотник.

— Мне пора,— сказал Путешественник, поднимая с пола тяжелую котомку.— Валент проводит меня до последнего дома. Прощай, малыш. Рад был поговорить с тобой.

Путешественник быстрым движением привлек к себе Лога и зашептал ему в ухо, щекоча жесткими волосами:

— Ты видел когда-нибудь голубой туман с желтыми прожилками? Он переливается всеми оттенками, и кажется, что ты в огромной игрушке... А желтый туман? Он неприятно пахнет, и голова от него болит, и дрожат ноги. Остерегайся желтого тумана. А оранжевый? Ты видел когда-нибудь оранжевый туман?

Лог потрясенно качал головой. Он не видел. И он не смел признаться сейчас, когда плотник стоял неподалеку и ловил каждый звук, что в этом и заключается его мечта, смысл жизни — увидеть ярко-оранжевый туман, и туман желтый, и голубой. Всякий, кроме этого, скучного, обыденного, серого... Лог держал Путешественника за локоть и не хотел отпустить. Если бы мог, он ушел бы с Петрином. Но он не мог. Путь Лога был иным, однако и в этом он не смел сейчас признаться.

— А знаешь ли ты,— жарко шептал Петрин,— чем туман отличается от воздуха?

— Ничем,— удивился Лог.

— Почему же два слова, а не одно?

— Мало ли слов повторяют друг друга? — Лог пожал плечами.— Ложь и обман. Правда и истина.

— Подумай, малыш, и ты услышишь в этих словах различия. Ложь может быть нечаянной, обман всегда преднамерен. А как же туман и воздух? Если слова разные, то кто-то, придумавший их, вкладывал в них разный смысл, верно?

— Не знаю,— растерянно пробормотал Лог, не понимая, отчего Путешественник в такую минуту заговорил о словах.

— Ну скорее,— заскрипел плотник, который наверняка, стоя в двух шагах, прислушивался к шепоту.— Пойдемте, Петрин. А ты, Лог, еще будешь наказан за то, что с утра не в поле.

Путешественник легонько оттолкнул Лога и пошел на голос. Шаги протопали по улице, и все стихло. Лог опустился на угол скамьи. «Как это замечательно,— думал он.— От селения к селению. Сквозь туман. Ничего не видеть впереди, не знать, что тебя ждет через мгновение, и все равно идти. Достичь нового селения, но не останавливаться, а идти дальше». С детства, когда Логу сказали об уходе отца, Лог часто думал: где тот сейчас? И зарождалась мечта — увидеть иной туман. Оранжевый. Почему-то этому цвету Лог отдавал предпочтение перед остальными, возможно, потому, что Лена любила все оранжевое. Может быть, оранжевый туман прозрачнее серого, и если здесь, в селении, даже в лучшие дни видно не дальше, чем на три-четыре локтя, то там... Там, может быть, разговаривая с человеком, всегда видишь его лицо и не только по интонации догадываешься о настроении. Но старый Лепир, единственный в селении, пришедший издалека, не видел никакого оранжевого тумана. Да и пришел он, скорее всего, из ближайшего селения. Хотя, по его словам, проплутал немало и едва не погиб, но ведь плутать можно и на одном месте — таково уж свойство тумана, таков Закон. То, что сказал,

уходя, Петрин, не укладывалось в сознании. Нет, укладывалось, еще как укладывалось, это было первым подтверждением того, что мечта может сбыться. Он, Дэг, еще многое может узнать о мире, в котором живет. Он еще увидит такую красоту, такую не видел никто...

Лог выбрался на улицу, нащупал веревку, ведущую в поле, — она отличалась от других, натянутых вдоль дороги, своей толщиной — и быстро пошел, перебирая веревку пальцами. Лог нашел бы дорогу и так: он ходил в поле ежедневно уже два года, с тех пор, как старейшины объявили его совершеннолетним. Но сейчас он не хотел идти наугад. Боялся? Да, и боялся тоже, потому что забрезжила цель. Нельзя рисковать по пустякам.

До вечера Лог подсекал упругие стебли и складывал вдоль гряды в ровные полосы, чтобы шедшие за ним младшие ребята убирали стебли в скирды. Работа была монотонной и не мешала думать и даже разговаривать с соседями, которых он, естественно, не видел, но прекрасно слышал и знал.

Когда гулко пронесся удар гонга, уже темнело. Лог устал, проголодался и подумал, что в таком состоянии не сможет сделать то, что задумал на сегодня. Дома его ждал обед, малыши повисли на руках, а мать, невидимая в тумане, и вечерней серости, сказала:

— Лог, староста просил тебя зайти.

Ухнуло сердце. «Просил зайти». Приказал — это верно. Последний раз Лога вызывали к старосте три года назад, когда он с ребятами ходил побивать камнями дом с привидениями. Дому-то ничего не сделалось, а ребят и Лога наказали.

Наскорь поев, Лог бросился вон из дома и одному ему известной дорогой добрался до окраины селения. Присев на корточки, долго искал конец оставленной вчера веревки. Обнаружил ее немного в стороне от того места, где ожидал, и поспешил в сгустившуюся тьмоту, уверенный в том, что ничего не найдет на тайной своей делянке, что вызов к старосте связан именно с этим ужасным событием, перечеркнувшим все надежды и планы. Он так торопился, что поранил обо что-то ногу, но на делянке все оказалось в порядке, все, как он оставил вчера, ничто не сдвинуто с места, ничто не пропало.

Сердце перестало колотиться. Лог пощупал все пять мешков, изготовленных из тонкой материи, сотканной матерью на белье. Мешки округлились и стали чуть больше, чем вчера, хотя и не намного. Они рвались дверь, но прочные нити удерживали их над самой землей. Лог принахался: едва различимый запах, тянувшийся из почвы, не стал ни резче, ни слабее. Все было в порядке.

Лог пошел обратно, торопясь застать старосту до сна: иначе не избежать новых наказаний. О причине вызова он больше не думал. Главное, что никто не нашел делянку. Остальное — ерунда.

Открыв дверь в дом старосты, он прислушался, но все было тихо. В глубине комнаты горели лампы, рассеивая свой желтоватый свет по небольшому островку тумана — три круглых пятна на сером полотне. Лог переступил порог. Староста жил один, и если не молился в доме собраний, то обычно лежал на кровати, отдыхая после трудного дня. У старосты никогда не было легких дней. Человек он был немолодой, а забот хватало.

— Иди сюда, Лог, — сказал староста. — Не бойся, я позвал не для наказания, хотя ты и заслужил его.

Лог нащупал скамью у стола, сел.

— Путешественник поразил тебя, — продолжал староста, — и я хочу предостеречь. Ты, Лог, падок на все обычное, это у тебя в крови. То тебя тянет в дом с привидениями, то к Путешественнику. И не замечаешь, что он глуп.

Лог сделал движение, едва не смахнув со стола кружку с водой.

— Да, глуп, — староста повысил голос. — Умный человек не станет мотаться от селения к селению, когда жизнь везде тяжела и одинакова. Разве не этому учит Закон?

Разве не для того, чтобы служить Закону, живет человек? Ты и сам, Лог, прекрасно это знаешь, ведь ты был лучшим учеником у старейшин. Далеко ли может видеть взгляд? Не дальше протянутой руки. Далеко ли может слышать ухо? Не дальше соседних домов. Вот и все. Жить нужно тем, что рядом с тобой. Голубой туман... Если даже есть такой, искать его — недостойная ересь. Чтобы жить, нужно работать и работать. И думать о ближних: о матери, о малышах, о том, что на доме скрипит доска и, значит, нужно сделать ремонт. Это жизнь. Ты умен, Лог, а Петрин глуп и умрет где-нибудь в поле от голода и сырости. Тебя будут помнить, а его забудут. Ты успеешь сделать добрые дела, а он не сможет даже зла совершить. Понимаешь, Лог?.. Старейшины хотят наказать тебя, но я пока не стану. Подумай обо всем, что я сказал. А теперь иди...

«Значит, староста узнал о последних словах Путешественника, — подумал Лог, выходя из дома. — Неужели плотник Валент все слышал?» То, что староста сказал в назидание, Лог знал — это были поучения Закона, и все это было верно, но не для него...

Старый Лепир жил, к сожалению, не один. Он снимал маленькую комнатку в доме, где обитали сразу три семьи, и когда Лог разговаривал со стариком, ему всегда мешал шум за стеной, голоса, смех, а то и крики. К тому же, и там, за стеной, при желании можно было услышать, наверное, даже шепот, и Лог не знал, какая часть их разговоров с Лепиром становится известна старейшинам. Лепир уже больше года не покидал своей каморки, к старости он вовсе ослеп.

— Я думал, что ты уже не придешь сегодня, — прокрипел Лепир, узнав шаги.

— Здесь был Путешественник, — прошептал Лог.

— Знаю, — Лепир тоже перешел на шепот. — Я тут за день всякого наслышался... Пришел и ушел. Ты говорил с ним?

Лог пересказал разговор, стараясь вспомнить не только слова, но и интонацию.

— Когда-то и я тоже, — вздохнул Лепир. — Но чтобы так, сразу уйти... Он безрассудный человек, этот Петрин. Погибнет. Оранжевый туман, да... Это красиво. И подумать только, что люди губят себя ради красоты. Какая разница, какого цвета туман?

Лог молчал, пораженный. Это был день изумления. Теперь его поразил старый Лепир, который всегда, сколько помнил Лог, с упоением вспоминал свое Путешествие, продолжавшееся восемь долгих дней.

— Ага, — сказал Лепир, — ты думаешь, что я спятил на старости лет. Нет, просто я думаю... Если ты ищешь неведомую красоту — оранжевый туман, говоришь ты, — то ведь знаешь, что хочешь найти. Но тогда и искать не стоит. Вообрази себе оранжевый туман, и наверняка в воображении он будет красивее, чем окажется на самом деле. Идти нужно только тогда, когда не знаешь, что найдешь. Вот потому-то так мало Путешественников. Все знают все. Знают, что днем свет, а ночью мрак; и так везде. Знают, что Голос неба забирает часть урожая, оставляя нам столько, чтобы мы не умерли с голода. И так везде. Знают, что новые ножи и топоры появляются на дороге, когда этого захочет Голос. Почему появляются? Знают и это: Голос дает их в награду за наш урожай. Мы все знаем. Зачем же тогда путешествовать?

— Искать красоту, — убежденно сказал Лог. — Я представляю себе оранжевый туман, но если то, что я найду, окажется невообразимо прекраснее?

— Все-таки ты ищешь не красоту, а знание, — едва слышно сказал Лепир. — Новое знание. Пусть это будет знание новой красоты. Но разве для того чтобы узнать что-то новое, Лог, обязательно куда-то уходить?

— Ты сам сказал, что в селении мы знаем все, — усмехнулся Лог.

— А что находится под землей, там, куда мы не докопались, глубже самых глубоких колодцев? А что находится в песчинке, такой маленькой, что глаз наш не в силах разглядеть?

— Да,— сказал Лог, решившись наконец приоткрыть перед Лепиром часть своей тайны, не всю, не настолько, чтобы старик понял, но достаточно, чтобы услышать ответ.— Я не знаю этого. И еще я не знаю, что там, высоко над головой, выше деревьев, выше домов.

— Голос,— сказал старик.— Голос неба и свет. И ничего больше. Если бы не было Голоса, мы бы не жили, если бы не было света, земля осталась бы бесплодной.

— А если там, откуда приходит свет и где обитает Голос, туман не серый, а оранжевый?

— Опять ты об этом,— с досадой сказал старик.— Ты вырос, Лог. Прежде ты слушал меня, а сейчас — себя.

Лог промолчал, ему почудилось какое-то движение за тонкой стенкой. «Мы слишком громко разговаривали,— подумал Лог.— И не о том. Не такие разговоры принято вести в селении. Об урожае. О пахоте и севе. О ремонте домов. О ремеслах. И конечно — не о красоте недостижимого».

Лог коснулся рукой тонкого плеча старика, приник к нему в темноте, зашептал:

— Путешественник Петрин смелый человек, но он не там ищет красоту. А ты, Лепир, не там искал знание. Ни в двух, ни в трех, ни в тысяче дней перехода нет ничего нового — ты ведь сам был Путешественником, и Петрин говорит то же самое. И под землей ничего нового нет. И ты, и Петрин, и мой отец — все вы повторяли друг друга. Один искал новую красоту, другой — новое знание, третий — новую, лучшую жизнь. И никто не нашел, и не мог найти, потому что шли тем же путем, по которому ходили многие. А нужно иначе. Совсем иначе, понимаешь? Чтобы увидеть красоту, которую никто не видел, чтобы узнать то, чего никто не знает, нужно ведь и сделать то, чего еще никто не делал.

— Что ты задумал, Лог? — шепот старика был тревожен.— Я не понимаю тебя. Ты говоришь странные вещи, и хорошо, если говоришь только мне. Не забывай о Законе, Лог...

За ним пришли рано утром. Лог успел покормить малышей и оделся, чтобы идти в поле. В это время в дом вошел несколько человек, один из которых, судя по голосу, был старостой. Лог и не подумал прятаться.

— Ты неразумен, Лог, как младенец,— сказал староста, связывая ему руки.— Я предупреждал тебя... Ничего, наказание, думаю, не будет очень суровым. Ты ведь впервые перед судом.

И в это время раздался Голос. Он возник из утренней тишины, сгустился из тумана, за какие-то мгновения уплотнился, набрался сил и загремел оглушающе над самой головой, отражаясь от стен, крыши — от всего, что попадало ему на пути. Низкий и властный, зовущий и пугающий. Голос неба.

Все замерли. Староста едва слышно в этом грохоте кричал молитву, а у Лога пересохло в горле, и он молчал, думая в испуге, чья же сейчас очередь умирать. Ведь не за урожаем явились боги в этот неурочный утренний час? Уж не за старым ли Лепиром? О себе Лог не подумал. Только после того, как Голос смолк, растаял в тумане, после того, как руки старосты неожиданно жестко схватили его за локти и потащили к невидимой в тумане двери на улицу, после того, как закричала мать, а малыши, путаясь под ногами, заревели почти так же громко, как Голос, только после всего этого, уже на улице, Лог подумал, что явление Голоса воспринято старостой и всеми, кто пришел с ним, как согласие богов: его, Лога, наказывают справедливо.

До землянки, в которую сажали провинившихся и кающихся, Лог дошел сам. Дорогу он знал не хуже остальных. Туман несколько поредел, и Лог видел даже плечи двух человек, шагавших рядом с ним. Лог позволил захватить себя в тесное помещение, где только и было место для лежанки, а в отверстие в крыше можно было просунуть руку и даже голову, но не больше. Дверь захлопнулась, и голос старосты сказал:

— Судить тебя будем завтра. Думай и кайся, Лог. Вот твоя провинность: ты хотел запретного и посягал на устои.

Шаги стихли. Лог опустил на лежанку, постель была сырой, но больше сидеть было не на чем. «Конечно,— подумал Лог,— вчерашние разговоры дошли до ушей старейшин. И с Путешественником, и с Лепиром. Но за крамольные желания наказывают месячным покаянием. А потом он продолжит свою работу. Если только... Нет, не должно случиться, чтобы его дялянку нашли...»

Лог закрыл глаза: густо-серый в полумраке землянки, туман действовал на нервы. Представил себе свою дялянку и повисшие над землей матерчатые шары, все более разбухающие, почти готовые сделать для Лога то, чем он жил последние полгода.

Полгода назад — стояла зима, все кругом было матово-белым от оседавшего из тумана инея — Лог забрел случайно на заброшенное поле. Земля здесь не родила, чахлые стебли были неприятны на вкус, и поле забросили, хотя каждый участок был на счету. Страхочная веревка тянулась за Логом, легко сматываясь с поясной катушки. Был зимний праздник Благодарения, и все сидели по домам, стряпали пироги, готовились к большой вечерней молитве. В поле тишина стояла необъятная, какая-то гулкая, бездонная. Мороз продирал, но Логу было хорошо. Возвращаться не хотелось, и, достав из многочисленных карманов запасенные щепки и кремни, он высек огонь, раздул его, присел на корточки, вытянул над костерком руки. Огонь был багровым, и туман, сквозь который он просвечивал, казался розовым. Розовое облачко, клубящееся и рвущееся вверх. Рука тоже ощущала это движение тумана, и мысль Лога, ясная и не стесненная ничем, впервые отметила это как некую реальность. «Вверх,— подумал он.— Вверх. Что-то есть в этом». В кармане завалился клочок материи, Лог расправил его на ладони и, подержав над огнем, выпустил из рук. Полотно начало было падать, но повисло на какое-то мгновение, а потом даже поднялось немного, медленно-медленно, и... упало. Исчезло в пламени, истлело. Лог смотрел, как угасает огонь. «Вот оно что,— думал он.— Огонь — вот сила, которая толкает вверх полотно. Нет, не полотно. Огонь почему-то тянет вверх туман, а уж туман увлекает за собой кусок полотна...»

Неужели никто из Путешественников раньше не додумывался до этого? Вверх! Идти вверх!

Рано думать об этом,— прервал Лог собственные размышления.— Полотно ведь все равно упало».

Полгода назад это было, и с тех пор у Лога началась странная, двойная жизнь. Появилась тайна, в которую он не посвящал никого. Лишь одному человеку он хотел довериться — Лене, но она не поняла его. Сначала Лог экспериментировал с огнем и полотном. Он нарезал из материи кусочки разной формы и размера, бросал в туман над костром. Когда однажды довольно большой кусок полотна неожиданно выгнулся куполом и застыл трепеща, а потом медленно двинулся вверх и скрылся в тумане над головой, Лог в восторге даже загасил пламя неосторожным движением. Он стоял во мраке и впервые за все время подумал о том, что это реально. Это. Странное, невысказанное, никем еще не придуманное, только им, Логом, увиденное и теперь реальное, вполне реальное. Нужно только попробовать еще и еще, ведь если вверх мог улететь такой большой кусок полотна, то улетит и еще больший. А если полотно может лететь, то оно способно унести с собой и еще что-нибудь. Нужно больше пламени. Огромный костер — и огромный лоскут материи.

Почему лоскут? Если именно туман увлекает вверх полотно, то нужно... Да! Нужно сделать так, чтобы этот особый, создаваемый огнем туман так и остался в материи, не растекаясь по сторонам...

На следующий вечер, обманув мать уверениями, что должен сшить себе новую рубашку, Лог сел за разва-

ливающийся станочек, оставшийся, кажется, еще от прабабки, и сшил неуклюжий, но легкий мешок с горловиной, которую можно было легко затянуть тугой нитью. Малыши мешали работать, станок раскачивался и грозил окончательно развалиться, но Лог все же довел дело до конца и заснул удвлетворенный, измученный и заинтригованный, а на другой день работал в поле из рук вон плохо, считая время от колокола до колокола. В тот вечер неуклюжее сооружение, которому Лог придумал звучное название «туманный шар», повисев над костром, начало подниматься, натягивая нить, на которой висел довольно тяжелый камень.

Шли дни. Точнее бы сказать, что дни тянулись, а вечера летели, полные забот и волнений. Сначала Лога не беспокоило, что кто-то может выследить его. Найти в тумане именно тот колышек, к которому была привязана его, Лога, страховочная нить, можно было лишь чисто случайно, в этой части селения, где начиналось заброшенное поле, люди появлялись нечасто. На вопросы матери о вечерних отлучках Лог придумывал нечто полувразумительное, но мать верила, а если и не верила, то думала, наверное, что у него свидания с Леной, и не особенно допытывалась.

Через месяц Лог знал уже, что большой мешок, самый большой из сшитых им «туманных шаров», способен поднять камень и продержаться на высоте более человеческого роста примерно полвечера. Потом все кончилось. Туман, созданный огнем, почему-то терял свои обычные свойства, и мешок медленно опускался. Это еще не было трагедией: Лог вовсе не горел желанием тут же испытать на себе подъемную силу «туманных шаров». Он даже не знал, сделает ли это когда-нибудь.

Однажды, погасив пламя, собрав и сложив под камнем мешки — не унес бы ветер, — Лог услышал в ночной тишине негромкое потрескивание. Иней с почвы сошел, открыв мокрую, липкую и холодную землю, то и дело вздувавшуюся маленькими пузырьками. Пузырьки лопались, исчезали в тумане, оставляя тот неприятный, горьковатый запах, который Лог почувствовал еще в свой первый приход на делянку. Из-за этого запаха отчасти и было заброшено поле много лет назад, Лог знал об этом, но раньше ему и в голову не приходило как-то связать запах с пузырьками.

Услышав потрескивание и вспомнив, что оно означает, Лог подумал неожиданно, что ведь пузырьки — тот же туман, они зарождаются где-то под землей, прорываются вверх и сливаются с туманом, ничем от него не отличаясь, только запах выдает их присутствие. Лог накрыл место, где пузырьков было больше всего, куском полотна и обнаружил, что полотно приподнимается, что пузырьки тянут его вверх. Это новое открытие так увлекло Лога, что он забыл о возвращении. Из-за оцепенения его вывел нарастающий звук Голоса неба. Лог пустился бежать, едва не заблудился и явился домой грязный, падая от усталости. Мать бранила его, но он не слышал, он подумал внезапно, что эти пузырьки очень легкие, иначе не могли бы приподнять полотно, и что если собрать их много, очень много, и наполнить ими большой «туманный шар»...

Все, что было потом, слилось для Лога в одно прекрасное деяние, прерываемое необходимостью работать в поле, сидеть с малышами, помогать матери, носить еду старому Лепиру. В мыслях Лог был где-то там, наверху, и вокруг него клубился изумительный по красоте оранжевый туман, в котором легко дышалось, легко думалось и легко жилось. Да, так могло получиться, потому что уже первые опыты с пузырьками показали — они могут поднять значительно больше полотна, чем туман, создаваемый огнем.

Логу не удалось сшить мешок, который поднял бы его самого. Не потому, что это было невозможно, — просто он не сумел бы избежать вопросов матери, не сумел бы скрыть необычность своего шитья. Он сделал пять не очень больших «туманных шаров» и повесил над местами выделения пузырьков. На счастье Лога, свойство пу-

зырьков поднимать «туманные шары» не исчезало со временем. Более того, к середине лета, с приближением дня Урожая, пузырьки стали выделяться интенсивнее, будто под землей усилилась невидимая и постоянная работа какого-то таинственного, доброго к Логу существа.

День прошел. Логу не было скучно: он размышлял. Он впервые размышлял так спокойно, считая свободное время не пригоршнями, а целыми охапками. Под вечер явился староста, опустил в оконце похлебку и подождал, пока Лог насытится.

— Завтра соберется совет старейшин, — сказал староста. — Если ты одумался, то тебе, конечно, окажут снисхождение, и самое страшное, что тебе грозит, это год заключения.

Год! Год в этом земляном мешке, и выпускать будут только в поле, потому что работать должны все. А как же мать? Как же старый Лепир? А «туманные шары», уже почти наполненные легким туманом? Их могут найти, и тогда — новое наказание, и все будет кончено. Все и так кончено. Чтобы жить с людьми, нужно быть таким, как все, как каждый. А если хочешь чего-то иного, о чем нельзя и подумать? Тогда — в мешок тебя. Оранжевого тумана захотелось? Будет и оранжевый, и зеленый в крапинку. Во сне.

Староста ушел, так и не дождавшись от Лога вразумительного ответа, голос и шаги его давно стихли, а Лог все сидел неподвижно, будто примерз, хотя летняя ночь была тепла. «Нужно было уйти, — думал Лог. — С Путешественником Петрином или одному». Какой он глупец! Не хотел делать то, что все. Даже то, что делали Путешественники. Избрал себе другой путь — и потерял все. Через год, выйдя из землянки, он не сможет никуда уйти: за ним будут следить, любой его шаг — а шаги его научатся узнавать в самом густом тумане — тут же станет известен старейшинам. Пропадут «туманные шары», пропадет мечта, пропадет жизнь.

— Лог, — услышал он растерянный шепот. — Лог...

Это был голос Лены. Лог мгновенно вышел из состояния полусна. Он вскочил на постель и вытянул вверх руки. Ладони уперлись в низкий земляной потолок и нащупали тонкие горячие пальчики Лены, тянувшиеся к нему из оконного отверстия.

— Лена, — сказал Лог. — Лена...

Лена тоненько заплакала, как тогда, когда он поцеловал ее в первый раз, против ее воли притянув к себе, сам не ожидая от себя такого поступка.

— Не надо, Лена, — сказал он, морщась и стараясь придать голосу уверенность, которой не испытывал. — Ну подумаешь, год. На следующем празднике Урожая мы будем вместе, и навсегда.

«Вместе, и навсегда, — подумал он. — Навсегда — вот это верно». Ему тоже захотелось заплакать, губы скрипели, а пальцы царапали по земляному потолку, и на голову посыпались мелкие камешки и песок. Промелькнула смутная мысль, Лог даже на мгновение задержал дыхание, чтобы она не ускользнула.

— Лена, милая, хорошая... — сказал он.

— Я принесла то, что ты хочешь, — неожиданно ясно и спокойным голосом сказала Лена. — Топор и лопатку.

— Ты подумала об этом даже раньше меня, — пробормотал Лог.

Это была единственная возможность, и то, что Лена подумала о ней, вдруг заставило Лога понять: есть и кроме оранжевого тумана, кроме мечты об иной красоте, кроме странствий и поиска неведомой истины, — есть кроме всего этого вещи, ради которых стоит жить. Любовь, например. Лена поняла сердцем, что не будет Логу жизни с сознанием пустоты в душе, слепой покорности Закону...

Лог думал об этом, и слезы текли по щекам впервые за последние годы; он давно забыл, что способен плакать, и плакал он не о себе, а о своей Лене, которая

останется в селении и будет любить его даже тогда, когда он, может быть, уже умрет где-нибудь в поле или на чужбине. Лог думал об этом, а руки сами делали все, что нужно. Подхватили инструменты, начали разбивать топором и разрыхлять лопаткой камень и песок, расширяя отверстие, а песок и камешки сыпались на Лога, в глаза и рот, за воротник. В ночь перед судом старейшин узника не положено сторожить: до людского суда Лог был узником Голоса неба. Если он не использует этот шанс, сбежать потом будет невозможно. И Лена, милая Лена, поняла это...

Отверстие над головой стало достаточно велико, и Лог с помощью девушки выбрался из ямы, повалился на землю, тяжело дыша, а Лена стряхивала с его лица и одежды песок, будто это было так уж необходимо сейчас, и целовала Лога в грязные щеки.

— Вот, — сказала она потом. — Это мешки с провиантом. Это твой, а это мой.

Только после этих слов Лог понял смысл ее поступка, гораздо более безрассудного, чем показалось вначале. Лена решила уйти в Путешествие вместе с Логом. Быть с ним если не здесь, то там. Если не там, то нигде. Лог прижал девушку к себе, шептал слова, которые дазно хотел и не решался сказать, — слова, которые были правдой еще минуту назад, а сейчас стали лишь средством усыпить подозрения Лены, потому что взять ее с собой Лог не мог. Он вовсе не хотел стать Путешественником, повторяя бессмысленные подвиги Лепира и Петрина. А «туманные шары», равнявшиеся вверх на его делянке, не выдержали бы веса двоих. Лог вовсе не был уверен, что они выдержат и его одного, но выхода уже не было. Сейчас или никогда.

Он взвалил на спину обе котомки и, стараясь вспомнить путь к своему страховочному колышку, низко пригнулся к земле, прощупывая в полной темноте направления тропинок. Лена шла сзади, держась за конец веревки, свисавшей с одной из котомок.

В селении было тихо, люди спали, сквозь туман не проникал ни один лучик. Логу казалось, что он ужасно долго не может найти своего колышка, вот-вот придет рассвет, и его начнут искать. Лена молчала, и Лог знал, что ее мучит один вопрос: что они ищут? Уйти в Путешествие можно ведь в любом направлении и из любого места, хотя бы от той же землянки.

Вот он, колышек, и вот страховочная веревка, ведущая к делянке. Лог перевел дух и обернулся к Лене. Он должен сейчас предать ее, это единственный шанс спастись им обоим.

— Лена, милая, — сказал Лог, обняв девушку и чувствуя, как сам слабеет. — Лена, хорошая моя, я не могу уйти так, мне нужно домой — взять кое-что. Ты тоже иди к себе и возвращайся на рассвете. Вот... запомни колышек и дорогу.

Лена промолчала. Если уж она решилась быть с Логом, то должна делать все, что он скажет, не расспрашивая и не рассуждая... Когда шаги девушки стихли в гулкой темноте, Лог взвалил на спину котомки — Лене они ни к чему, а ему пригодятся обе, если «туманные шары» смогут их поднять, — и шагнул в поле, перебирая рукой страховочную веревку.

На делянке ничего не изменилось: низко над землей висели пять мешков, насыщаясь легкими пузырьками пахучего тумана. Лог распустил веревки на полную длину, и шары рванулись вверх, повиснув невидимо где-то над головой. Лог притянул назад один из них, это удалось с трудом, и привязал к веревке котомку с провизией. «Туманный шар» легко поднял этот груз. Лог привязал и вторую котомку — к другому мешку — и лишь потом задумался над простым, в сущности, вопросом: что ждет его там, наверху? В любом Путешествии по земле была неопределенность риска, но было и точное знание: Путешественнику пригодится пища, чтобы не умереть от голода, и постель, чтобы не спать на сырой земле. А там, наверху, где нет ничего, кроме тумана и Голоса неба?

«Я только должен убедиться,— подумал Лог,— должен сам увидеть оранжевый туман. А потом отрежу один или два мешка и опущусь в поле и тогда, узнав наконец истинную красоту, стану Путешественником...»

Так убедив себя, что котомки с едой и постелями еще пригодятся, Лог начал привязываться. «Туманные шары» были связаны вместе, лямки, которые должны были обхватить Лога за плечи, под мышками, он приладил несколько дней назад, а сейчас привязал крепким узлом сиденье и сел на него. Сидеть было неудобно, веревки впивались в тело. В котомках есть постели: использовать их? Лог начал было отвязываться, но в это время ощутил, как дернулась страховочная веревка, все еще привязанная к поясу. Лог замер. Почудилось? Веревка дернулась ощутиеее.

«Лена вернулась,— подумал он.— Теперь станет пробираться сюда, и нужно будет ее успокаивать и убеждать вернуться...»

Это была не Лена. Лог услышал голоса. В тумане вдоль веревки двигались люди. Гулкий бас принадлежал одному из старейшин, мужчине огромного роста с неприглядным бородастым лицом. Второй голос, что-то бормотавший в ответ, был голосом старосты. Слов Лог не разбирал, но это и не имело никакого значения.

Неужели Лена поняла, что Лог ее предал? И вместо того чтобы идти домой, все рассказала старосте?

Лог отбросил подальше конец страховочной веревки, уселся покрепче, чтобы случайный рывок не вывалил из сиденья. Он едва доставал ногами до земли и не мог нагнуться, чтобы отвязать от вбитого в землю кола веревки, удерживавшие «туманные шары». Голоса приближались, и тогда Лог извлек удобно положенный в карман нож и полоснул по веревкам.

Все осталось по-прежнему, только сиденье слегка покачнулось, и ноги, сколько ни вытягивал их Лог, не находили опоры. А потом Лог услышал голоса — откуда-то снизу, будто из-под земли.

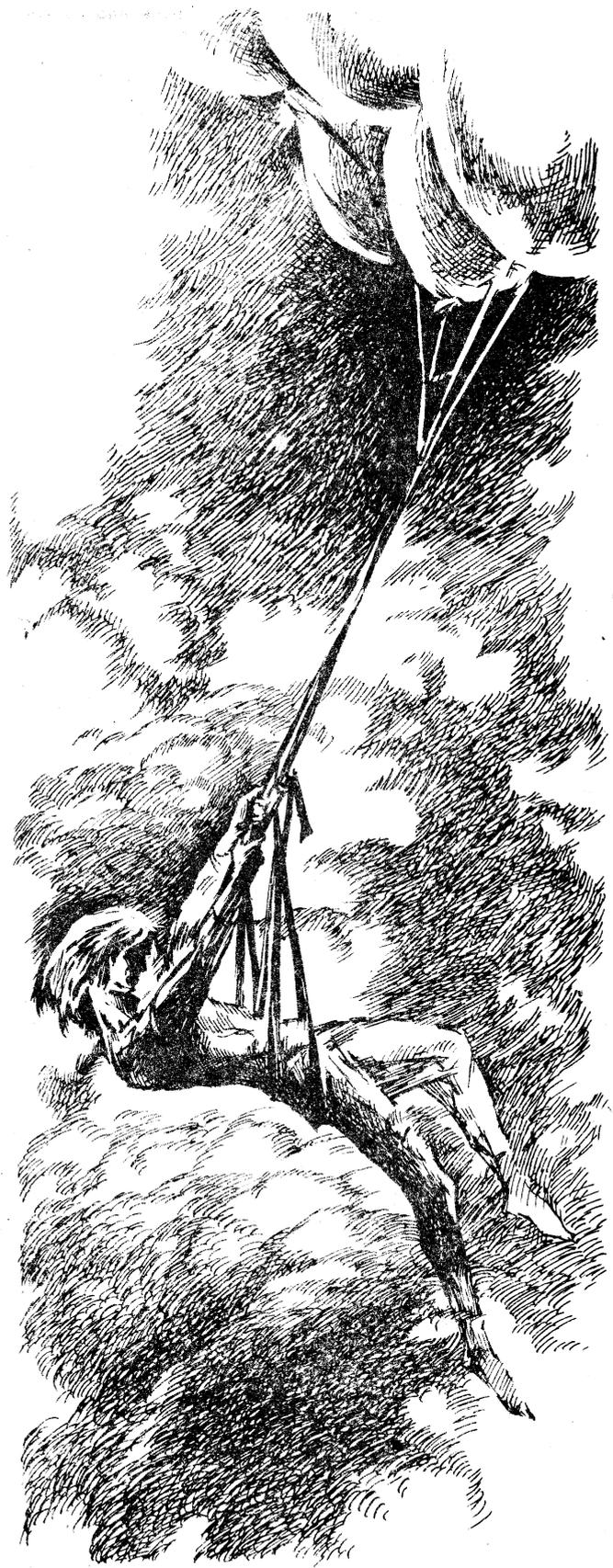
И лишь тогда понял, что летит.

Был мгновенный, иголкой кольнувший страх, и было быстрое успокоение, потому что связка «туманных шаров» поднимала свою ношу легко и почти неощутимо. Но главное, почему Лог знал, что не висит на одном месте, было возрастающее ощущение холода. На поле стояла летняя вяжущая теплыня, а здесь было холодно, как в хорошее зимнее утро. Лог не мог этого предвидеть и теперь дрожал, согревая себя тем, что пытался ответить на возникающие одно за другим «почему». Почему наверху холодно? Почему, несмотря на то что до утра еще далеко, над головой наметилось нечто расплывчато-зеленоватое, едва видимое, но все же различимое, как далекие огветы горящего фонаря? И почему, когда Лог поднес к глазам намокшую вдруг ладонь, он увидел на ней огромные снежинки?

Лог протянул в туман руку, чтобы поймать побольше этих неожиданных в летнее время снежинок, и ощутил, как мгновенно вспотела спина и волосы, кажется, зашевелились на макушке: он видел кончики пальцев вытянутой руки! Даже в этом мраке, едва освещаемом непонятной далекой лампадой, он видел в тумане то, что с трудом мог разглядеть в самые прозрачные дни! Он посмотрел вверх и с предельной отчетливостью, будто перед самыми глазами, узидел все пять «туманных шаров», различил все связывающие их веревки, котомки с провизией, и все это, совершенно невозможное для охвата одним-единственным взглядом, на слабо светящемся фоне зеленоватого почему-то тумана.

«Почему туман и воздух — разные слова?» — вспомнил Лог.

Он смотрел вверх, выворачивая шею, а туман над головой редел и редел, и в нем все четче возникал огромный светящийся круг, непонятно как державшийся там, в небе. Страх, который Лог испытал по этому поводу, сменился и вовсе безотчетным ужасом: издалека

приближался, сминал ночную тишину. Голос неба. Что-то невидимое надвигалось, рвало в клочья воздух, туман и все вокруг, сиденье под Логом раскачивалось все сильнее, а Голос ревел, и это был конец. Это был гнев небес, и он был ужасен.

Полностью парализованный, Лог ждал смерти, но Голос стал затихать, нырнул куда-то в глубину, и Лог слышал его почему-то под собой, куда не смел взглянуть. Лишь много времени спустя, когда Голос истаял окончательно, Лог посмотрел вниз и увидел белое поле снега, стоявшего буграми с броскими четкими тенями, и поле это тянулось так далеко, как... Логу не с чем было сравнить, и он понимал только одно: он видит. Не на пять, не на двадцать, не на сто локтей. Может, даже не на тысячу.

Заболели глаза: они не привыкли к такой работе — смотреть вдаль. Лог зажмурился на мгновение, а когда вновь решился их открыть, взгляд был направлен не вниз, а вверх.

Туман исчез.

Была чернота, абсолютная чернота вымазанного жирной сажой купола. И на куполе блестели, искрились, светились, переливались яркие и слабые белые, голубые, желтые точки. Снежинки. Казалось, они меняются местами и приплясывают. Сознание Лога уже не было способно оценивать впечатления, и он не понимал, что эти точки на небе — звезды — совершенно неподвижны, а связка шаров раскачивается в высотном течении, унося Лога прочь от родного селения и от всех навсегда для него умерших земных проблем.

В глаза Лог заглянуло огромное зеленоватое лицо с какими-то пятнами, безглазое и безносое, почему-то с выщербленной щекой. Это была та лампада, которая светила сквозь туман, она превратилась в лицо, четкое и страшное, под черным куполом, окруженное снежинками-точечками. Лицо тянуло Лога к себе, и он, широко раскрыв глаза и уже не сдерживая рвущийся из горла крик, чувствовал приближение неотвратимого и безнадёжного.

Бездна купола становилась все глубже, все более слабые искорки являлись из мрака, вступая в общий пляс, их стало больше, чем снежинок в поле, и бездна уже не казалась черной — напротив, она сверкала, слепила, а когда Лог повернул голову, снежинки ринулись на него, упали на плечи, заколотили жгучим дождем, завертелись, и противная тошнота поднялась к горлу.

Он не чувствовал ни рук своих, ни ног, он умирал среди огней, ловил ртом остатки воздуха, разреженного на этой высоте, и не понимал, что губит его не гнев Голоса, а простой недостаток кислорода. И это не глаза богов смотрят в его глаза. И внизу — не снег, а все тот же туман, из которого воздушные шары, наполненные легким газом, вынеслись в прозрачную и открытую вышину.

Туман лежал холмистой равниной, освещаемый ровным и равнодушным светом почти полной луны, а между туманом и небом, которое возсе не было твердью купола, неслась в воздушном потоке неуправляемая связка шаров, отбрасывая на поверхность тумана причудливую тень.

Лог уже не видел всего этого великолепия обычной летней ночи. Мир для него померк. Он умер.

...И родился вновь.

Как младенец, он ничего не понимал в том, что увидел, заново явившись в мир. Как у младенца, в теле его жили только ощущения — приятно и светло, тепло и хочется есть. Он не думал этими словами, он вообще не думал. Пришло время, и он начал разбирать детали внешнего мира, и увидел, кое-что знакомое по прежней жизни. «Стол, — он вспомнил название. — Стулья. Скамья. Окно. Свет. Человек». Было и еще что-то непонятное (ведь малыш не понимает назначения никогда не виденных предметов). Внимание сосредоточилось на человеке, сидевшем у изголовья постели, на лице человека, и это позволило Логу выйти из младенческого возраста. Он

стал взрослым почти мгновенно и вспомнил все. Всю свою прежнюю жизнь и весь ужас последних минут.

Голова закружилась, и Лог вцепился пальцами в мягкое одеяло. Воздух! В комнате не было воздуха! Он видел стол, стулья, скамью у противоположной стены, окно, выходящее в черноту ночи, яркую слепящую лампаду под высоким потолком, — видел все сразу! Его глаза, от рождения привыкшие глядеть на расстояние вытянутой руки, не воспринимали объемности удаленных предметов, и до потолка в этой комнате без воздуха могло быть десять локтей, а могло быть и все сто тысяч.

Человек, сидевший у постели, улыбался и молчал. Лицо его было выбрито до синевы, как у юноши, но, покрытое тонкими морщинами, принадлежало, несомненно, старику. Лицо казалось знакомым, но и это впечатление могло обмануть.

— Малыш, — сказал человек, — малыш, тебя зовут...

— Лог, — он почувствовал, как kloкочет в горле.

Малыш. Человек был похож на Путешественника, на Петрина. Это не мог быть Петрин, но желание, чтобы это был именно Петрин, оказалось сильнее разума. Обретая наконец возможность если не мыслить логически, то хотя бы связно говорить, Лог спросил:

— Почему?

— Почему? — переспросил человек.

— Почему я дышу? Здесь нет воздуха. Почему я вижу? Все кружится, но я вижу. Почему?

— Разве туман и воздух — одно и то же? Это разные слова, и обозначают они разные вещи.

— Петрин!

— Меня зовут Ярин... И я буду твоим наставником, Лог, в этой новой для тебя жизни. Пока ты не станешь самостоятельным. И скажу тебе сразу: ты жив. Ты был без памяти всего сутки, не так уж долго. Ты на Горе. И это теперь твой дом. Остатки твоего воздушного корабля в соседней комнате, как и твои вещи. И ты действительно видишь на много локтей вокруг. Глаза даны человеку, чтобы видеть мир. Весь, и сразу. Здесь и там, далеко. Запомни это, Лог. Повторяй, пока не привыкнешь, пока это не войдет в тебя, не станет тобой... Ты жил в тумане и не видел ничего дальше собственного носа. И не знал, что туман не воздух, а помеха. Но ты был недоволен, ведь так? Искал нового, не мог жить, как все. И ты нашел способ узнать. Ты узнал. Не все, только малую толику. Ты дышишь воздухом. Он вокруг тебя, невидим и неосятум. Воздух открывает тебе мир, а туман закрывал его. Тумана здесь нет, Лог. Он остался внизу. Ты поднялся выше тумана. Ты поднялся выше себя, Лог. Подумай об этом, Лог, прими это как закон. Так есть.

Прежде чем Лог успел произнести слово, за окном раздался грозный, басовитый, рокочущий Голос неба. В этом звуке невозможно было ошибиться. Голос гневался на Лога, он едва не убил Лога там, в ночном тумане, он достигнет Лога здесь.

Ярин тоже услышал Голос, но остался совершенно спокоен. Он что-то сказал, и Лог даже услышал, но не воспринял: слова не проходили в сознание, где властвовал Голос.

— Это винтолет, — повторил Ярин.

И Лог успокоился. Его успокоило слово, на котором лежала печать неживого, придуманного. И пренебрежение, с которым Ярин произнес это странное слово.

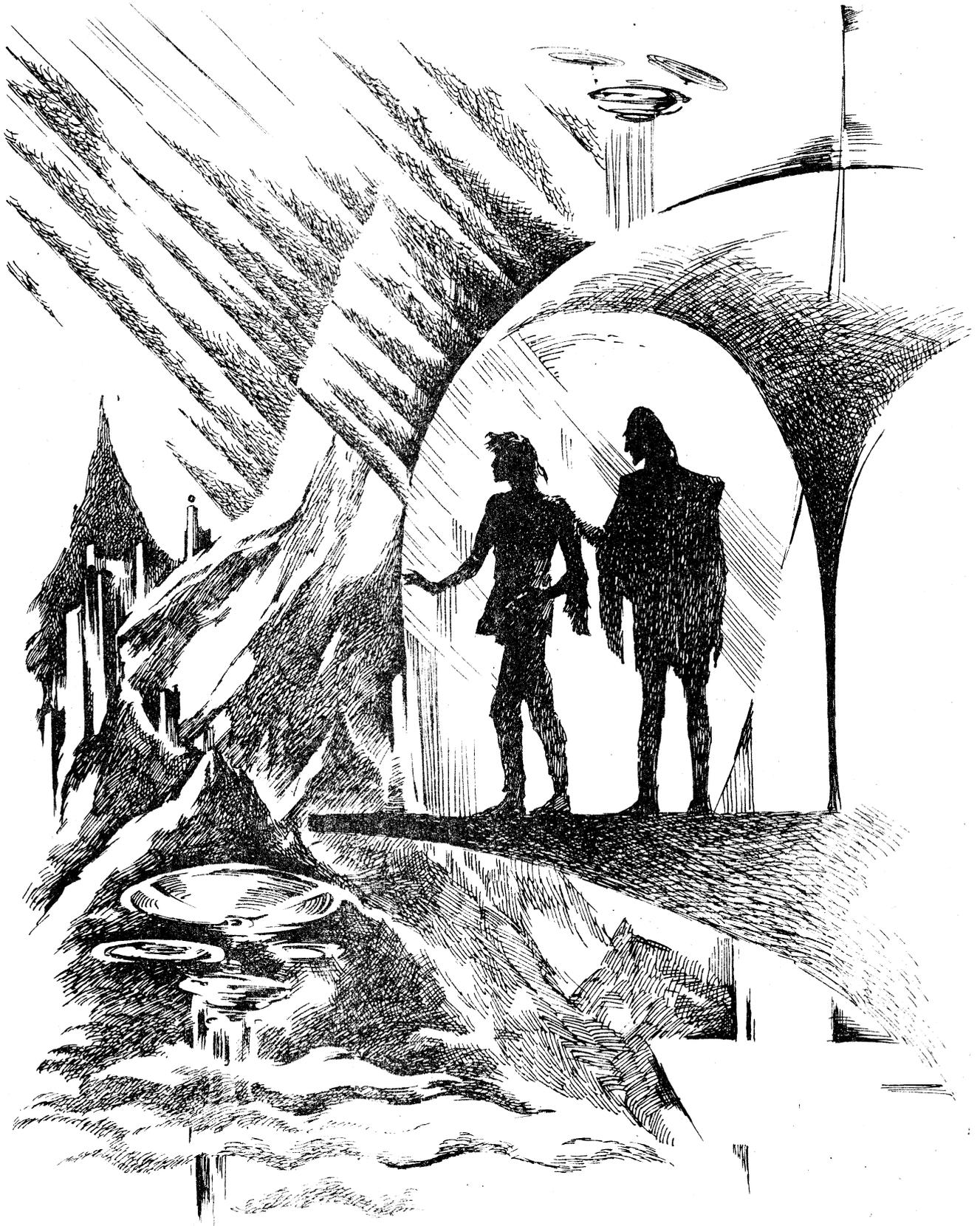
— Винтолет, — повторил Лог. — Это... Голос неба...

— А... — Ярин покачал головой. — Да, для тех, кто в тумане, это Голос неба. Нам приходится летать выше тумана, опускаемся мы редко, навигация только по приборам, это сложно и опасно. А вы не видите машину, вот и легенда. У вас много легенд. Больше, чем знаний. Есть и у нас легенды, притчи. Но совсем иные...

— Что поднимается выше туч?

— Горы.

— Что простирается выше гор?

- Небо.
- Что же за небом, где светят планеты и звезды?
- Мысль и Знание.

Лог почти ничего из сказанного не понял, кроме одного: богов нет. Он приподнялся на постели. Руки и ноги вполне повиновались, они больше не дрожали, и Лог решил встать. Но отказали глаза. Все закружилось, перевернулось, Лог вцепился в плечо Ярина. Но не лег. Сидел, пережидая с закрытыми глазами приступ тошноты. А Голос все звучал, доносился издалека, и, когда, открыв глаза, Лог увидел все предметы на прежних местах, он спросил:

— Его... можно увидеть?

— Ты молодец, малыш,— сказал Ярин.— Ты просто молодец, Лог. Конечно, винтолет можно увидеть и даже потрогать. А потом и полететь на нем, если захочешь. Скоро взойдет солнце, станет светло, и ты увидишь город, и винтолеты, и заводы, и людей, которые уже любят тебя... А сейчас, чтобы ты не мучился ожиданием, я расскажу тебе историю нашей бедной планеты...

Лог покачал головой. Он не понимал и полозины слов. Город, завод, солнце, планета. Пустые звуки.

«Один шаг,— подумал Лог.— Один шаг, и один удар ножом по натянутым веревкам. И — новый мир. Один шаг — и новый мир». Лог повторял эти слова, их-то смысл он прекрасно понимал. Забыл он только о том, что до этого одного шага сделал множество других. Он шел всю жизнь. Желая необычного, хотел того, что еще мог понять и представить, потому что человек просто не может хотеть того, чего не представляет. И получил свое, хотя совсем не то, чего ждал.

— Винтолет,— еще раз повторил Лог,— город, планета... Все кружится перед глазами, Ярин...

— Это естественно,— сказал Ярин.— Это пройдет. Закрой глаза, Лог. Слушай...

И Лог узнал.

Несколько тысяч лет назад это была прекрасная зеленая планета, с высоким и прозрачным зеленым небом («Не оранжевым?» — вставил Лог), по которому плыли белые облака («Что?» — спросил Лог, но больше не перебивал, только запоминал непонятное).

Жили на планете люди — племя землепашцев и умельцев, летали птицы, в лесах водились звери.

А потом пришел туман.

В недрах планеты шли процессы, которых никто из людей в то время не понимал. И постепенно — воздух, прекрасный, чистый и прозрачный воздух, начал мутнеть. Почти всюду из почвы выделялись газы и пары, следы подземных реакций. Они были безвредны для людей, но птицы погибли почти сразу. Туман был везде, и уйти от него можно было, только поднявшись повыше. Туман был тяжел, он стлался по земле, быстро густел, и люди жили, будто в молочном плену.

Они ушли в горы — не все, только часть. Другая часть осталась на равнинах, в привычной, хотя и изменившейся, обстановке. Те, что остались, сеяли и убирали и жили этим, и этот труд, достаточный, чтобы не умереть от голода, был их жизнью. Они ничего не видели в тумане, но и не стремились видеть, потому что забыли, что это такое. Они привыкли. Еще сотня тысячелетий такой жизни, и у них, конечно, развилось бы новое чувство, скажем, инфракрасное видение или звукокация. Но времени прошло немного — чуть меньше тысячелетия. И в долинах жило племя слепцов, создавших себе удобную веру в то, что так и должно быть, что так было всегда, что мир — это селение, жизнь — это работа в поле, дом, семья, дети, и больше ничего не было, нет и быть не должно, потому что таков Закон. Это твое племя, Лог...

А другая часть народа уходила в горы. Туман наступал их, но они поднимались все выше. Им было худо, потому что в горах пищи мало, но они не хотели сдаваться — не для того даже, чтобы выжить, а для того,

чтобы ответить на вопрос: почему? Почему случилась такая беда?

Туман поднимался медленно, но неотвратимо. Только четыре горные вершины оказались выше тумана, когда движение его наконец прекратилось. Только четыре горстки людей остались жить, отделенные друг от друга тысячами километров. Ничего друг о друге не зная. Четыре острова в океане тумана. Но они отстояли себя. Они выжили. Более того, они сохранили знания. Они строили в горах поселки, а когда не хватало места, взрывали скалы. Появились города, выросли заводы. Чтобы передвигаться по горным склонам, люди придумали вездеходы. Чтобы общаться с другими городами, изобрели радиосвязь и воздухоплавание. И только одного у них всегда не хватало: пищи. Горные поля скудны, спустя два-три столетия они уже не могли прокормить возросшее население. И перед нашими предками возникла проблема проблем.

Вот тогда им и пришлось спуститься в долины.

«..И небо разгневалось на людей, явился Голос, и началась буря, которая продолжалась много дней и ночей, а когда Голос умолк и люди покинули свои дома и вышли в поле, чтобы собрать в амбары урожай, оказалось, что Голос наказал их, забрав половину скирд на небо. И когда люди молились богам своим, Голос неба отвечал: так будет всегда...»

— Забирая у нас часть урожая, вы оставляли взамен орудия,— сказал Лог, понявший в рассказе Ярина лишь суть, но не детали.

— Да,— кивнул Ярин.— Орудия, которые вы не могли сделать сами, ведь у вас нет литейного производства...

— Нет чего? — сказал Лог.

— Мы для вас боги, могучие, бестелесные и громогласные,— вздохнул Ярин.— Вы для нас братья, которым мы не в силах помочь прежде всего потому, что вы не нуждаетесь в нашей помощи, вы отзергли бы ее, не поняв. Вы счастливы, как ни странно. Вы глупо счастливы, ничего не зная ни о себе, ни о мире. Туман незнания скрывает от вас мир. Туман просочился в и ваши мысли. Отделил их одну от другой, отучил связывать их в цепочки рассуждений. Вам достаточно того, что у вас есть. У вас просто нет воображения. Туман. Проклятый туман...

— Может, это и к лучшему? — пробормотал Лог. Он подумал о матери, о малышах, о Лене, о Лепире, обо всех сразу, как-то одним взглядом охватил всю свою жизнь и жизнь селения под этим новым для него углом зрения.— Вот вы, Ярин, не утратили способности стремиться к тому, чего у вас еще нет. И я хотел... хочу того же. Оранжевый туман... Теперь, когда я знаю, что это глупость, я хочу еще большего, хочу так много, что, кажется, лопну от нетерпения... И так тоскливо. А они счастливы. Те, кто остался в тумане. Значит, им лучше, чем вам... Чем нам.

Ярин помолчал, глядя Логу в глаза.

— Ты хотел бы вернуться вниз? — спросил он.— Жить, как живут другие?... Вот видишь. Это прекрасная болезнь разума — желание знать и уметь. Как и всякая болезнь, она мучительна. Но если ты выздоровеешь, твой разум угаснет. К счастью, эта болезнь неизлечима. Но вы редко болеете... Туман, в котором вы живете, не дает болезни стать эпидемией.

— Путешественники,— сказал Лог.

— Это лишь легкая форма болезни,— сказал Ярин.— Не сон разума, но еще и не явь. Это дрема, пробуждение. Неясное ощущение неудобства, влекущее чувство таинственности мира.

— Откуда вам столько известно о нас? Вы ведь никогда не приходили к нам.

— А ты, Лог? — улыбнулся Ярин.— Среди тысяч Путешественников находятся такие, кто смутно понимает, что поступать нужно совсем иначе. Искать не там, где ищут все. Это люди с воображением. Они приходят к нам. Нет — прилетают. Они открывают закон теплового расширения или, как ты, Лог, наполняют шар легкими

газами. Их очень немного. И лишь считанным единицам удается сохранить рассудок, когда туман неожиданно рассеивается и они видят, что мир необъятен. Видят далекий горизонт, вспаханное ветрами поле тумана, а над собой то, что и для нас пока недостижимо далеко: солнце, луну, планеты, звезды... Вот теперь к нам пришел ты, Лог.

Слушая Ярина, Лог смотрел в сереющий проем окна. Тьмы уже не было, но не было еще и света, день только нарождался. Лог потянулся к окну. Ноги повиновались ему, хотя комната и качалась перед глазами. Но шаг был сделан. Второй и третий. Вцепившись в подоконник, чтобы не упасть, Лог смотрел перед собой в мир, явизшийся ему от горизонта до горизонта.

Дом стоял над крутым обрывом. Ослепительно-белый ковер лежал внизу. А небо вокруг полыхало алым, оранжевым, желтым, всеми возможными оттенками, и что-то зарождалось между туманом и этой непередаваемой игрой света. Что-то более яркое и слепящее, чем пламя.

— Восходит солнце,— сказал Ярин.— Идет день.

Лог отшатнулся. Мысль о том, что он сейчас умрет, была мимолетной и сгорела в пламени восхода. Лог почувствовал это пламя в своей груди.

— Солнце,— повторил Лог. Пламя в груди не гасло, и Лог подумал, что оно останется в нем до самой смерти, и будет жечь его, и сожжет наконец, но прежде он узнает все, что знают эти люди. И больше того, что они сейчас знают.

— Туман засасывает,— сказал Ярин, поняв состояние Лога.— Он гасит пламя в груди. Туман... Он поднимается, Лог. Несколько десятилетий назад извержение газов из почвы вновь усилилось. Туман поднимается, и через два-три поколения... Туман будет здесь.

— Нет!— сказал Лог, ужаснувшись тому, что мгновенно нарисовало его воображение. Никто не должен жить так, как живут люди там, внизу. Никто. Никогда.

— К сожалению, туман сильнее солнца,— грустно сказал Ярин, и Лог подумал, что Ярин уже наполовину погрузился в туман, в свой туман, если смог сказать эти слова.— Чтобы победить туман, мало победить себя. Нужно победить мир. Кто сможет сделать это?

— Я,— сказал Лог.

Страничка истории

О первых шагах советской фантастики написано довольно много. Но вот — одна из ее страниц, о которой не часто встретишь упоминание в фантастиковедческих работах. Между тем автор звенящих от вдохновенного пафоса, своеобразных стихотворений или поэм в прозе Алексей Капитонович Гастез (1882—1941) вовсе не забыт, его имя можно найти в любом курсе советской литературы.

Поэмы А. Гастеза (будем их так называть) правомерно, на мой взгляд, считать последним звеном в цепочке, которая связывает дореволюционную фантастику с советской.

Эти поэмы пользовались огромной популярностью в первые годы советской власти и воспринимались как непосредственный отклик на революционные события. Но на деле они были созданы еще до Октября. Просто поэт сумел заранее почувствовать настроения, которые овладели народными массами после революции, передать всеобщую жажду переустройства. А. Гастез считается певцом машин, индустриальной мощи,— это верно, однако не холодное обездушенное железо возникает перед нами в его строках: он поэтизирует создания человеческих рук и мозга, сливает их с человеком, наполняет металлические артерии горячей кровью.

Его башня пробила своим шпилем высоту, разорвала, разбросала облака, его рельсы опоясали зесь земной шар и рвутся дальше, з космос, их пытаются «поднять и продвинуть в бездонных, в безвестных немых атмосферах к соседним, пока неразгаданным, чуждым планетам». Конечно, перед нами романтические гиперболы, но в их стилистике, в специфике поэтического видения уже есть зачатки новой фантастики, которая с самых первых своих опытов замахнулась на безбрежные дали Земли и неба. Недаром В. Хлебников называл поэзию А. Гастеза «миром научных образов», «странных научных видений».

Вот, например, стихотворение «Кран». Гигантский, глобальных размеров кран, который строился годами, даже веками, как олицетворение рабочей мощи, творческих порывов человечества. Нет таких препятствий, нет таких тяжестей, которые не были бы по плечу этому исполину. Начав с малого, со строительства, он потом перенес железнодорожный виадук и водопроводные башни, поднял со дна моря затонувший корабль. Кран и сам все время растет, становится сильнее и сильнее, он уже затевает и вовсе неслыханные дела: «В Азии транспортным постройкам помешали Гималаи... Никто и не подумал о туннелях: краном придумали весь горный крах и низвергли его в индийские болота». Но и этого мало. Новая дерзновенная мысль возникает у крановщиков: они хотят сдвинуть с места самое Землю! Зачем? А вот зачем: «Эй, вы, тихие потребители жизни! Разве вы не видите, как неудобно посажена Земля, как неловко сидит она на орбите? Мы сделаем ее безбоязненно-гордой, дадим уверенность, пропитаем новой волей». Здесь Гастев, в сущности, предвосхитил главную тему советской фантастики, ее пафос решительной революционной переделки, пафос создания нового мира.

Во многих своих местах весьма современно звучит и гастевский «Экспресс». Поэт совершает путешествие по преображенной Сибири в чудо-поезде, восхищаясь великими делами, стройками, заводами, научными учреждениями, которые проносятся за окнами его безостановочного экспресса. Он называет вымышленные и существующие (Курган, Красноярск, Иркутск, Якутск...) города, он переименовывает Ново-Николаевск в Сталь-Город, не зная еще, что тот будет называться Новосибирском...

Некоторые совпадения с сегодняшним днем Сибири поразительны — не будем забывать, что все это писалось до революции. Автор умел далеко заглядывать в будущее. «...Экспресс мчится по залитым солнцем пашням, где все лето бороздят и ровняют поля стальные чудовища-машины... Только что закончен постройкой центральный сибирский музей, ставший целым научным городом. Университет стоит рядом с музеем, кажется маленькой будочкой, но он уже известен всему миру своими открытиями... Сопки давно одеты стальными кожухами, жар земли собирается, немедленно трансформируется и переводится в энергию...»

И залежи угля на дне океана, и хрустальные дворцы из морского янтаря, и туннель из Азии в Америку, и стремление согнать снега с полюса, изменить направление теплых течений и смягчить весь аркти-

ческий климат... А. Гастев заглянул даже дальше сегодняшнего дня. Но дело, конечно, не в конкретной осуществимости его проектов: «Экспресс» — вовсе не научно-техническая утопия, а гимн социальным переменам.

Разумеется, в этой поэме нет и не могло быть привычных нам принципов социалистической системы хозяйства, там еще идет речь о синдикатах и трестах, но главное схвачено верно.

Своими глобально-космическими образами поэмы А. Гастева напоминают произведения Маяковского первых лет революции, такие как «150 000 000» или «Летающий пролетарий», которые тоже во многом построены на фантастических допущениях, особенно в их заключительной, утопической части. И действительно, чувства, которыми были охвачены оба поэта, были едины, и неслучайно относились они друг к другу с большой симпатией.

В. РЕВИЧ

«Не считаю лестным...»

Фантастика «ближнего прицела» ассоциируется у нас с именами В. Немцова, В. Сапарина, В. Охотникова... Между тем, у них, оказывается, были предшественники.

Известный русский электротехник Владимир Николаевич Чиколев (1845—1898), будто бы под влиянием посещения «передового имения около Д.», описал в 1883 году «некоторые интересные применения электричества... в значительно пре-

увеличенном виде». Своему очерку он дал название сугубо ученое: «Электрические аккумуляторы на действительной службе». Но издатель, без ведома и к ужасу автора, изменил его на «менее приличное»: «Чудеса электричества».

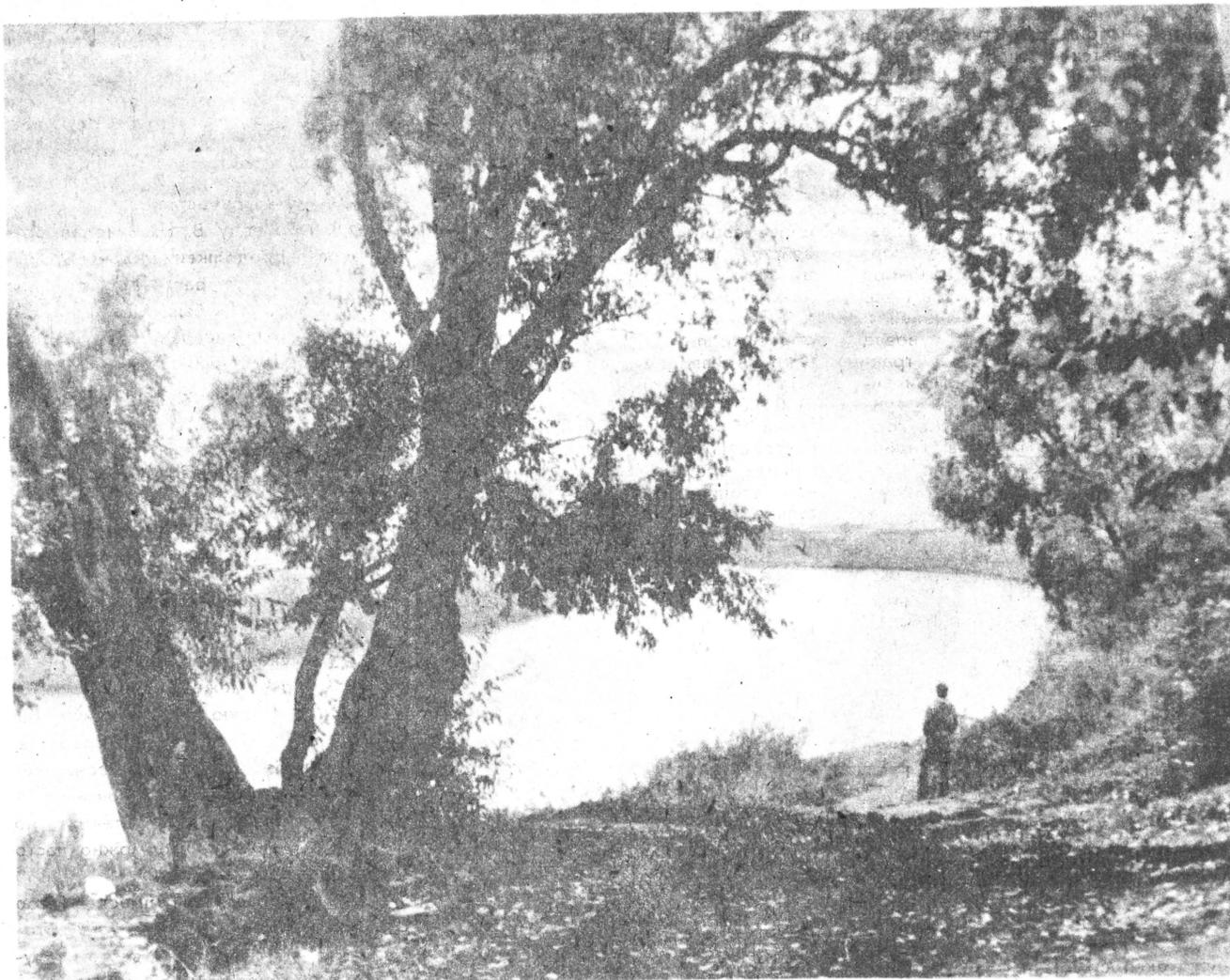
В 1895 году В. Н. Чиколев опубликовал продолжение своего «электротехнического рассказа», скромно назвав его: «Не были, но и не выдумка». В предисловии автор пишет: «...многие обвиняли меня в фантастических преувеличениях, другие думали польстить мне сравнением с Жюлем Верном. Я не считаю лестным для себя сравнение с Жюлем Верном, потому что мой маленький технический рассказ не может быть сравним с интересными, но фантастическими повествованиями знаменитого автора... Я должен предупредить, что все... как и в прежнем моем рассказе, изложенное осуществлено или может быть осуществлено во всякую минуту, лишь бы были на то потребные средства. У Жюля Верна читатель встречает обратное: он описывает почти всегда не только неосуществленное, но и неосуществимое, что можно часто доказать математически».

Сюжет рассказов прост — автор посещает имение некоего Г., в котором уже осуществлены все эти «чудеса электричества». Диалог состоит из вопросов рассказчика и подробных объяснений радушного хозяина.

Фигурирующие у В. Н. Чиколева электрические экипажи, трамвай, электрохронометры, автоматическая выдача книг в библиотеке, электростанции и электролаборатории — все это давно уже осуществлено. В этом автор оказался действительно прав. Но вот насчет неосуществимости фантазий Жюля Верна он, похоже, ошибся...

Х. АЛЫМОВ

ПАРК АНДРЕЯ

**Борис
РЯБИНИН**

Письмо напоминало исповедь: «...Мысль написать Вам появилась давно. Желание это то ослабевало, то усиливалось, вспоминал о дефиците писательского свободного времени, о Вашей занятости, и становилось неловко. Но пишу тем не менее.

Если Вы взглянете на карту Челябинской области и найдете на ней город Троицк, то вверх по течению реки Увельки в 2—2,5 километрах будет место моего постоянного жительства — санаторий «Степные зори», на карте не обозначенный. Там я живу 24 года (почти всю жизнь). По берегу реки протянулся санаторный парк. Посреди знойной троичской степи это настоящий оазис. Сейчас, правда, об

этом островке-зелени можно говорить почти в прошедшем времени... Но все по порядку.

Детство мое прошло под изумрудными сводами казавшихся тогда могучими сосен, старыми березами, высоченными тополями. Здесь, на этой бывшей летней даче именитых троичских купцов, я начинал постигать совершенство природы, ее поразительное многообразие. Три чуда — лес, речка и степь — заронили во мне зачатки экологического осознания мира, тогда еще по-детски, но уже ясно обозначившегося.

Парк стар. Мне не удалось сколь-нибудь точно установить дату его закладки. Густой, тенистый, парк постепенно усыхал, ландшафт остепнялся. Сказывалась, видимо,

старость посадок, почти ежегодная уборка опада и страшная засуха 1975 года.

Все больше росла моя тревога за судьбу парка. Время требовало действия. Мне пришлось в 1978 году поработать в санатории рабочим парка. Установили контакт с Троицким лесхозом, раздобыли сеянцы сосны, «мечи Колесова», и борозды покрылись сотнями тысяч крохотных сосенок. Сажали на полянах и в степи. Душа радовалась. Думалось, что я хоть чем-то помог парку.

Тут-то и начались довольно странные вещи: некоторые местные жители словно возненавидели посадки. Чего только не наслушался я: угроз и насмешек, но не это самое главное.

Первая посадка сгорела весной 1978 года. 1 мая (1 мая, к слову, — мой день рождения). Злой умысел? Не хотелось в это верить. Сгорели некоторые посадки и внутри парка (во время субботников отдыхающим нравятся поджигать сухую траву).

Весна 1980 года. 1 мая догорает до конца злосчастная, уже ранее горевшая посадка. Весна 1981-го: близ 1 мая сгорает другая посадка. Согласитесь, странные «подарки» ко дню рождения преподносит мне судьба третий год подряд...

Поздно вечером (по установившейся «традиции») брожу по гари. Беру в руки золу, пепел. Подумалось: сгорела степная посадка сосны и даже пахнет-то не сосной, а травой сгоревшей...

Не менее печальна участь у других посадок. Нарезали новый коллективный сад осенью 1980 года, часть посадок запахали. Ерунда, мелочи, недостойные внимания, сады ведь тоже нужны?..

К чему сворачивать перед сосенками, коли едешь на тракторе, машине, мотоцикле? Остановившись едущих по посадкам, пишешь гневную статью в газету (так и стал нештатным корреспондентом районной газеты «Вперед»). Основная тема статей — охрана природы). Ездить через посадки от этого, правда, не перестали: ведь так путь прямее.

Но то, что уцелело, растет. Летом же прошлого года нашел возле одной сосенки упругий коричневый масленок. Сердце от радости чуть не выпрыгнуло! Представьте себе: царство полынни, палит степное светило, сосенка чуть выше колена, а под ней лесной гриб! Не диво ли? Это — как награда.

Тревога, однако, не оставляет. Сосенки растут и скоро достигнут новгородного «елочного стандарта». Ниho же им будет!

В свердловском лесопарке имени лесоводов России стоят в великом множестве обезглавленные

елочки, а ведь Свердловск — столица Урала! Впрочем, плохих людей везде хватает.

А пока поднялись заметно зеленые «медвежата», даже некоторые скептики сейчас пускают слезу умиления, глядячи на них, разглагольствуют о любви к природе.

Я склонен недоверчиво относиться к подобным излияниям, ибо, как выясняется позже, речь идет чаще просто о потребительском отдыхе («на природе»): чего-то набрал, кого-то застрелил, чего-то наломал.

Спросишь: а сколько посадил, сколько не сорвал, сколько не застрелил, не наломал. В ответ — молчание. Сам же я из всех охот люблю одну — бродить с фотоаппаратом и биноклем.

Хобби у меня несколько странное, на первый взгляд: недалеко от дома, с официального разрешения местных властей, создаю, делаю (как хотите) дендрарий, скорее — микродендрарий.

Потеснил в саду огурцы и помидоры, организовал крохотный питомник и школьное отделение. Побывал в Свердловском ботаническом саду, заручился там поддержкой. Обещали посдействовать. Хочется, кроме того, обратиться за помощью ко всем школьным лесничествам, имеющим дендрарий.

Обнадежили меня в ботаническом саду и тем, что взяли на учет санаторный наш парк. А это уже, может, шаг к выделению этой старой искусственной посадки в ряд памятников природы. Тяжело это — практически одному все пробивать, а городскому обществу охраны природы, как я понял, мало до этого дела.

Помню жуткую весну 1975 года. Выцветшее от зноя небо. Из-за Уя, со стороны Казахстана, каждый день налетал жгучий, иссушающий все ветер, и листья на деревьях превращались в «гербарий». Черные бури делали солнце тусклым диском, всепроникающая пыль скрипела на зубах и тонким слоем оседала на мебели.

Вокруг нашего дома той весной посадили на субботнике тополя, клены, березы. Хрупкие прутики изнывали от зноя. Срочно нужна была помощь.

Сгрел все запасы шлангов, соорудил из них длинную «кишку» и сутками направлял поил дерева, на ночь направляя стаканом-другим крепко заваренного кофе. Ночью жара спадала. В душной темноте металась огоньки звезд, а непотухающая всю ночь заря быстро ползла по северному горизонту к востоку и утром вновь являлась раскаленным солнцем.

Фанатизм? Может быть. Со стороны видней, ибо чувствовал спиной тогда насмешливые взгля-

ды. Краем уха слышал разногласный хор сплетен, мгновенно возникавших по этому поводу. Обращать на это внимание не было времени, да и не в моем это духе. Нужно было спасать деревья.

Шла для полива питьевая вода (другой негде было взять), это и сгустило тучи на моем горизонте. Прослышал, что хотят жаловаться на меня в «Водоканал» и наказать таким образом. А чем я мог оправдаться? Только тем, что вода не просто так текла, а в прикорневые лунки, да и напомнить о том, что куда больше воды уходит в канализацию из неисправных и незакрытых кем-то кранов?.. Но, к счастью, гроза не грянула, голова моя осталась «ненамышленной».

Иногда вечерами стою под молодыми сильными кронами тех погибавших прутиков и слушаю за полночь мерный шорох листвы. А днем — тень, и отступает полын в зной степи. Это мои деревья, принадлежащие всем!

С годами появилось и обострилось желание узнать больше о предмете своего постоянного внимания — санаторном парке.

Вооружившись тетрадкой, расспрашивал старожилы здешних мест. Но их, к величайшему моему сожалению, очень мало, а запросы мои в некоторые музеи ничего не дали. Однако собран некоторый материал, фотографии, над которыми есть повод погрузиться, ведь на них — роскошный парк.

Смотрю на довоенный снимок: на спускающейся к реке каменной лестнице сидят отдыхающие, а по бокам стоят ящики с цветами.

Прикидываю, сколько бы сейчас процветали эти же ящики — день, два? На клумбах в центре санатория с корнем выдираются цветущие канны, не говоря уже о прочей «цветочной мелочи».

На довоенной фотографии цветы в ящиках растут вдалеке от многолюдья. А говорят, росли по аллеям и пионы, и чайные розы. Может, довоенные люди не разбирались еще в ситуации: это «наше» — это «мое», может, они еще думали, что «наше» — это «наше»?

Охрана природы, борьба за природу — с чего начинать?

Да, наверное, с начала. Нужно, чтобы слово «экология» (пусть в облегченном варианте) звучало бы на устах даже садикового малыша. Только тогда оханки увядших подснежников не будут «украшать» урны вокзалов, только тогда будут укрошены браконьеры.

Может, смешны мои хлопоты на фоне проблемы Байкала, охраны рек? Но реки-то великие складываются из ручейков, которые тоже лелеять нужно! Так хочется верить в то, что дела мои, мысли и устремления есть охрана того символиче-

ского ручейка, который вольется в общее великое и святое наше национальное дело сохранения русской природы.

Не всегда я слышал слова одобрения от самых близких своих товарищей, когда замыслил написать Вам. Дескать, писатель же — человек, которому нужно, как и всем, спать, есть, просто отдыхать, а не корпеть над десятками писем-ответов.

Но у Николая Никонова однажды прочитал такое: «Читательские письма... Без них писатель, как без воздуха». Я искренне поверил в эти слова.

...Годами наполнилась чаша, хотелось просто выговориться... Если у Вас, Борис Степанович, будет когда-либо дорога в Троицк, то милости просим в санаторий «Степные зори». Экскурсия наша прошла бы по тем местам, где, как росинки по июльской траве, рассыпаны дни моего детства, по тем местам, где за порубленные кем-то ради сока березы до сих пор горят рубцы на сердце.

Мог бы написать, да длинно выйдет, о том, как по книге Бирюкова «Кедровый бор» разыскал в лесопарке кедровые посадки Василия Васильевича Асанова, как поновому взглянул на место, где воздвигнут кинотеатр «Космос», — место довоенной Мельковской слободы, истоков Николая Никонова. Хотелось бы низко поклониться Никонову за книгу «Солнышко в березах». А в обязательном порядке написал Вам, Борис Степанович, о нашем парке, перед которым считаю себя вечно в долгу, ибо в его зеленом шуме впервые конкретно и емко осмыслил слово Родина.

Хочется верить, что люди будут не только говорить, но и откровенно думать о природе нашей.

До свидания. Всего, всего Вам доброго...

С уважением А. Матвеев.

Сейчас в Свердловске. Кончаю рабфак УЛТИ, после — буду учиться на лесохозяйственном факультете.

...Тетрадка в желтой обложке была заботливо упакована и обклеена целлофаном, чтоб не попортилась в дороге. На таких пишутся школьные сочинения; и почерк крупный, старательный, вроде еще не устоявшийся, тоже ученический... А сколько зрелых мыслей! В каждой фразе проглядывает пытливый ум, ищущий ответа на мучительные вопросы.

И главное, все правильно: и что люди (большинство!) еще не поняли тревоги, идущей от явного неблагополучия дел в природе, от нашего неумения (может, нежела-

ния?) поладить с нею; и что, создавая новое, мы зачастую по небрежению, или недостатку разума, или по непонятному злomu упрямству обрекаем на уничтожение и распад старое, а этого допускать никак нельзя; и что общество охраны природы частенько оказывается в стороне там, где как раз ему надо бы действовать энергично (сейчас по численности оно такое, что, кажется, по силам горы своротить)...

Много вопросов поставил Андрей в своем письме. Почему прежде в парке не рвали цветы, меньше было поломанных, изувеченных деревьев? Стали жить вольготно, широко?.. Что хочу, то делаю, и никто мне не запретит? Голова закружилась от свободы и материального благополучия?.. А зря закружилась. Что имеем — не храним, потерявши — плачем. Народ сказал.

Сиюзу, думаю над каждой строчкой.

Молодец, молодец, парень.

Что бы вы сделали, получив такое письмо?

...И вот дорога в Троицк. Мы едем в санаторий «Степные зори». «Мы» — это Андрей и я. У Андрея только что закончился, или, точнее, заканчивался трудовой семестр, после первого курса. Андрей — высокий, стройный парень в очках, в защитной «штормовке», — таким он предстал передо мной, когда в ответ на мое приглашение поспешил позвонить мне, а затем примчался, как говорится, не переводя дух.

Андрей родился 1 мая 1957 года. «По случаю моего дня рождения каждый год устраиваются демонстрации», — шутит он. Фанатически любит лес, природу, предан им самозабвенно, это замечаешь с первых же слов, о чем ни заговори. Не будь этого, наверное, не писал бы такие письма. Но пришел он к своей страсти не сразу, изведав прежде тяжелое испытание на прочность и выносливость духа.

Как жив остался, для всех загадка. Учился в ГПТУ, электромонтажник, строил Троицкую ГРЭС. Ударило 6000 вольт. Уникальнейший случай. Через воду ударило, провода не коснулись, а то обуглился бы. Очень большое напряжение. Врачи говорили: ток, остаточное статическое электричество стекло между полушариями. Спасибо, парни не растерялись, стали делать искусственное дыхание, разжали ножом зубы: судороги мышечные, глубокий спазм. Отводились.

«Увлекался всем, — сообщает он о себе. — Радиоухлиганил. Застукал — влетело. Бросил. Ну и старше стал». Андрей фотографирует, аппарат всегда при нем, у него целая лаборатория; ГПТУ он оставил;

Андрей Матвеев

тянуло что-то другое, а что, и сам не мог понять.

Дед увлекался садоводством. Как важно, чтоб родичи были тоже увлеченные люди! Это, вероятно, привело к тому, что он окончил ТУ № 5 в Сысерти, стал лесоводом. В Уральский лесотехнический институт попал не сразу. Несколько раз пытался, подводила математика, все-таки добился. Наконец взял эту преграду, поступил на рабфак (при УЛТИ), теперь на первом курсе. Послал учиться Троицкий лесхоз. Значит, по окончании вернется в родные места, будет работать там. Должно быть так...

Дорога — все прямо, прямо, на юг. Наш не первой молодости «газик» бойко катит по гладкому асфальту. Места ровные. Слева некоторое время высятся насыпные горы. Коркино, отвалы. Как странно, когда-то, в начале 30-х годов, я работал в этих местах топографом, проводил изыскания, никаких искусственных гор не было. Была голая степь, пронизываемая ветром, хруст снега, и где-то под этим хрустом — угольная залежь. Довелось с этими местами свидеться...

Показался Троицк, полускрытый легкой дымкой. Крыши домов, трубы, а над всем — солнце в мареве. Поселок ГРЭС около Троицка... «Есть там кедровые леса, посаженные», — сообщил Андрей (и там он произвел разведку). Машина свернула в сторону, Андрей оживился.

«Степные зори». До Троицка дватри километра. Несколько каменных корпусов современной постройки. Гуляют больные и отдыхающие. Сейчас сюда съехалась вся Андре-

ева родня. Приветливые люди. Обрадовались, не знают, куда усадить; наше появление было для них неожиданным. Татьяна Николаевна, родная тетя, проработала здесь более двадцати лет главным врачом санатория, сейчас на пенсии, но продолжает оставаться лечащим врачом. Смолоду здесь. В трудовой книжке одна запись (встречается такое не так уж часто). Считает себя коренной троичанкой. Тетю Андрей зовет мамой, «всю жизнь у нее живу». Тетю видел каждый день, а мать — два раза в год: жила в Каменске-Уральском. Теперь тоже здесь живет, перебралась в «Зори». Две мамы. Еще один член этого семейства — бабушка, тоже с ними, Александра Васильевна в прошлом учительница; сейчас приболела что-то, лежит в соседней комнате. Но гостей видеть пожелала, обязательно. Рада внучку Андрею, привечает ласково-дружественно и сопровождающих его. Извиняется, что не может выйти, попить вместе со всеми кофе. Славные, простые, трудовые люди.

Санаторий противотуберкулезный, пьют кумыс; и надо, чтоб был сосновый парк, это превосходно понимает Татьяна Николаевна. Парк — значит чистый воздух, фитонциды.

— Андрей все время заботится о природе, — говорит Татьяна Николаевна. — Зеленый патруль организован при его участии... Он не горделивый, не зазнается, — поворачивает она голову в его сторону. — Верно, Андрюша?

Андрюше некогда, он уписывает обед. Дома-то все вкусно.

Мария Николаевна, мать, была против того, чтоб сын стал лесоводом. Когда занимался поливкой саженцев, беспокоились все: «Как стемнеет, так пойдет поливать. Выйдем, покличем: «Андрей, ты здесь?» — «Здесь!» Придет утром», — в словах укор и одобрение.

Сколько он возился с растениями, еще когда начинал. Сначала не знал, как садить. Узнал, научился. «На подоконниках у нас что только не росло — всякие деревца из семян. Выяснял: какой подрост да какой рост. Все измеряет, записывает».

Андрей больше отмалчивался, заговорил потом.

Главный, настоящий разговор начался, когда мы вышли на место. Теперь уже говорил он, Андрей:

— Вот мое детство. Пока оно целое...

Топольки — то, что поливал, вызвав гнев беспонятливых, которые и поныне не возмут в толк, что он хочет, к чему стремится, себя не жалея. «Эти топольки по колено мне были...» А вот и парк Андрея, тот, что Ботанический сад УНЦ взял на учет (пришлось составить анкету и прочее)... Сосенки

тут и там, их много. Как же долго ждать, пока они вытянутся во весь рост, войдут в силу?! «У вас там сосна, как сорняк, растет везде. А здесь...» «Там» — это севернее, в обычных местах произрастания хвойных; здесь же — сухота, ветер, не тот климат. Лесостепь.

Да нет, пожалуй, сосна как сорняк уже не растет нигде. Человек не дает. Тут Андрей заблуждается.

Спустились по отлогой, хорошо натоптанной дорожке. Внизу Увелька. Она тиха. Даль открыта, чуть туманна. Васильева гора. Недвижные деревья, тишина и покой разлиты вокруг. Андрей долго всматривается в горизонт: «У Золотой сопки, говорят, еще верблюжьих тропы сохранились. Караваны с востока шли...»

Чудо, как хорошо! И это чудо — испортить, свести? С горечью, соединенной с гордостью, Андрей показывает: ива — ей сто лет, в дупле костер кто-то развел. «Иду, вижу дым. Залил огонь».

Отыскал единственный дуб в этой местности, тоже гордость. Заросли приг. «В детстве питались этой пригой. Березу сломали — прибинтовал. Ничего, — придиричиво оглядывает каждое дерево. — Лиственницы все же пободрее выглядят».

Сохранились остатки каменной набережной (писал о ней); по ступеням можно спуститься вниз. Был деревянный навильон, в войну на дрова разобрали, поясняет мой гид. Посадки искусственные, до последнего дерева. В соседней деревне Андрей разыскал бабулю 98 лет, она помнила, когда закладывался парк. Дача летняя была, владельцы — три троичанских купца первой гильдии Нанбаев, Якушев и Уразаев. Толк знали в таких вещах, или знал, обладал вкусом и необходимыми знаниями тот, кто по их поручению все делал. Фонтаны были — три (от них сохранились бетонированные чаши), цвели пионы. Было озеро в обрамлении тополей; говорят, бетонированное дно, чтоб вода не уходила, — кругом песок; случилась малярия — засыпали, теперь — свалка. (Удивительна эта наша способность: идти по линии наименьшего сопротивления, делать на скорую руку, как попросе да полегче. Появился комар — уничтожили водоем. Иначе нельзя?)

Добрый пример всегда пример, от кого бы он ни исходил. Андрей уже давно взял это себе на вооружение.

Разыскал посадки Асанова. Асанов — известный лесовод, жил в Свердловске.

«Асанов без подготовки почвы все проводит. А в питомниках подготовка почвы ужасно дорого стоит...» Из всего можно извлечь пользу, все мысли о том. Фанатизм?

Если и фанатизм, то хороший, нужный. Побольше бы таких.

«Моя аллея — я здесь жил». Задержался подо льще, заглянул за изгородь, опясавшую еще хорошо сохранившийся дом и двор, как будто надеясь, что найдет там и себя, маленького, или своих ровесников-товарищей. «Роскошный сад был, дед разводил. Сейчас огурцы одни. Бузина была у крыльца, здоровенная. Спшилили». Глянул вверх: «Мои скворечники еще живут». «С веранды грозы смотрели. Ночные. Люблю грозы. Как начинается, иду в степь...»

А ведь ты, мой друг, поэтическая натура, думал я, поглядывая на него. Что ж, все правильно. Лесовод не может быть иным.

..У елей спилены верхушки. Наружно Андрей ничем не выдает своих чувств, по я отлично понимаю, о чем он сейчас думает. Варварство, которое мы никак не можем преодолеть. (За последнее время даже заметно возросло: плохо боремся.) Ель европейская.

— Голубые елки доставал два года, — говорит он. — Уговаривал других сажать.

Его тут все знают. В лесу, в парке, там и сям разбросаны домики — живут сотрудники санатория. Кто бы ни встретился: «А, Андрей, здорово живешь! Надолго приехал?»

Нет, не один он такой. У них образовалась «экологическая группа» — студенческая компания. Сперва было трое: он и две девушки. Есть единомышленники! Из армии пришли еще двое — вместе учились в Сысерти, разделяют его взгляды.

После засухи в 1978 году пилили сухостой. С этого, что ли, пошло? Но только как осень, так уборка опадает. Жгут траву, чтоб не убирать. Легче. А это способствует высыханию земли, а она и без того сухая — несок! Сгорают и деревья. Основные посадки три года жгли, одни борозды остались. А он с друзьями все равно продолжал сажать. Наперекор злу.

Для ускорения дела освоили с ребятами «меч Колесова» — посадочное устройство. Посадили 2000 тополей.

Отвели коллективный сад, пошли тракторы — прямо по тополям. Можно реветь навзрыд. Сколько саженцев Андрей привозил! Около города было посажено 5000, а здесь — 25 000. Все равно решили не сдаваться. Коль начал — не отступай. И что же? Или надоело, или перестали замечать, или языки обмочалили — перестали говорить: «Приеду и бульдозером сравню». Чем помешало: говорят, дорога раньше была. А теперь ездить дальше. В сердцах такая фраза сказана была.

В прошлом прямо на бульдозере

Гикия из Херсонеса

Алла
РОМАНЧУК,
Елена
ВАСЮТА

по соснам ездил, дорога, вишь, перепахана была. Теперь как будто получше стало. Закрыли дорогу. Прибыло садов. Недавно приехали, попросили помочь посадки делать. Но пока это все так, несерьезно, не верит Андрей.

Андрей боится обмануться.

Человек многое понимает поздно.

Смотрю на Андрея, на его волнение, горячую искреннюю заинтересованность и думаю: корнями прирос к этой земле. Это и лес, и дома, и близкие люди, все, все. А если корни оборвались — засыхай...

«Хочу сделать дендрарий, вот здесь, на пустом участке. Мне его отдали...»

Микропитомник в коллективном саду его дело. «Скоро можно будет высаживать». «Да! — оживляется он. — Еще грачат в детстве разводил. Выпадывали из гнезда, я их собирал. Штук пятьдесят насобираю, кашу лопают... Приходилось им картошку варить, кашу на воде. Клывы пораскрывают и едят». «Добрый ты человек, — думал я про него, прислушиваясь к его рассказам, в то время как он спешил поделиться всем, что накопилось. — И как же хорошо, что ты такой добрый. Ведь человеческая доброта ныне государственная политика...»

Откуда берутся такие парни? Тоже голос земли. Гену...

Как говорит Терентий Семенович Мальцев, без воды не научить плавать. Человек все больше отходит от природы. Как быть? Вот о чем должны думать социологи, государственные деятели и политики, педагоги, природоведы и вообще все, кому дорога Земля, будущее планеты.

Когда-то Золя, желая объяснить страстную приверженность и тягу некоторых людей к бессловесным созданиям — собакам, кошкам, птицам, говорил, что любовь к животным — любовь совсем особая, не заменяемая никакой другой, и дается она от рождения. Не такое ли или похожее чувство неистовой преданности природе — дереву, цветку, озеру — необходимо всем нам в век всяких кибернетических устройств, которые, при всем их совершенстве, не способны заменить тепло живого существа?..

Мировоззрение, заявляют философы, это нечто неразделимое, его не разрежешь на кусочки и не будешь выдавать порциями; оно — в каждом поступке. Говоришь про свои переживания, про свои дела — а говоришь про весь мир и делаешь для мира.

...Каким он будет дальше?.. Удачи тебе, Андрей!..

В процессе раскопок Херсонеса, уже после открытия там старого города, прямо в черте его была обнаружена гробница. Древние греки никогда не производили захоронений внутри города, некрополи всегда размещались за пределами оборонительных стен. Почему же эта гробница оказалась в черте города!

В трудах византийского императора Константина Багрянородного есть легенда о Гикии. Вспомнил ее и открывший гробницу археолог Карл Казимирович Косцюшко-Валюжанич.

Херсониситы долго воевали с царями Боспора, стремившимися подчинить себе этот небольшой независимый город, так удачно расположенный на берегу моря. Большим было войско боспорцев. Но крепки стены Херсонеса, мужественны и свободолюбивы его граждане. Не привели к удаче походы боспорских военачальников. Тогда решили завоеватели пойти на хитрость.

Однажды в город прибыли боспорские послы с предложением вечного мира. А чтобы мир этот был прочным, они хотели заключения брака между сыном боспорского царя и дочерью херсонесского архонта Гикией. Согласие было получено: утомила херсонеситов длительная борьба, желанными были мир и свобода.

Боспорский царевич построил для себя и Гикии в центре Херсонеса громадный дом с большими подвалами. Ежедневно с толпой купцов в ворота города проходила небольшая группа боспорских воинов; каждый из них проносил в складках своей одежды оружие. Они находили убежище в обширных подвалах нового жилища своего сообщника.

Приближался праздник осеннего урожая. План у захватчиков был прост: когда херсонеситы с наступлением вечера отведают вина и соберутся у алтаря Дионису, они, боспорцы, внезапно выйдут из укрытия, перебьют стражу у городских ворот, впустят укrywшееся неподалеку войско и захватят Херсонес.

Неспокойно было перед праздничными днями Гикии. Однажды она бродила в темноте по парадным залам первого этажа великолепно украшенного дворца и вдруг увидела, что сквозь щели пола из подвала пробивается свет. Гикия прислушалась и различила грубую речь боспорских солдат. Понять их дальнейший замысел было уже несложно. «В моем доме спрятаны враги! Вот зачем был нужен моему супругу этот новый дом со столь большими, но незаполненными подвалами!..» Она решила сжечь дом.

В день праздника, когда собрались херсонеситы на площади перед театром, обратилась Гикия к гражданам:

— Если я спасу мой город, исполнят ли граждане мое желание!

— Исполним, что пожелаешь! — раздались крики.

— Тогда идите к моему дому и смотрите, как гибнут в огне боспорцы вместе с моим мужем. Они хотели перехитрить нас и сегодня затить городские укрепления.

Когда граждане своими глазами увидели гибель врагов и поняли от какого несчастья спасла их смелая женщина, они еще раз пообещали исполнить все, что она попросит. А Гикия попросила похоронить ее в спасенном ею городе, не вынося в некрополь.

— За спасение города прошу вас нарушить заветы отцов. Я не хочу покидать стен Херсонеса даже после смерти.

Херсонеситы исполнили желание Гикии.

• Дети блокадного Ленинграда

Три тысячи экспонатов в музее Ленинградского педагогического училища № 5 рассказывают о жизни ленинградских детей в тяжелые дни блокады.

Осколки, каски, обрывки колючей проволоки — сколько этих красноречивых реликвий войны хранится в музеях страны!.. Но это — особые осколки и обрывки; учащиеся педагогического училища привозят их из экспедиций на Синявинские болота. В войну, когда случались перерывы между боями, солдаты собирали на болотах клюкву для голодных ребятишек Ленинграда. Не раз рядом с драгоценной витаминной ягодой падали капли горячей крови — одного цвета с ней...

Незатейливые игрушки — их взрослые делали для детей, когда стране было не до производства игрушек. Кукольный театр из бумаги, из простого темного лоскута — негритенок... Эти игрушки приносят в музей уже внуки тех, кто их делал.

Интересен раздел творчества. Здесь, например, есть такое горестное свидетельство блокады. Как-то в детском саду ребятишек спросили: «Что падает с неба?». Они назвали кирпичи, осколки, бомбы, всю «атрибутику» войны — только не снег, который, должно быть, падает и замечается лишь в мирное время...

Музей педагогического училища № 5 получил звание народного.

• Памятник... Дороге

Нет поэта, который не посвятил бы стихи дороге; нет художника, который хоть раз в жизни не изобразил бы ее; нет человека, которого никогда не поманила никакая дорога...

Возле белорусской деревни Мякота, на пересечении шоссе Минск — Вильнюс появился памятник Дороге — наверное, единственный памятник такого рода в мире. Он представляет из себя три каменные глыбы величиной с человеческий рост, с написанными на них изречениями поэтов.

Нынешнее шоссе проходит по бывшему тракту, издавна соединявшему Россию, Украину, Белоруссию и Прибалтику. Много путников за все века видел старый тракт. Янка Купала прошел здесь пешком каждую пядь — в поисках счастья по свету. Шел шляхом Тарас Шевченко, мчался на лихом коне Денис Давыдов, проезжал в почтовой кибитке Гоголь... Владимир Луговской в Отечественную войну мерил эти версты тяжелыми солдатскими сапогами. А в наше время тут шуршат шины автомобилей. Многие видели камни, стоящие на дороге.

Один из литовских поэтов так приветствовал памятник:

Я чту священную память поклоном
От себя, от республики всей.
Встает благодарность друзьям незнакомым,

Поставившим тут, величаво и скромно,
Грядку говорящих камней.

В селе Мякота школьники создают музей. Он расскажет о всех выдающихся людях, чей путь лежал через их село, по старому тракту.

• Род старого Хачмафа

Есть на Северном Кавказе горный аул Большое Псеухо, в нем, как и везде, есть школа, а в ней, как во многих школах, — краеведческий музей. У одной экспозиции подолгу останавливаются посетители. Рассказывает она о семье здешних старожилов Напсо.

Главой своего рода Напсо считают Хачмафа, у которого было шесть сынозей. Эти шесть сынозей-«корней» дали сорок три семьи. Теперь у старого Хачмафа насчитывается 150 потомков.

Особенно подробно рассказывается в экспозиции о том поколении Напсо, которому выпало жить в нынешнем веке. Вся судьба страны отразилась в жизни семьи. Глава ее Тату Хачмафович и его жена Хаджерет Бирамовна не только помнят, как зарождалась Советская власть в родном селении, но и сами были ее активными строителями.

Шестерых сынозей и трех дочерей воспитали супруги Напсо. Во время Отечественной войны все сынозья ушли на фронт. Долетчерий защищал Севастополь, пришел с войны инвалидом. Алий воевал на многих фронтах и после войны долго еще нес морскую службу. Трижды был ранен Сагид, но вернулся с фронта живой.

Погиб на войне джигит Шумафа, в тяжелых боях на Украине сложил голову храбрый кавалерист... Гузер пал смертью храбрых за месяц до Победы... После жестоких сражений на Южном фронте пропал без вести Бахсет...

Но род Напсо продолжает жизнь. По всему Северному Кавказу расселились внуки и правнуки Хачмафа. Они представляют все специальности, которые только есть на селе.

• Почта через... четыре десятилетия

Почтальон на фронте был такой же солдат. Для него и осколок был «припасен», и пуля его не миновала, и вражеский самолет летал над головой, и снайпер целился в сердце...

Никто сейчас не узнает, что случилось с фронтовым почтальоном, сумка которого была найдена жителями старого поселка Аксай под Ростовом, когда сносился один из домов.

На почтовых треугольниках до сих пор стоит штемпель сорск четвертого года...

Передали сумку в школьный музей, следопытам. Подключились к розыску ростовские краеведы и журналисты. И вот уже двенадцать адресатов из тридцати четырех получили весточки из далекого военного времени.

Людмила
ДОРОХОВА

Рисунки
Т. Анпилоговой

ВЕРНОСТЬ ХЛЕБНОМУ ПОЛЮ

Терентий Семенович Мальцев — постоянный гость трудовых праздников. На этот слет трудовых школьных объединений Курганской области его ждали особенно — еще и как именинника: знаменитому полеводу накануне исполнилось восемьдесят пять лет.

Перед президиумом выстроились пионеры. Один за другим они докладывали, что сделано за пятую четверть. Читали стихи, посвященные Терентию Семеновичу. Раскачивая в такт словам огромными бантами, маленькая девушка закончила приветствие:

...Будет хлеб — будет песня,
И земной вам поклон,
Хлебной нивы кудесник!

Зал встал. Столько восторга светилось в ребячьих глазах, в таком едином порыве отбивались ладони!..

Ему бы в ответ по-стариковски растрогаться, смахнуть слезу благодарности. А Мальцев лишь еще больше ссутулился и часто заморгал, не зная куда деть бело-снежные гвоздики, куда поставить ребячий подарок — огромный каравай хлеба.

Старшеклассники докладывали: сколько посадили деревьев, сколько вырастили уток, надоили молока, какой собрали урожай мальцевских сортов пшеницы «шадринская», «вера», «зауральская».

Терентий Семенович вышел на трибуну. Он не стал пространно благодарить ребят за восторженный прием. Сказал просто:

— Дорогие юноши, милые девушки... Большое вам спасибо за теплые слова. А еще больше я благодарен вам за желание работать там, где живете!..

Он повел разговор о самом главном в своей жизни — о хлебе. Терентий Семенович не поучал. Он поверял ребятам свои мысли, вслух размышлял, говорил о смысле жизни:

— После плохой погоды бывает хорошая, после будней бывают праздники. Отдохнуть приятно, когда устанешь, а когда в жизни сплошной праздник, он надоедает... Человеку надо прежде всего учиться работать. И не просто работать. Академик Энгельгардт говорил: не тот сахар, который пашет, а тот, кто любит свою пашню. Вот и я считаю: самое главное — чтоб можно было любоваться результатами своего труда...

Восемьсот человек на слете ждали выступления Терентия Семеновича. Как привыкли ждать напутствия Мальцева колхозники перед севом: каждую весну выступает он по радио и в газете — делится своими знаниями по стратегии и тактике полевых работ.

За советом в зауральское село Мальцево едут люди со всей страны, — как когда-то приезжал туда Леонид Ильич Брежнев в тяжелые для целинного урожая дни.

Что больше всего нравится ребятам в академике Мальцеве?

— Он очень простой, — ответил один.

— Терентий Семенович справедливый, — продолжил другой.

— Мальцев никогда не призывает к тому, что бы сам не делал...

— Мальцев предан самому главному делу на земле — хлеборобскому...

Что ценят в нем взрослые?

Первый секретарь Курганского обкома партии Кирилл Филиппович Князев так сказал:

— Ценю мудрость Терентия Семеновича... Его искренность. Желание всегда помочь. Постоянное стремление к самосовершенствованию. Творческий подход ко всему, за что он берется. Особо ценю желание передать опыт молодым.

Без постоянного стремления — сделать лучше все, к чему он прикасается, — наверное, не было бы Терентия Семеновича Мальцева. Как и у каждого человека,

перед ним всегда стоял и стоит выбор: делать так, как привыкли делать другие, или поступить иначе, перестроить привычное, чтобы получить лучший результат? Шестьдесят лет он мог бы пахать землю так же, как испокон веков пахали его деды в Зауралье. Он же, не боясь насмешек и неверия, начал боронить свое поле, чтобы сохранить влагу перед севом, хотя веками делалось наоборот — пытались сохранить ее после сева. И борону по-другому устроил. В стране тогда делала первые шаги индустрия минеральных удобрений, и поддерживать плодородие земли, считалось, может лишь «отдых» под парами и многолетними травами. А Мальцев добавляет: «И — под однолетними тоже...»

— Мы вот осушаем болота, обводняем пустыню, вырубаем лес, распахиваем целину... Все для того, чтобы больше хлебушка вырастить. Но придет время, и нечего будет обводнять, осушать, распахивать. Об этом надо думать сегодня. Вся надежда на ту земельку, которая веками нас кормила, и задача главная — как сохранить плодородие почвы.

Об этом думает, этим болеет всю свою жизнь Терентий Семенович Мальцев.

Как-то спросили у него: какое его самое любимое время года? Он ответил:

— Время колосения пшеницы.

— А время дня?

— Восход солнца...

— Цветы?

— Колос пшеницы.

— Место на земле?

— Поле колхоза «Заветы Ленина» в родном селе.

— Правило жизни?

— Успевать работать, успевать читать и думать о прочитанном, «переваривать» прочитанное с пользой для жизни.

Ради этой пользы и живет Терентий Семенович, встает по-деревенски рано, в свои теперь уже восемьдесят семь лет ходит — не ездит! — по своему полю, чуток, каждую весну, прислушиваясь к дыханию земли. Смысл жизни он видит в том, чтобы было ЧТО оставить после себя на земле, было КОМУ оставить — чтоб вот так же любили люди и золотой пшеничный колос, и восход солнца, и равнину весну, и свое поле, и свое село.

Где бы ни выступал Терентий Семенович, он не устает говорить о любви и верности хлебному полю. Человек, внешне неласковый, он уменьшительно-ласково произносит: «полюшко», «хлебушко»... Земля у него — «матушка», «кормилица», просто «земелька». Вся его хлеборобская душа в этих словах, все отношение его к кормящей человека хлебной ниве.

«Заочно нельзя полюбить земельку», — считает Мальцев. Поэтому так часто он выступает за тесную связь сельской школы с крестьянским трудом, за уроки труда в поле, на ферме — чтобы образование пополнилось на трудолюбие.

— Получается же часто наоборот. Ребенок должен сидеть за партой в школе, а его посылают убирать картошку — неожиданно, вдруг, взяли — отправили... Вместо теплого класса — грязь, дождь... Вот так мы и

вращиваем в детях нелюбовь к крестьянскому труду. Другое дело, если бы по школьной программе в сентябре была сельскохозяйственная практика, за которую ученик бы оценку получал... Вот была бы и польза, и помощь государству, и действительно настоящий подход к делу воспитания нового поколения хлеборобов!

О пользе трудового воспитания, о профессиональной ориентации Терентий Семенович размышляет много. Спроси у него: почему все же ребята уезжают из села? Ответит не сразу. Поведет разговор об изменениях, происшедших в современном селе, о недостатках воспитания детей в семье... Что нужно сделать, чтобы выпускники школ оставались в селе? Что бы он сам предложил?

— Прежде всего скажу: растить хлеб — самое благородное дело на земле, профессия хлебороба — самая почетная профессия. Если сумеем привить такое уважение к труду землепашца — сделаем много. Но сегодняшнюю молодежь одним призывом к уважению хлеборобской профессии в селе не удержишь. Нужно молодым сразу давать жилье. И напрасными будут наши надежды на то, что они сами что-то себе построят. Не припомню случая, чтобы в последние годы ко мне как депутату Верховного Совета республики обратились с просьбой помочь достать материал на строительство дома... Нужно, считаю, на селе строить домики для молодых и продавать их в кредит.

В его родном Мальцево сейчас, как правило, остается более половины выпускников — гораздо больше, чем в других селах района. Есть в этом заслуга и Мальцева: ребята из ученической производственной бригады местной школы каждый год проводят интересные опыты по районированию сортов пшеницы, выведенных Терентием Семеновичем, выращивают урожаи по 35—40 центнеров с гектара.

Пока что лучшим агитатором за хлеборобскую профессию в Зауралье является сам жизненный подвиг Терентия Мальцева. Здесь не найдется ни одной школы, где бы имя его не стало символом любви к родной земле и природе Урала, символом высокой духовной культуры и полной человеческой отдачи своему делу.

Ребята пишут о нем сочинения. В школах проводятся классные часы и пионерские сборы, так или иначе связанные с жизнью знаменитого земляка. Более двух лет назад в Мальцево открылся областной героико-патриотический клуб «Родная земля». Программа его заседаний построена так, чтобы на примере жизни Терентия Семеновича воспитывать у детей любовь к земле, уважение к людям труда, чувство бережного отношения к природе, народным обычаям. Ребята знакомятся с музеем в Мальцево, бывают на опытной станции, летом ездят в поле. У них часты встречи с Терентием Семеновичем Мальцевым. И не только у них. К Мальцеву часто приходят домой и учителя местной школы. Приходят за советом, за книгой, просто узнать мнение Терентия Семеновича по поводу самых различных педагогических проблем.

Приходят к человеку, который ни одного дня не сидел за школьной партией... В графе «образование» пишет: самоучка. Писать он учился палкой по снегу,

прутиком на песке. И сносно уже писал, когда впервые в руки ему попал огрызок карандаша...

Теперь у Терентия Семеновича самая большая в Мальцево библиотека — около пяти тысяч томов. В сегодняшние свои восемьдесят семь лет он на память цитирует древних философов; особо ценит труды о педагогике, знает и почитает работы Макаренки и Сухомлинского.

...Выходит Мальцев на трибуну. Ребята ему восторженно аплодируют. Он же вместо ответных любезностей заводит разговор о воспитании высокой коммунистической нравственности. При этом просит не путать два понятия: грамотность и воспитанность. Грамотным в наш век быть немудрено... А то вдруг станет колючим, категоричным. Особенно, когда речь заходит о современной моде. Более того, не станет даже разговаривать с парнем, обтянутым узкими джинсами. Отвернется и уйдет, увидев накрашенную девчонку...

Не чудачество, не стариковский каприз. Это — отношение человека, привыкшего делать выбор. В современной одежде некоторых молодых ребят, старающихся как можно больше нацепить на себя заморских этикеток, Терентий Семенович видит поклонение всему иноземному. Он же, горячо любящий все русское, бывает просто оскорблен:

— Меня часто приглашают на комсомольские конференции. С удовольствием выступаю на них. Перерывы только не люблю... Горько. Выйдет в фойе баянист, заиграет «Уходили комсомольцы на гражданскую войну» или «Тревожную молодость» — сплуют делегаты два-три куплета и замолкают: не знают слов. Заиграют вальс, «русского» — ни одна пара не выйдет... Но вот загремело что-то ритмическое — и заколыхались, замелькали, все вышли в круг... Обидно! Почему?! Почему не знают, не умеют то, что любили и почитали отцы?!

Таков он, Терентий Семенович Мальцев. Дважды Герой Социалистического Труда, единственный в стране почетный академик ВАСХНИЛ СССР, лауреат Государственной премии СССР, депутат Верховного Совета РСФСР, знаменитый полевод колхоза «Заветы Ильича», всю свою жизнь свято хранящий верность хлебному полю. И он прав: у его поля должны быть достойные наследники, у общества — достойные продолжатели общего дела, у великого народа — достойные потомки.

Не всегда, не сразу, не с полуслова понимают его ребята. Но он терпелив, как сама земля...

Выпускница школы № 4 города Шадринска Лена Вишневецкая в книге отзывов клуба «Родная земля» так написала: «Для меня любовь к Родине, к земле неделима. Где бы мы ни работали, будем стараться строить свою жизнь на примере судьбы Терентия Семеновича Мальцева, а девизом нам станут его слова о том, что человек — это прежде всего сеятель. Сеятель всего самого доброго, что он оставляет после себя людям».

Есть наследники у Терентия Семеновича Мальцева! Не такой он человек, чтобы в свою веру не обратить.

По следам Ермака Тимофеевича

Николай
ВАРАНКИН,
Сергей
ПАРХИМОВИЧ

«...от протных людей избра бог и вооружи славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеевича сына Поволского и его единомысленною и предоброю дружиною храбравшею, забыша света сего всю честь и славу и плотскую сладость и смерть и живот предлужиша».

Из Синодика Казакам
в Есиповской летописи

Поход дружины Ермака в Сибирь — одна из интереснейших страниц истории России. Народ создал множество песен, легенд и сказаний, в которых имя Ермака ставится рядом с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем, Степаном Разиным. Немало рек, урочищ, пещер и поселений на Урале и в Сибири носят имя легендарного атамана.

Историей похода Ермака начали серьезно интересоваться с середины XVIII века. Известны труды «отца сибирской истории» Г. Ф. Миллера. Не утих этот интерес и по сей день. Написаны сотни научных трудов, посвященных различным темам, связанным с походом Ермака в Сибирь, изучены все имеющиеся письменные свидетельства о походе, а споры и дискуссии среди ученых разгораются снова и снова. Это объясняется тем, что письменные источники — это прежде всего сибирские летописи (Есиповская, Ремезовская, Строгановская и другие) — очень скупо, противоречиво и запутанно освещают историю похода. Даже самое существенное — время начала похода (весна или осень, 1579, 1580, 1581 или 1582 годы?), кому принадлежала инициатива похода (Строгановым или самому Ермаку?), какой была численность и состав дружины, как пролегал ее путь, была ли зимовка на Урале, — даже это до сих пор не установлено доподлинно. Крайне мало сведений о самом Ермаке. Кто он был: донской казак или выходец с Камы Василий Тимофеевич Аленин?

Большие надежды ученые возлагают на археологическое изучение мест, связанных с походом Ермака, упоминаемых в летописях, народных песнях и легендах. Археологические раскопки могут дать ответ на многие спорные вопросы.

Впервые археологические раскопки производились в конце XIX — начале XX веков на месте столицы Сибирского ханства — Искера и на Ермаковом городище на реке Тагил, где дружина Ермака будто бы стояла несколько недель после трудного перехода через Уральские горы. Затем, после длительного перерыва, в 1946 году, историки снова начали поиски фактов. О. Н. Бадер продолжил раскопки Ермакова городища. Позднее археологи зачастили в Искер, в

Кокуй-городок — предполагаемое место зимовки дружины на реке Кокуй. Были найдены кое-какие новые материалы и доказательства, относящиеся ко времени похода Ермака, однако не все и не исчерпывающие, а споры среди ученых о походе Ермака не утихли и даже не ослабели.

В 1977 году на Уральском археологическом совещании было принято решение провести обследование маршрута дружины Ермака. Экспедиция «По следам Ермака» сделала первые шаги.

Группа под руководством сотрудника Уральской археологической экспедиции Ю. Б. Серикова обследовала берега рек Серебрянки, Кокуя, Актая, Журавлика, Баранчи. Были пройдены сотни километров, найдены десятки археологических памятников, в том числе и кратковременные стоянки, оставленные русскими отрядами, было доказано, что так называемый Кокуй-городок, открытый в 1926 году и исследованный тагильским археологом А. И. Россадович в 1963, 1967—1969 годах, не является местом зимовки дружины Ермака. Об этом свидетельствуют сами находки, а кроме того, внешний вид городища: это место окружено не валами и рвами, а ямами и канавами с холмиками выкинутой когда-то из них земли, что никак не напоминает крепость. Находки свидетельствуют о том, что здесь скорее всего выплавляли металл в гораздо более позднее время.

В мае 1981 года группа сотрудников кабинета археологии и студентов исторического факультета Уральского университета продолжила обследование уральской части маршрута Ермака. Было запланировано в кратчайший срок пройти пешком и на катамаранах путь от устья реки Серебрянки до Ермакова городища на реке Тагил, обследуя по пути берега Серебрянки, Кокуя, Актая, Баранчи — мест, где могли останавливаться следовавшие в Сибирь русские отряды, в том числе и дружина Ермака. Кроме того, надо было выяснить: за сколько дней мог пройти этот путь Ермак?

Актая, впадающий в Баранчу, как и другой ее приток — Журавлик, упоминаемый в летописях, очень близ-

ки в верховьях к реке Кокуй. Поэтому Актай мог быть тем путем, по которому дружина Ермака пошла на Баранчу, а затем «...попдоша вниз и вышел на Туру реку, ту бе и Сибирская страна».

Удалось обследовать левый берег Актая. Да, по этой реке в весеннее время можно было сплавиться на легких стругах. Но только весной. Осенью же вода очень низка, и если Ермак шел осенью, то только по берегу, но по какому — по правому или по левому? Шурфы, заложенные на левом берегу, кроме изделий каменного века ничего не дали.

На Баранче, недалеко от поселка Баранчинский, мы обнаружили поселение раннего железного века, а рядом с ним глубокую овальной формы впадину, оставшуюся, видимо, от землянки. Сильно оплывшие и хорошо задернованные края и дно впадины говорили о том, что землянка разрушилась давно, но когда? В первом же шурфе рядом со впадиной были найдены фрагменты русской серолощенной керамики, которая была особенно распространена в XVI—XVII веках. Кто был обитателем этой землянки, когда и почему она была покинута? Ответить даже на некоторые из этих вопросов можно будет после раскопок. А пока можно предполагать или фантазировать. Конечно, не исключено, что землянка могла быть построена кем-либо из русских первопроходцев — современников Ермака и его соратников.

Весенняя разведка закончилась на поляне около Ермакова городища. Горел костер, за рекой безмолвно темнел силуэт Медведь-камня, чуть слышно шумела река, ветер мерно раскачивал сосны...

Может быть, именно на этой поляне четыреста лет назад тоже горели костры ермаковских дружинников, в котлах варился нехитрый ужин? Может быть, где-то здесь стоял шатер Ермака, в котором атаман с ближайшими своими товарищами Иваном Кольцом, Матвеем Мещеряком, Никитой Паном, Богданом Брягой держал военный совет? На берегу стояли новенькие струги, дружина приводила в порядок оружие и амуницию...

Из археологических памятников, связанных с походом Ермака в Сибирь, достоверно известен лишь один — столица Сибирского ханства, главная ставка Кучума: Искер на Иртыше, где неоднократно производились раскопки. Сегодня от городища осталась крошечный кусок укреплений — воды Иртыша «съедал» высокий обрывистый берег.

В сентябре 1981 года экспедиция «По следам Ермака», организованная Уральским госуниверситетом, Нижнетагильским педагогическим институтом и Тагильским краеведческим му-

зеем, продолжила поиски. На этот раз в новом районе, где, кроме Искера, не было известно археологам мест, относящихся к походу Ермака.

Тщательно изучены все строки сибирских летописей, где говорится о деятельности дружины на Тоболе и Иртыше. Мало, скупо, расплывчато... Но, к сожалению, это единственная наша опора в поисках, единственные ориентиры.

Первым пунктом разведочных работ был избран так называемый Карачин остров или Карачин городок, о котором в сибирских летописях говорится как о резиденции одного из ближайших кучумовских вассалов. Городок был взят Ермаком 1 августа 1581 года (по Ремезовской летописи).

Что же сообщают об этом городке летописи? В Погодинском списке Есиповской летописи говорится, что казаки «...доидоша ...до Карачина улусу... сотворишася ж с Карачою брань, и улус тут взяше много...», «...сей же Карача думной бе царя Кучума и любим ему был, делал царю пансыри и колчюги и всякую ратную сбрую».

В Ремезовской летописи эти сведения дополняются интересными подробностями. В ней сообщается, что после взятия Карачина городка дружина Ермака совершила стремительный рейд вверх по Тавде — левому притоку Тобола — до устья реки Пельым, где находилось Пельымское княжество, входившее в состав пестрого огромного Сибирского ханства.

Взяв же силой, а где согласнем ряд мансийских городков, Ермак будто бы собирався вернуться на Русь — через Камень, но шайтанчик (шаман), захваченный казаками в Чандырском городке, предсказал Ермаку, что он вернется на Карачино озеро зимовать, а затем победит Кучума и возьмет его царство. Действительно Ермак, как известно, не вернулся на Русь, а повернул обратно и прибыл в «...зимовье Карачинское со многими припасы сушеными». «И приехали на Карачино ноября 8 день... и седоша ту 2 недели». (В другом списке Ремезовской летописи говорится о 40 днях пребывания на Карачинском острове дружины Ермака.) О зимовке на Карачинском острове сообщается только в этой летописи. Другие же сибирские летописи не содержат предсказаний чандырского шайтанчика. Была зимовка ермаковых казаков на острове или нет? Сибирские летописи создавались в XVII веке, много десятилетий спустя после описываемых в них событий.

Несмотря на общую их основу, в различных вариантах сибирских летописей имеется немало существенных расхождений. Видимо, авторы летописей опирались и на какие-то другие неизвестные нам источники. Чандырский шайтанчик изображен в Ремезовской летописи как могущественный

волшебник и прорицатель, причем все его предсказания Ермаку, как известно, сбылись, кроме зимовки Ермака на Карачинском острове. Этим самым автор летописи подрывает авторитет шайтанчика, созданный им же самим. Но подобных путаниц и противоречий в этой и в других летописях немало. Тем не менее после описания тавдинского похода дружины автор летописи вполне определенно говорит о «зимовье Карачинском», куда казаки привезли многочисленные «припасы сушенные», что опять же указывает на подготовку к зимовке на острове.

И последнее. По Ремезовской летописи Ермак с дружиной вернулся на Карачинский остров 8 ноября. А в это время в Сибири наступает самая настоящая зима, и о походе на стругах к Искеру не может быть, конечно, и речи. В той же летописи указана дата взятия Искера — 26 октября (видимо, уже следующего года).

Итак, единственная из сибирских летописей — Ремезовская — при всей ее запутанности, настойчиво и определенно говорит о зимовке на Карачинском острове. Что и говорить, найти этот остров и доказать существование на нем зимовки Ермака было бы очень и очень заманчиво.

При изучении карты низовьев Тобола выяснилось, что недалеко от его устья есть деревня Карачино. Летописный Карачин городок находился в 16 верстах от устья Тобола на Карачинском острове. Городка давно нет, а возникшая на берегу озера деревня получила такое же название.

Солнечным сентябрьским днем наша группа прибыла в Карачино. Жители охотно согласились помочь нам в поисках городка.

— Карачинский остров? Да вот он, рукой подать. Только вам лучше на лодке переправиться. Посуху не идите, там родники — можете провалиться.

— Ермак? Да, есть на острове Ермаковы ямы. Здесь Ермак с Кучумом сражение вел.

— Нет, ничего не находили там. Быстро нашлась лодка, и мы переправились на остров. По краю берега шла дорога, опоясывающая весь остров. Остров был большой с высокими, до четырех метров, пологими берегами. Первые находки сделаны неожиданно быстро. Мы собрали большое количество обломков русской гончарной керамики, небольших кирпичиков, два железных наконечника стрел и обломок ножа. В одном из шурфов на глубине 70 сантиметров на слое кирпичной массы и угля была найдена русская гончарная керамика. Русская принадлежность большей части находок на Карачинском острове не вызывает сомнения. Местные старожилы утверждали, что на острове никто и никогда не жил, а были лишь покосы да пашня. Следы это зимовки Ермака или что-

то иное? Ответ могут дать только раскопки на месте обнаружения поселения. Нельзя забывать и то, что на этом же острове был один из центров Сибирского ханства — Карачин городок.

Очень туманны и неясны обстоятельства гибели Ермака и казаков, принимавших участие в последнем походе по Вагаю. Известно, что Ермак, получив ложные известия о том, что Кучум кочует в верховьях Вагая и захватил караван бухарских купцов, направлявшихся в низовья Иртыша с богатым товаром, двинулся с отрядом в 50 человек вверх по Иртышу «до реки Вагая, бухарцев не обрете... оттоле возвратились... до перекопы и на устье Вагаю и переко розставиша стан» (Ремезовская летопись).

В дождливую августовскую ночь 1584 года стан Ермака был окружен и внезапно атакован множеством кучумовских воинов. Лишь один из казаков спасся и добрался до Искера, сообщив оставшейся там дружине страшную весть. Ермак же, будучи раненым, пытался доплыть до стругов, но тяжелые доспехи утянули его на дно Иртыша. Вот и все, что мы знаем о последнем сражении атамана и сопровождавших его казаков. Непобедимый предводитель, видимо, впервые был застигнут врасплох превосходящими силами врага и потерял свое первое и последнее поражение.

Сведения сибирских летописей лаконичны и не содержат точного описания места последнего стана Ермака. Указано лишь устье Вагая и какая-то перекопь в Агитской луке, учиненная Ермаком, чтобы сократить путь с Иртыша на Вагай. Вряд ли казаки, спешившие заставить Кучума в верховьях Вагая, затеяли бы рытье этой перекопи.

Наши поиски перекопи были безрезультатны. В устье Вагая таковой не оказалось. Мы внимательно изучили берега острова в устье Вагая, берега Вагая вверх на несколько километров, расспросили жителей окрестных деревень. Поиски вагайского лагеря на Иртыше также не имели успеха. Не исключено, что это место уже исчезло в водах Иртыша.

Недалеко от устья Вагая стоят две татарские деревни — Бегшево и Баишево. Они и стали последними пунктами нашей сентябрьской разведки.

В Ремезовской летописи говорится о том, что тело Ермака было выловлено татарами близ Епанчина улуса и после опознания татары «...нарекоша его богом и погребоша его по своему закону на Баишевском кладбище под кудрявую сосну...»

Академик Г. Ф. Миллер, создавший на основании сибирских летописей и документальных данных о Сибири монументальный труд «История

Сибири», писал о том, что Ермак захоронен на древнем татарском Баишевском кладбище, где хоронили они свою знать, а над могилою был насыпан огромный курган. В Ремезовской летописи имеются сведения о том, что татары считали, будто «...от тела и платья Ермакова чудотворение и исцеление... на войне и в промыслах удача». В связи с этими поверьями земля с могилы Ермака долгое время почиталась как священная, издалека за ней приезжали татары, чтобы увезти ее в узелке, надеясь на чудеса. Панцири и сабля с поясом Ермака считались главными всемогущими реликвиями. Но религиозно мусульманская верхушка и знать «...виде... что закон их осквернен и престае чудотворение, запретиша все от мала до велика поминать имя Ермакова, до задитца честь и слава, и могила его не явлена будет», то есть запрещали почитать могилу Ермака и его вещи как священные, а чтобы имя его было предано забвению «...смертной завет положиша, что про него рускам не вещати» (Ремезовская летопись).

О том, что местонахождение могилы Ермака окончательно забыто в наше время, свидетельствует опрос местных жителей. Иных же сведений, кроме летописных и легендарных, собранных в XVII—XVIII веках, не имеется.

Никаких следов курганной насыпи на обоих кладбищах не было обнаружено. На Бегшевском кладбище среди распылчатых заросших лесом впадин мы встретили несколько относительно свежих шурфов, оставленных, по-видимому, современными кладоискателями. В одном из шурфов мы заметили часть кирпичной кладки. Под ней зияла темная щель. Видимо, шурф, выкопанный кем-то до нас, задел край кирпичного склепа, сооруженного в средние века. Обычай сооружать могильные или надмогильные срубы, склепы известен у многих кочевых народов с глубокой древности.

Итак, экспедиция «По следам Ермака» завершила свой очередной сезон. Может быть, он был не таким удачным, как бы нам хотелось, но все же его результаты обнадеживают. Предстоящие раскопки на Карачинском острове должны дать ответ на многие вопросы, в том числе и о возможности зимовки дружины Ермака на этом острове. Поиски мест, связанных с походом Ермака, их археологическое обследование могут дать существенные дополнения и поправки к летописным версиям похода и разрешить многие споры, которые ведутся среди исследователей похода Ермака вот уже три столетия.

Подруга зимних вечеров

В музее села Парфенево Костромской области собрана большая коллекция старинных прялок. Не случайно наши прабабки называли их подругами зимних вечеров. С раннего детства до глубокой старости русская крестьянка не расставалась с этим нехитрым орудием труда. От матери к дочери, из поколения в поколение переходила, как семейная реликвия, прялка, которую не принято было отдавать в другие дома даже в качестве приданого.

Отделившейся семье вместе с домом полагалось заводить и свою прялку. Либо хозяин сам ее делал, либо заказывал мастеру, либо, в крайнем случае, покупал на ярмарке. Да не какую-нибудь, а непременно расписную, украшенную искусной резьбой, с рисунком, которого не встретишь на других прялках. И потому прялки сегодня интересуют нас не только как древние орудия труда, но и как самобытное произведение национального искусства.

В каждой губернии, в каждом уезде Северной Руси бытовали свои традиционные формы лопасти и донца прялок, свои приемы украшений, свой рисунок. Ярко расписанные, лопатообразные — олопецкие прялки; похожие на ажурные башенки — ярославские; испещренные резным деревянным кружевом — вологодские...

Есть свой декор и у перфеневских прялок. Лопасты у них узкие, неброско разрисованные травяным узором. Зато ножки, соединяющие лопасть с донцем, выточены на редкость затейливо, будто составлены из разноцветных кубиков, шариков, пирамидок...

Семьдесят прялок, составляющих коллекцию Парфенево-го музея, собрали у старожилов округи юные следопыты под руководством местного краеведа и знатока старогота Степана Ивановича Николенко.

Виталий
ПАШИН

ПРИТЯЖЕНИЕ

**Нина
АРХИПОВА**

В начале нашего века академик Ф. Н. Чернышев писал: «Север наш почти до последнего времени был пасынком в науке, ради исследования которого было затрачено минимальное количество средств и научного труда».

Время тщательного изучения Крайнего Севера — Кольского полуострова, Ямала и Гыдана, Таймыра, Колымы и Чукотки — всех отдаленных уголков страны — настало лишь после Октябрьской революции, когда туда были направлены первые советские экспедиции. Теперь число таких экспедиций велико. Задачи, стоящие перед ними, многочисленны и разнообразны. И в первую очередь — это изучение природных ресурсов. Были экспедиции и на север Уральских гор. Здесь открыты и разрабатываются месторождения каменного угля, нефти и газа, железных, марганцевых, медных и алюминиевых руд. Изучаются леса, их продуктивность, животный мир, олени пастбища...

Начинался же путь на север так.

Первая советская экспедиция на Приполярный Урал была организована Академией наук СССР и Уральской плановой комиссией в 1924 году. По важности поставленных перед экспедицией задач, числу участников, оснащению и финансированию была одной из крупнейших в первой трети века.

Там, где работали ученые, простиралось безлюдное пространство. Изредка они встречались с оленеводами — хантами, манси или ненцами. Горы поражали суровостью. Высокие хребты испещрены цирками и карами — это поработали древние ледники. Бурные порожистые реки, живописные озера с бирюзовой водой и снежники дополняли картину. Южнее — кедровые,

еловые леса, богатые белкой и горностаем. На берегах озер гнездится множество водоплавающих птиц — уток, гусей, гагар. Примыкающие равнины заняты болотами. Комары, слепни, мошка... Даже в середине лета снежные бури и мороз! В таких условиях приходилось трудиться исследователям.

Первые два года экспедиция работала южнее Обдорска (Салехарда) между реками Сосью и Войкаром (притоки Оби). На лодках и нартах продвигались ученые по болотистой тундре. Нарты вязли в полужидком торфе, реки страшили порогами. Одолевал гнус... Но участники экспедиции не роптали, и каждый занимался своим делом. В первый год установили границу между зонами тайги и тундры на восточном склоне Урала. Ранее Полярный Урал считался почти безлесным. Выяснилось, что лески встречаются уже в долине реки Соби, что в районе Полярного круга. Были собраны сведения большой научной ценности о древнем оледенении гор, о быте местного населения. Способом триангуляции засняли и положили на карту территорию почти в 5 000 кв. км! В этом была большая заслуга С. А. Янченко.

Летом 1926 года экспедиция, разбившись на два отряда, работала южнее — между реками Войкаром и Хулгой. Был открыт крупнейший горный массив — Войкаро-Сыньинский, где позднее обнаружили залежи различных руд.

В 1927 г. экспедиция изучала самую неисследованную область Урала — территорию между истоками Хулки (бассейн Оби) и Шугора (бассейн Печоры). Этот год полевых работ увенчался неожиданными и весьма важными открытиями.

Отряд в составе А. Н. Алешко-

СЕВЕР А

ва, В. Б. Сочавы и С. А. Янченко в истоках речки Народы открыл два высоких хребта. Западный получил название «Кряж Исследователей Северного Урала XIX века» (или Исследовательский хребет) и восточный — Народо-Итьинский. В районе открытых хребтов было выявлено около десятка новых вершин Урала. Первооткрыватели скромно оценивали свой труд. В отчете сохранилась запись: «Кряж Исследователей Северного Урала XIX века... в нем горы Народная, Карпинского — 1793 м. С открытием их прекращается высотное первенство горы Сабли (1680 м) и Тельпоса (1550 м)». Всего две фразы по поводу такого крупного открытия. Ведь оно вывело Уральские горы из числа низкорослых в среднегорные!

Гора Народная (по современным данным — 1895 м над уровнем моря) ничем не выделялась среди окружающих ее громад. И все же несколько десятков лишних метров ставили ее на первое место среди уральских вершин.

Вершина не имела местного названия, во всяком случае, оно не было известно участникам экспедиции. Как первооткрыватель А. Н. Алешков дал ей наименование Народная — в честь советского народа (вершина была открыта в год 10-летия Октябрьской революции). Однако за прошедшие десятилетия название горы (особенно по части постановки ударения на первый, а не на второй слог) неоднократно искажалось и таким вошло в учебники по географии.

По-видимому, название горы Народы (с ударением на первом слоге) возникло позднее у туристов по ассоциации с протекающей здесь речкой Народной. Сам Алешков в своих трудах всегда называл гору

Народной, а реку Народой; это служит лишним подтверждением того, что он связывал название горы со словом «народ», хотя, может быть, и отталкивался от наименования реки Народы. Некоторые слово «народа» переводят с мансийского как «лес», но это неправильно: на языке манси «лес» — это «вор»; слово «народа» вряд ли вообще мансийское. Да и гора Народная на две трети скалистая, лишь в нижней части склоны ее одеты редким лесом.

Восхождение на высочайшие горы Урала до сих пор считается делом очень трудным. Это, конечно, не подъем на Эверест и не пеший поход на Северный полюс, но и здесь свои трудности: горные кручи и перепады, глубокие распадки рек, огромные поля каменных россыпей, сильные ветры или, наоборот, обложные дожди!

Участники экспедиции ничего не сказали про трудности. Но вот как описывает восхождение на гору Народную мастер спорта Е. Масленников, возглавивший поход свердловских туристов еще в 1954 г.: «На протяжении всего пути приходится продвигаться между громадными каменными глыбами, которые в хаотическом беспорядке покрывают склоны. Подниматься к вершине можно с запада, по гребню, по скалистым кручам между карами, но это сложнее. Проще выйти к горе по отрогам с севера... Отсюда более легкий подъем... За каждым гребнем, который кажется последним, открывается новый. Но вот наконец по огромным плоским валунам — песчанникам совершенно белого цвета, которыми природа на большом пространстве усердно выложила все подходы к высшей точке горы, — вы благоговейно приближаетесь к зубцам, венчающим высочайшую вер-

шину Урала. В нескольких метрах каменная пирамида в рост человека. В ней лежат записки восходителей».

Летом 1928 года экспедиция изучала главный водораздел Урала. В. Б. Сочава предпринял восхождение на массив Тельпос, но из-за разразившейся грозы не смог достичь вершины. Ее покорил Л. А. Портенко. Он оставался там несколько недель, изучая животный мир. Тогда же были установлены истоки реки Шугор.

Работы в поле продолжались до начала зимы. «Дорога зимняя, — писал в том же отчете А. Н. Алешков, — проходила лесами и болотами. Лошади, даже слегка загруженные, вязли в снегу, и за 11-часовой рабочий день удавалось пройти 15—18 километров пути». В середине сентября все встретились в мансийском селе Няксимзоль. И затем вернулись в Ленинград.

В конце сентября 1928 года закончилась эта трудная пятилетняя экспедиция, обогатившая географическую науку важными открытиями. Результаты экспедиции опубликованы. Огромная территория трудной доступности впервые была положена на карту. По предложению Б. Н. Городкова и А. Н. Алешкова исследованный район страны получил название «Приполярный Урал». В честь участников экспедиции на карте этой части Урала появились названия гор и ледников — Алешкова, Городкова, Янченко, Дидковского.

Приполярье — самая высокая и живописная часть Уральских гор. Некоторые исследователи сравнивали эти места с Альпами. Здесь и вершины, открытые в наши дни: горный массив Защита, пики Свердлова, Блюхера, Масленникова, Урал, УФАИ, Уральский следопыт и др. Здесь — область современного горного оледенения, глубоких ущелий, порогов и водопадов. Это — царство горных тундр, лиственничных и березовых криволесий, горной тайги... Здесь, в местах наиболее посещаемых и любимых туристами, планируется создание самого крупного на Урале (2 млн. гектаров) и одного из крупнейших в стране «Национального парка Коми АССР».

ЧУГУННЫЕ КАРТИНЫ

**Маргарита
СЕДОВА**

Фото автора

Декоративное блюдо — настенное украшение из фарфора, серебра, чугуна, бронзы — изделие древнее.

Первые образцы блюд, отлитых на старых уральских заводах, попали сюда из Европы. На них изображены колесницы, лебеди, нептун и наяды...

Шли годы, уральские мастера стремились отразить в своих произведениях исторические события, знаменательные даты, свою жизнь. Вначале это были небольшие тарелочки. Вот блюдо из краеведческого музея г. Воткинска. По краям

надпись: «ДАЖДЬ НАМЪ ДНЕСЬ ХЛЕБЪ НАШЪ НАСУЩНЫЙ». В центре блюда орудия крестьянского труда: коса, грабли. На нем нет ни даты изготовления, ни клейма завода.

Неизвестен и автор блюда Каслинского завода. Несомненно, это был большой знаток и любитель домашних животных. Вписаны фигурки овцы, зайца, курочки, четко проработаны шерсть, перья...

Вот блюдо С.-Петербургского завода Ферстера. Хранится оно в краеведческом музее в Перми. В нем отражена закладка города на

Неве. Это — живописная чугунная картина, сценка из жизни петровской эпохи. В центре овала высокий горельеф. Солдат, очень похожий на самого Петра, копает землю, перед ним мужчина в парике читает царский указ, а может, указывает на чертеж, по которому будет возводиться здание. Слева — богослужение: освящение уже построенного храма; справа — рабочие, строящие корабль. Вся картина заключена в богато орнаментированную чугунную раму. В орнамент должны были включаться медальоны бояр — сподвижников Петра, но сейчас их нет — остались только отверстия крепления медальонов.

В краеведческом музее Камениска-Уральского привлекает внимание овальное чугунное блюдо размером 45×36,5 сантиметра. В центре — барельеф с изображением высокой горы, а вокруг дремучие леса.

Внизу овала — молоточки горняков. Может, в таких горах добывали руду? Внизу указан год — «1875». Может быть, это вид Лисьей горы в Нижнем Тагиле?

В Воткинске, в музее машиностроительного завода, хранится блюдо, экспонировавшееся на Урало-Сибирской выставке в Екатеринбурге в 1887 году. Блюдо отлито в честь 125-летия пребывания завода в казне. В центре круга — главное здание Воткинского завода, выше надпись: «Основан в царствование императрицы Елизаветы 1760 года». Две медали в центре — награды завода на всемирных выставках в Лондоне в 1851 году и в Филадельфии в 1876 году. Чуть пониже — паровоз, производство которых началось в 1828 году. По краям блюда — в клеммах — изделия Воткинского завода. А внизу бородатые старцы-мастера держат эмблему с

молоточками. Якорь слева означает, что якорному производству на Воткинском заводе около 100 лет (в 1840 году в Воткинске на берегу городского пруда был установлен 176-пудовый якорь). Подобная отливка, только из другого металла, находится в краеведческом музее города Кушвы.

Памятные или дарственные блюда изготовлялись по заказу для важных сановников или именитых гостей.

ВОЕВОДА АЛБАЗИНСКОЙ КРЕПОСТИ

**Сергей
ПАРФЕНОВ**

Три века назад Амур в этом месте круто ломал свое русло. Быстрые седые воды со всего размаху бросались на осанистый береговой уступ, бились в него настырно, зло, но, помалу укрощая свою гордыню, огибали эту твердь и катились дальше — к холодному Охотскому морю. А на мыску, темнея скатами ядерных бревен и рублеными островерхими башнями, приютилась небольшая крепость — Албазинский острог.

— Стоял он тут, — Агриппина Николаевна Дорохина, нынешний смотритель Албазинского краеведческого музея, сухонькой рукой очерчивает на местности правильный четырехугольник. — Поначалу это был острог и крепость, а после даже центр уезда, — и очень уважительно добавила: — А первым албазинским воеводою стал вашенский земляк — Алексей Ларионович Толбузин, приказной человек из-под Ирбита.

Дорохина чуток помедлила:

— Сколь время-то ушло — ведь голова не держит! Но земля, она все помнит, обо всем расскажет. Ее только слушать хорошенько, понимать надо.

И мы враз примолкли. Как будто земля и впрямь начала свою долую-долую исповедь...

...Могуч и велик Каменный Пояс. Давно ли получили Строгановы от царя всея Руси жалованную грамоту на «изобильные места» по Туре, Тоболу да разрешение строить крепости по Оби, Иртышу, а уж ходил в Сибирь Ермак с дружиной, возник на Нице-реке железодельный завод, Верхотурье — один из крупнейших хлебных рынков государства русско-го теперь, а Ирбит уж вовсе не торжок, но ярмарка, во многих краях известная.

Но не держится более беглый люд на Каменном Поясе. Нет тут защиты, нет прежней воли. В Сибирь и еще дальше к Востоку уходят посадские, от обид всяких и мучений немилосердных бегут «черносошные» крестьяне, всем надоела постылая жизнь, кому охота горе мыкать у барина. А Урал укроет, накормит, пе-

редышку даст и в неблизкий путь благословит.

Богат Урал и недрами, и людьми мастеровыми да служилыми, среди коих пытливых и охочих государство прославить — множество.

Чего стоит одна Киргинская слобода, что подле города Ирбита. Это она дала миру Василия Даниловича Пояркова — одного из русских землепроходцев по неведомым доселе дальневосточным краям. В 1643—1646 годах, посадив в Якутске в струги 130 казаков, поднялся он по Лене, Алдану, через Учур, Гонам вышел на Зею, перезимовал тут, после на Амур попал, «дабы водные проходы до устья и далее до морей проходы, отчего б немалой прибыли государству русскому впредь могло оказаться». Предприимчивые казаки из дружины Пояркова во многих местах по обеим сторонам великой реки и притокам Амуре основали займки, остроги, зимовья, ставили тут пограничные столбы, «яко земле оной русской отныне быть».

Чуть погодя, в 1650 году, на Амур со своим отрядом вышел Ерофей Павлович Хабаров и, с ходу разбив даурского князька Албазу, приказал на сим месте заложить острог — Албазинский.

Из той же Киргинской слободы «ходили в Дауры» отец и сын Толбузины. Старший, Ларион Толбузин, служил воеводой в Нерчинске. А сын его, Алексей, далеко перешагнул славу отца и стал «заслуженным героем российским».

В 1681 году сотник А. Толбузин, как и ранее его знаменитый земляк В. Д. Поярков, верой и правдой справлял государству службу в Киргинской слободе. Новый сезон, однако, резко изменил его дальнейшую судьбу. Московское правительство, «дабы дальняя земля упрочить», высочайшим указом повелело создать на Амуре воеводство с собственным гербом и печатью (эта печать, кстати, хранится ныне в Государственном Эрмитаже в Ленинграде). А казначей албазинской волнище надлежало вскоре стать административным и

хозяйственным центром русского населения в Приамурье. А воеводою там посажен был сотник А. Толбузин, сын Лариона, что в Нерчинске исправно и долго правил».

...Хмурится окрест Албазино тайга. Сопит гордый неговорчивый Амур. Вроде вся природа здешняя приглядывается к «пришлым», незнакомым людям, пытается распознать: кто такие, что им надо здесь, потому и богатства свои уступает скупю. Но казаки упорны, когда надо — назойливы. На пустом месте устроен город крепкий и пашни могучные. А земля в этом краю «хлебободна, овощна, скотна». Жить можно.

Под началом Толбузина в остроге «счислялось с тыщу человек». Как и сам воевода, это были в основном служилые люди. Все переселенцы беспременно получали «подможные деньги на дворовое строенье, на платье и на всякий обиход», а также скот, инвентарь и семена. Каждой семье в условное владение отводился небольшой участок земли для собинного хозяйства. И — самое желанное — свобода от податей, кабалы.

...Не спит, ворочается на жестком ложе воевода. Камнем упала на сердце тяжесть врученной власти. И ночью не отступают многочисленные заботы. Припоминал, как отцу говаривал: «Не то плохо, что глупо сказано, а то, что глупо сделано. Государь тебя по делу оценит, не по удали твоей. Разумей и помни!» Прогнал Толбузин восходную дрему, сапоги обул, набросил кафтан и — на улицу. Через неделю сеять в самый раз. Тыщу десятин распахали ноне казаки. Сперва-то рожь, пшеницу и ячмень учинили сеять, да потом смекнули: не без пользы было бы растить овес, горох, гречиху, коноплю. Торопно надо бы Прокопа-кузнеца шевелить: сошники с той осени худые.

Крепко принялся за дело Толбузин, по-хозяйски. Уезд в пору его правления производил столько хлеба, что помимо нужд своих снабжал им даже Нерчинск — самый главный и крупный тогда город Забайкалья. Справляли отсюда к царскому столу обозы из ценных пород рыб, соленья разные, пушнину. Все необходимое для жизни и ведения хозяйства казаки производили на месте.

В 1975 году в Албазино, приехала археологическая экспедиция ученых Сибирского отделения Академии наук СССР, чью работу возглавлял покойный ныне академик А. П. Окладников. Манила тайна крепости, до конца еще не узнанная, те легенды, что ходили среди тамошнего народа. Несколько лет кропотливой, не простой и очень важной научной работы. Археологи заключили, что данный регион населялся издавна и первоначально долины Амура и прилегающих районов были русские.

Здесь стояла крепость (видны остатки земляного вала).

Удалось установить, что албазинские мастера знали холодную и горячую ковку металла, владели искусством кузнечной сварки, грамотно делали и чинили огнестрельное оружие. Из дерева мастерили всю бытовую и хозяйственную утварь. Шили из шкур одежду, обувь, подсумки. Находок было много: сошники, серпы, гвозди, мотыги, кирпичи... А вот предметы военного обихода: ядра, картечь, клинки, пороховницы, сигнальные рожки. Когда же принялись вскрывать землю посередке бывшей крепости, поняли — тут тайна городка. Отрыли братскую могилу. В ней покоились останки нескольких сот безымянных защитников Албазино. Что же все-таки случилось в городке и воеводстве Толбузина в те далекие годы XVII века? За что история помнит приказного человека из Киргинской слободы?..

...Вечер выдался студеный. Где-то рядом в тайге бухает выпь. Сыро. С Амура наплывает густой пелельный туман. Вот он вползает по многометровому земляному валу, затопив широкий ров, лижет стены из матерых крепких бревен, сторожевые башни с бойницами и притулившиеся у оснований караульные избы. Зашевельнаис дозорные.

— Посматрива-а-ай!.. Покрикова-а-ай!.. — несется с четырех углов попеременно.

А крепость спит. Темнеет в центре баня, по-диковинному замер колодезь журавлиный, прогорклым дымом пахнут ладно сделанные землянки. Меряет двор широкими шагами караульный: рядышком склады для зерна и прочей снеди, пороховой пореб.

Беспокойно вокруг. Стали дер-

зять, охальничать маньчжуры. На прошлой неделе угнали дюжину лошадей. Посевы портят, бьют скотину, тревожат малые слободки и русских людей угоняют в плен. По всему, грядет беда немалая.

— Посматрива-а-ай! — несется сквозь туман...

Шумно сегодня в остроге, людно. Китайский император Кап-Си прислал воеводе грамоту, велел тихо и бескровно сдать крепость, покориться или покинуть навовсе обжитую землю. Взамен всем — жизнь. Воевода оглашает текст.

— Что делать, казаки, а? — вопрошает Толбузин.

Секундная тишина. После шум, гам, крики летят:

— Скажи-ко, милость какая. Не и-нада!..

— Пушай подавится, ирод!

— Город не сдадим, животы положим...

Кто-то из казаков рожу скукожил да такое бранное слово ввернул, что стоящие рядом смехом зашлись.

Доволен Толбузин. По сердцу пришлось особо:

— Кровью изойдем, а ворогу здесь не бывать!..

В наше время бы сказали: Албазино занимало важное стратегическое положение. Прикрывая русские владения с юга от набегов чересчур воинственных, но отсталых феодальных государств Маньчжурии и Джунгарии, воеводство Толбузина держало в своих руках единственный здесь тогда торговый путь — водный по Амуру.

В марте 1684 года Кап-Си послал в крепость еще одну гневную грамо-

ту с требованием удалиться русским из Приморья. А в подтверждение серьезности своих намерений подвел к городу большое войско. Дело принимало нешуточный оборот. Безо всякого промедления Толбузин отправил с оказией воеводские письма (слезно просил подмогу) в Москву, Тобольск, Нерчинск, Енисейск. Москва посчитала нужным отрядить полковника Афанасия Бейтона, который уже в Тобольске собрал шестисотенный полк при легкой артиллерии.

Но помощь далека. А 4 июня 1685 года 15-тысячное маньчжурское войско Ланг-Тана при 100 полевых и 50 осадных пушках двинулось на приступ русского поселения. Причинив немалый урон строениям, понеся огромные потери, враг на время отступил. Потом приступ повторился. И еще. Слишком уж неравными были силы — у русских истощались боеприпасы и «людей побитых числом не счесть». После трехнедельных боев Толбузин решает покинуть городок и прорываться в Нерчинск. Однако уже 20 августа Толбузин вместе с прибывшим полком Бейтона возвращается назад в полуразрушенную крепость.

7 июля 1686 года под стенами Албазино снова объявились маньчжуры — «три тыщи конно, тыщ восемь пеше, да лодок до полтораста, в конях по 40 шапок (маньчжуров) сживало». По крепости открылась «пальба во всю мощь и из всякого ружья», полетели стрелы. Враг атаковал почти беспрерывно: и с земли, и с излучины Амура. Но ему и на сей раз не удалось с наскоку сломить оборонявшихся. Вскоре атаки маньчжуров выдохлись. Тогда враги обложили городок со всех сторон. Оградил свой лагерь частоколом, понасились и наваливали вдобавок стены из деревьев. Началась нудная, тяжелая осада. Но удачные подобрались у Толбузина казаки. Они, не мешкая, весь частокол сожгли «в отместку» из орудий, а лесные завалы подорвали из подкопов.

Но шло уже из Нерчинска подкрепление сильное, да сквозь заслон врага пройти не удалось. Осталось уповать лишь на собственные силы. И говорили воеводе казаки:

— Пропадем так, Алексей Ларионович, веди пущать за стены!

И через тайные свои подземные ходы выходили русские в минуты затишья за пределы городка и крадче обрушивались на врагов. Пять раз совершали казаки подобные вылазки. Маньчжуры теряли много воинов. И веселел лицом, будрил товарищей своих воевода Толбузин. Про него, изрядно потертого жизнью и которого «ослушаться не можно», говаривали так: «Ему в обед сто лет, в ужин сто дюжин. Выдюжим, мужики!»

Но в одной из боевых вылазок Алексей Ларионович был ранен ядром в ногу и вскоре скончался. Похо-

ронили Толбузина и его многочисленных павших товарищей в братской могиле, на которую потомки наткнулись лишь в 1860 году. Оборону крепости возглавил полковник Бейтон.

Из 826 защитников городка к ноябрю 1687 года в живых осталось 150 человек, к маю следующего — 66 казаков. И эта горстка русских людей до августа 1689 года (!) стойко обороняла заданный рубеж. Маньчжуры, потеряв здесь свыше половины своих воинов, были вынуждены сменить осаду на блокаду, но, толком ничего не добившись, после совсем отступили от Албазино к Айгуню...

В июне 1969 года газета «Известия» писала:

«Были в нашей истории Куликово поле и Чудское озеро, Бородино и Севастополь, была Брестская крепость. Была и Албазинская оборона, которая по праву занимает достойное место в этом перечне...»

...А. Н. Дорохина и Л. К. Шпакова, директор музея, познакомили меня со своим, на редкость занимательным, хозяйством. Хороший музей. Уютный. Здесь хранится довольно богатый материал об истории села, крепости, ее обороне. Специальный раздел посвящен первому воеводе — Алексею Ларионовичу Толбузину. Показали мне и большую карту современной Амурской области. Три флажка на ней. Первый стоит возле Поярково — это поселок городского типа, центр Михайловского района; еще один флажок обозначает станцию Ерофей Павлович, что на стыке Амурской и Читинской областей; а третий алеет совсем рядом с Албазино — тут по соседству с ним лежит село, прочитав название которого, тепло становится на сердце, светлее на душе. И почти беспредельная признательность ко всем людям, что живут здесь, в этом красивом, богатом крае, заполняет ваше существо.

Село то называется так — Толбузино.

Постскриптум. Приятная весть пришла из Албазино. Сотрудники местного музея помогли реставраторам восстановить облик старинных казачьих поселений на Амуре. На основании собранных ими сведений здесь началось строительство мемориального архитектурного комплекса, который с точностью воссоздаст уголок старейшего в Приамурье села.

Типография Ивана Рахманинова

В 1788 году секунд-ротмистр Иван Рахманинов купил печатный станок и литеры, но организовать вольную типографию в Петербурге ему не удалось. Он перевез имущество в село Старая Казинка на Тамбовщине. Здесь, в деревенской глуши, и началась его издательская деятельность. Рахманинов решил выпустить двадцатитомное собрание произведений Вольтера на русском языке.

Увы, на Рахманинова донесли в Петербург. Екатерина II приказала закрыть типографию. Рахманинов, кстати, предок выдающегося композитора и пианиста Сергея Рахманинова, был отдан под суд.

Теперь в Старой Казинке на месте первой сельской типографии установлена мемориальная доска.

Б. СОСЕДОВ

Случай на БАМе

В 1979 году на одном из участков Байкало-Амурской магистрали нашли серебряную ложку с надписью «К. 1838». Как потом выяснили иркутские краеведы, эта ложка принадлежала Вильгельму Кюхельбекеру — поэту, ссыльному декабристу, другу Пушкина.

Именно они, декабристы, составили первые проекты освоения богатств Сибири и Дальнего Востока. Декабристы были первыми, кто изучил те места, кто предложил проект освоения Сибири, кто увидел, что Сибирь — земля богатейшая.

Б. ГАЛИН

Находка на крутояре

Владимир
ДЕНИСОВ

Переправившись на правый берег Томи, карабкаемся на обрыв. На другой стороне реки хорошо видна заводская часть Кемерова — коксовые печи, цехи «Химпрома» и «Карболита», электростанция... Жизнь им дает уголь. Он близко, под нами: в нескольких метрах от воды кручу опоясывает угольная лента — здесь наружу вырвался мощный пласт.

Стоим в молчании: на этом самом месте более 260 лет назад русский рудознатец Михайло Волков впервые обнаружил кузнецкий уголь. Вот так же в далеком 1721 году стоял он здесь, на томском крутояре, по капризу природы чуть-чуть проткрявшем несметные богатства здешней земли. О чем думал первооткрыватель, глядя на полноводную Томь, на ее тогда совсем пустынные берега? Был ли рад находке? Наверное, был рад: всегда довольны люди успеху поиска. Только вряд ли догадывался Михайло Волков, что именно тут он сделал главное дело своей жизни.

Архивные документы повествуют, что в феврале следующего, 1722 года рудоскатель доложил о находке — об этом сказано в сообщении уральского горного начальства. «Волков заявил по Томи в 7 верстах от Верхтомского острога горелую гору от 20 сажен высотыю». А петровское горное ведомство, берг-коллегия, получив образцы, постановила: «О оном угле осведомить не возможно ль оттуда водяным путем к заводам или рудникам каким промыслам возить, и о том репортовать».

И через толщу лет вполне ясна оперативность, с какой берг-коллегия попыталась найти практическое применение новому месторождению. Россия, всколыхнутой преобразованиями Петра, требовалась много металла. Старым железоделательным заводам в центральной части страны не хватало древесного угля: большая часть лесов вокруг была выжжена. Металлургия шагала на богатый рудой и лесом восток — на Урал и в Сибирь. Правительство Петра считало важным «иметь старание о прииске каменного угля как и в протчих европейских

государствах обходятся дабы оным лесам теми угольями было подспорье». Так что вовсе не случайно минеральное топливо в те же годы обнаружили еще и в Донбассе, и в Подмосковье...

Поиски вели особые группы рудознатцев. В одну из них вместе со Степаном Костылевым и Федором Комаровым входил и Михайло Волков. Кроме угля он нашел железную руду и — на Алтае — медную.

Время сохранило лишь скудные сведения о первооткрывателе, открывшем кузнецкий уголь. По одним данным, был Михайло крепостным рязанской помещицы Селвановой. Известна ее жалоба в берг-коллегию, что-де рудознатец часто отлучается для поисков руд, бросая помещичью работу. На это правительственное ведомство постановило объявить Волкову и другим искателям, что, хоть и нужны минералы, они, крепостные, должны быть послушны хозяевам, исправно трудиться, во время же отлучек платить государевы подати и исполнять барщину обязаны семьи, а также специально нанятые люди. Что ж, документ вполне в крепостническом духе. Кстати, ничего не известно о награде Волкову за его открытие. Возможно, и не было награды.

Не исключено, что в жалобе помещицы речь идет о другом Волкове — таком же, впрочем, смельчаке, гонимом страстью к путешествиям, к поискам минералов. Сотрудница кемеровского партархива Г. А. Грякова несколько лет назад нашла иные сведения о первооткрывателе в одном из старых изданий. Был якобы Михайло «тобольский казачий сын». Это представляется более достоверным, ведь огромные пространства Сибири открывали в первую очередь казачьи отряды.

Легко представить себе все сложности тогдашних поисков — геологической разведки. Известен маршрут Волкова. Он прошел путь примерно от Томска до Новокузнецка — это сотни километров в безлюдных тогда местах, с одним-двумя острогами на пути. Где верхом, где водой, а то и пешком, в зной и стужу, без добротного снаряжения, нередко поодиночке про-

бирались искатели в глубь неведомой земли. Они были смелые, находчивые, сносили любые лишения... Разведчики не могли, не считали возможным принести приблизительные или тем более ложные сведения.

Дальнейшая судьба Михайлы Волкова неизвестна, хотя о его товарище Степане Костылеве говорится в других документах. Это, в частности, связано с открытием здесь серебряных и медных руд.

Уникальная находка на Томском крутояре вскоре была надолго забыта, поскольку она не понадобилась. Образцы минералов, взятые Михайлой Волковым, больше века лежали в кусткамере. Лишь в 1842 году инженер-капитан Соколовский дал первое описание угольного месторождения — той самой горелой горы. Чуть позже маршрутом, близким к волковскому, прошел известный географ и геолог Петр Александрович Чихачев. Он составил первую геологическую карту угленосных отложений и он же дал бассейну название — Кузнецкий, по имени города и уезда. Груд Чихачева был настолько значителен, что Французская Академия наук даже учредила специальную премию его имени — за выдающиеся геологические открытия в Азии. Эта премия присуждалась, в частности, академику В. А. Обручеву. Исследования недр Кузбасса продолжали известные ученые А. И. Лутугин, М. А. Усов, В. И. Яворский. Сегодня запасы каменного угля в бассейне оцениваются в 725 миллиардов тонн. Геологи нашли также железные, медные, марганцевые, алюминиевые, ртутные руды, золото, фосфориты, асбест, доломит, графит, тальк, слюду, мрамор, цементное сырье — и это далеко не полный перечень богатств кузнецкой земли.

А началось все с открытия горелой горы самоучкой из народа. В народе чтут память Михайлы Волкова. Тот, первый пласт и сегодня называется Волковским — здесь трудятся шахтеры производственного объединения «Северокузбассуголь». Именем первооткрывателя названа одна из центральных площадей Кемерова. Здесь же установлен памятник Михайле Волкову. С глыбы угля, как с эстафетой нынешним шахтерам, застыл на постаменте один из многих, порой малоизвестных, а порой и вовсе безвестных, россиян, чьими тяжкими трудами приращена к Отечеству земля Сибирь.

МОРСКИЕ РАЗБОЙНИКИ

**Михаил
НАЙДИЧ**

Рисунки
А. Банных

На черноморских волнах, рядом с ялтинской набережной, покачивается пиратский корабль «Эспаньола»... Уверен, что некоторые читатели поспешат уличить меня в неточности — дескать, шхуна давно уже вытасчена на берег, и в ней помещается кафе. Да, конечно, так. Просто воображение услужливо дорисовывает экзотическую картину. Ведь редко встретишь человека, социация которого не коснулась бы пиратская романтика.

Памятью книги Р. Стивенсона, Д. Дефо, Р. Сабатини, Ф. Купера и М. Рйда. Они чаруют, и долго помнятся груды золотых монет и слитки серебра, карты необитаемых островов, черные метки и таинственные записки, извлеченные из выловленных в океане бутылок. И живы в памяти джентльмены удачи: в красных косычках, с серьгами в ушах или черной повязкой на глазу. Все эти просоленные морскими ветрами Морганы, Монбары, Робертсоны, Роджерсы, Мейнуэриги — в прошлом обычные моряки или представители других профессий, вплоть до студентов Оксфорда.

Настроение создают и небезызвестные исторические факты. Кто спрашивается, не знает Мигеля Сервантеса — автора «Дон-Кихота»? А ведь великий испанский писатель оказался пленником варварских пиратов (так в средневековье называли разбойников Средиземного моря). Держался он мужественно. Совершил несколько побегов, правда неудачных, после чего был подвергнут допросам и пыткам. Закованный в кандалы, Мигель попал на галеры — труд изнурительный, страшный; и лишь через много лет

он был освобожден под внесенный отцом выкуп.

Мы, уральцы и сибиряки, казалось бы, далеки от пиратской романтики, от морской стихии. Но представьте себе такую историю. Роберт Льюис Стивенсон, автор «Острова сокровищ», был, как известно, человеком большим, с ослабленными легкими; врачи настойчиво советовали ему распрощаться с сырым английским климатом. Писатель решил переехать на далекие тихоокеанские острова Самоа (островок Унолу). За небольшой земельный участок он заплатил 400 фунтов стерлингов. В нынешние времена обесцененного фунта деньги не очень-то большие, но в конце XIX века это была изрядная сумма. Соединившись в горячих головах с событиями известного романа, она породила легенду, что, дескать, где-то рядом с писательским домиком зарыт пиратский клад...

Слухи докатились и до России. Сибирский купец Аким Седых, живший тогда во Владивостоке, зафрахтовал небольшое судно и очертя голову ринулся на поиски сокровищ.

Не торгуясь, перекупил он бывший стивенсоновский дом и начал копать. На далекой родине происходили важные события: русско-японская война, революция 1905 года, но, оторванный от корней, купец ничего не хотел знать; продолжал безрезультатно рыть землю.

Лишь через десятилетие он убедился в бесполезности этого занятия. Кончились деньги, их уже не хватало на возвращение в Россию. Внезапно Аким узнал, что из Новой Зеландии на остров Науру (там же в Полинезии) прибыл русский

конец Долгополов, якобы посланный для продажи уральских рубинов екатеринбургским купцом Нерушем. Когда-то Акиму довелось побывать в Екатеринбурге — во время приезда на знаменитую Ирбитскую ярмарку, и он надеялся разжалобить «земляка», занять деньги. Ничего из этого не получилось. Он так и не выбрался, сгнил в чужой для него Океании...

Многие, наверно, считают, что пираты навсегда канули в Лету. Если бы так! В той же Ялте я познакомился с капитаном дальнего плавания Вадимом Сергеевичем Савченко, который рассказывал, как их теплоход подвергся в Южно-Китайском море преследованию небольшого пиратского судна и с трудом ушел, имея некоторое преимущество в скорости... Кстати, такие события происходят не только у берегов Юго-Восточной Азии. Известно, к примеру, что в 1963 году в карибских водах было совершено нападение на советские торговые корабли «Львов» и «Баку». Пираты тех мест — это в основном кубинское эмигрантское отребье, находящее приют в некоторых центральноамериканских странах, но прежде всего в США. А цель подобных акций, что и во все времена, одна: грабеж.

Некоторые изменения все же произошли.

Вспомним недавний фильм «Пираты XX века». У шефа, пиратского капитана, валюта хранилась в личном сейфе в виде различных банковских билетов, банкнот и ценных бумаг... А как вооружены сегодняшние джентльмены удачи? Новейшее армейское оружие, и прежде всего американское.

В Манчестере, по Ворслей-стрит, дом 1, стоит десятиэтажное здание с бронированной (толщина обшивки 10 сантиметров) дверью: «Интерармз»: здесь продается всевозможное оружие различным армиям, организациям, частным лицам, хоть кому. Не единственная фирма такого рода, по эта — крупнейшая. Вам противотанковые орудия, базуки, мортиры, штурмовые винтовки? Пожалуйста! Как говорится, можем завернуть. Ни одна армия в мире не может, скажем, полностью вооружить своих солдат очками для инфракрасного видения (то есть для прицельной стрельбы ночью): дорого, их цена более двух тысяч долларов. Пиратам же это по карману, они покупают. И никто, в том числе и международная полиция «Интерпол», не в состоянии контролировать эту куплю-продажу. Свобода торговли по-капиталистически. Глава фирмы «Интерармз» Самюэль Каммингс и по сей день обогащается. Да и госоставки толком не контролируются: из некоторых стран пушки и крупнокалиберные пулеметы идут по линии металлоизде-

лий. Что же тогда говорить о такой чепухе, как пистолеты или тол? Вполне допустимо, что в отчетных бумагах они стоят рядом с шоколадом или апельсинами.

Так уж вышло, что среди пиратов последних лет наибольшую известность получила женщина — китайка Вонг. Сейчас этой дерзкой особе должно быть около 60 лет; «дело» она унаследовала от своего мужа, получившего пулю в стычке с полицией (об этом немало писали, особенно в прессе зарубежных, в том числе и социалистических стран)...

И раньше, во все века, среди самых кровавых пиратов встречались воинственные леди — воинственные не по-хорошему. И прежде чем говорить о госпоже Вонг, имеет смысл упомянуть о предшественницах.

Двести лет назад в тех же примерно водах, где ныне орудует Вонг, гремело имя другой китайки — госпожи Цин. Обращает на себя внимание следующее совпадение: она также возглавила разбойничью эскадру после смерти мужа. И смогла очень быстро подавить недовольство некоторых матросов, вызванное жесточайшей дисциплиной. Осенью 1803 года население нескольких деревень, согнанное к берегам большого залива, стало свидетелем расправы адмиральши с непокорными. Несколько матросов были подвергнуты телесным наказаниям и прокалыванию ушей за, как теперь сказали бы, самоволку, а также за нечестность и воровство у местных жителей. Как видим, госпожа Цин, заигрывая с народом, падалась, что в трудную минуту, когда правительственный флот станет преследовать ее корабли, найдет у него укрытие.

Китайский император пытался задобрить и подкупить госпожу

Цин, присвоив ей звание королевского конюшего и приняв участие в подыскании ей жениха. Но адмиральша оказалась женщиной строптивой. Нового мужа она подыскивала сама, и довольно придирчиво, отклоняя одного за другим: тот казался ей чересчур сентиментальным, этот — недостаточно смелым...

А бой с императорским флотом продолжался с переменным, как говорится, успехом. Затем начались затяжные переговоры, в которых сама Цин почти не принимала участия. Пользуясь «капитуляцией», она отправилась отдыхать в Сингапур или Аомынь (португальская колония Макао). Побывала и в Индин: многочисленные джонки, адмиральши приносили неисчислимые бедствия индийским кораблям. До конца жизни Цин оставалась авантюристой, торгуя жемчугом и участвуя в сомнительных контрабандистских операциях.

Вернемся, однако, в наши дни — к мадам Вонг.

Многие буржуазные журналисты взахлеб пишут о ее изготовленных на Западе, бесшумных пистолетах, стоимость каждого из которых — целое состояние. Пишут с еще большим смаком о ее молниеносных передвижениях: сегодня она на Филиппинах, завтра в Гааге, еще через два дня замечена в Голконге, а к концу недели — уже на французской Ривьере и в игорных домах Монте-Карло. Что и говорить — интересная особа...

Не скрою, рассказать несколько подробнее о пиратах в юбках захотелось еще и потому, что их деятельность недостаточно широко отражена в экспонатах музеев истории морского пиратства... «Музей пиратства?» — возможно, удивится кто-то. — А есть ли такой?.. Есть, единственный в мире. На кубинском острове Пинос, в помещении лютеранской церкви. Небольшой островок. Тот самый, карту которого приложил к своему роману Р. Стивенсон. Правда, не всегда кубинцы называют его островом сокровищ. Есть и другие названия: «остров-тюрьма», «остров убийств и пыток». Это здесь находился в изгнании национальный герой Кубы Хосе Марти, а несколько десятилетий назад здесь же томился сосланный диктатором Батистой заключенный № 4914 — Фидель Кастро...

И неизвестно, кто же в конце концов был более жестоким — пираты прошлых веков или нынешние ликвидаторы типа того же Батисты! Об изуверстве и садистских издевательствах буканьеров, флибустьеров и корсаров написано много. Они как бы состязались в этом: Дрейк и Морган, Робертсон и Жан-Франсуа (кличка Оловезен). К примеру, капитан Робертсон, чтобы избавиться

от людей, знавших, что он завладел золотым кладом (а таких свидетелей было около двадцати), хладнокровно и изощренно избавлялся от каждого. Кстати, этот клад — два миллиона золотых пиастров — зарыт на острове Григан и доселе еще не найден.

Щадя нервы читателей, из всего списка пиратских бесчинств и зверств упомянем лишь об одном. У берегов Туниса находится остров Джерба. Именно здесь пиратами была сложена огромная пирамида из человеческих черепов, простоявшая триста лет и убранный сравнительно недавно.

Неудивительной кажется поэтому и та строгость, с которой подходили к пойманным пиратам. Их протаскивали под килем корабля, вешали на реях. Еще в древности Юлий Цезарь наказал разбойников, грабивших корабли в районе острова Родос. Изгнанный диктатором Суллой, Цезарь попал в руки пиратов. В плену он вел себя независимо и пригрозил пиратам расправиться с ними. Слово свое он сдержал. Получив свободу, собрал несколько военных галер и разгромил разбойничьи гнезда на Фармакузе.

Порой казалось, что сама природа, стихия справедливо карает джентльменов удачи за их злодеяния. Достаточно вспомнить судьбу небезызвестной разбойничьей столицы Порт-Ройял.

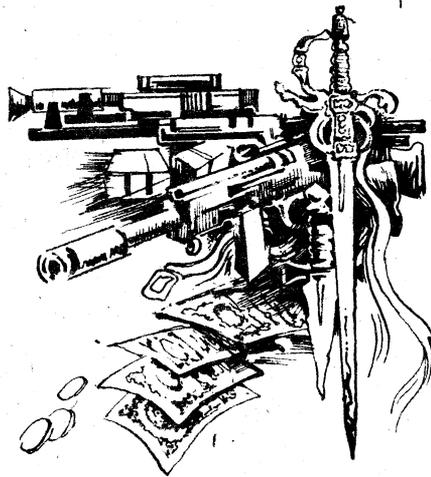
Это был процветающий город. Пиратским Вавилоном называли его. Здесь находили приют бродяги всех морей и океанов, люди разных национальностей и рас; их притягивали к себе многочисленные таверны, увеселительные дома, беспечная и распутная жизнь, хотя она быстро опустошала набитые золотом карманы морских скитальцев.

В последние десятилетия XVII века Генри Морган, сменивший парчовое и бархатное одеяние

пирата на строгий военный мундир, стал в угоду английскому королю преследовать и выкорчевывать своих недавних дружков и собутельников. Делал он это с немалыми жестокостью и рвением, чем совсем недавно грабил испанские корабли и прибрежные поселения. Столица Ямайки как бы замерла в ожидании дальнейших событий.

И вот наступил роковой день.

С утра 7 июля 1662 года солнце над Ямайкой выкатилось такое же горячее и круглолицее, как всегда. Как всегда, в трактирах шипело на жаровнях мясо, разливался черепаший суп, на огромных сковородах готовилась яичница из десятков яиц. Матросы горлачили; звуки песен смешивались с ударами кружек. А тучка, появившаяся на горизон-

те и едва тронувшая густую голубизну, казалась до смешного невинной, но именно она и принесла беду.

Туча разрасталась, чудовищный фиолетовый кулак навис над землей и океаном; хлынул ливень. В ту же секунду ураган и неопишущей силы подземные толчки стали сотрясать сушу и прибрежные воды. Рушились дома, взбесившиеся волны заливали улочки Порт-Ройяла. Город мгновенно превратился в груды развалин. Никто уже не помнил о золотых дублонах, лишь наиболее находчивые люди поспешно глотали уникальные жемчужины, резонно полагая, что собственный желудок куда как надежнее потайных карманов. Спаслись, однако, единицы. Население пиратской столицы погибло почти полностью. Несметные сокровища, золото и серебро пошли на дно океана. С годами (веками!) они оказались наглухо запечатанными илом, водорослями, камнями. Находки все же бы-

вают. Недавно (в августе 1980 года) группе молодых аквалангистов с острова Тринидад удалось поднять сундучок, набитый пиастрами и талерами...

В 1976 году Соединенные Штаты Америки отмечали 200-летие своего существования. Отмечали с помпой. Пышные праздества пришлось по вкусу многим чиновникам, они стали искать повод «продлить удовольствие». И вот губернатор Калифорнии не придумал ничего другого, как отметить круглую дату в честь... пребывания знаменитого морского разбойника Фрэнсиса Дрейка в тамошних водах.

А литературные напластования! Мутные потоки пиратской литературы.. Искусственно нагнетается к ним интерес на книжных рынках Запада. Вот одна из них: Александр Оливье Эксквемелин «Пираты Америки». Автор — то ли моряк, то ли хирург, то ли искатель приключений, то ли пленник пиратов — прошел с ними длительный путь, военный, грабительский, разгульный, и оставил свои записи. Книга снабжена общим подзаголовком: «Подробные и правдивые повествования обо всех знаменитых грабежах и нечеловеческих жестокостях, учиненных английскими и французскими разбойниками над испанским населением Америки, состоящее из трех частей...» — и далее идет краткое описание каждой из них.

В отличие от большинства писателей-беллетристов, романтизирующих жизнь букаверов Карибского моря, А. О. Эксквемелин ничего не приукрашивает. В своих описаниях он сух, но щепетильно точен, грубоват, беспощаден. Книгу смело можно назвать энциклопедией пиратства.

Впервые книга была издана в 1678 году амстердамским издателем Яном теи Хорном и затем перепечатывалась во многих странах мира.

сохранить пиратские синдикаты и их боссов. Кому же?.. Попытки сингапурской и филиппинской полиции завладеть фотографиями той же госпожи Вонг постоянно заканчивались провалом: тех, кто на это шел, находили убитыми. Наконец за дело взялась американская разведка. Вскоре она получила полнейшие данные о госпоже Вонг, мадам, однако, осталась неуязвимой. Руководство разведки, видимо, посчитало: пиратская деятельность может быть использована в борьбе с растущим революционным движением на Азиатском континенте. Ведь от грабежа и торговли наркотиками до убийства прогрессивных деятелей — один шаг.

Короче, при всем уважении к знаменитым Брокгаузу и Ефрону

Русский перевод неоднократно готовился в XVIII и XIX веках, но по разным причинам не был осуществлен. «Пираты Америки» впервые (и единственный раз?) вышли у нас в 1968 году (издательство «Мысль», Москва). Тираж массовый, но это все же песчинка в книжном море. Наибольшую ценность для современного читателя имеет, конечно, разоблачительный характер записок: яркий показ колониальной борьбы за новые земли и золото.

Не хотел бы, чтобы меня обвинили в пуризме: приключенческая литература нужна, в том числе и о пиратах. Ничего страшного не вижу, скажем, и в том, что парусник «Эспаньола», после съемок на студии им. Горького фильма «Остров сокровищ», был вытаскен на сушу и впоследствии оборудован под пивной бар — рядом с известной ялтинской интуристской гостиницей «Ореанда». Надо только правильно расставлять акценты. И не выкидывать «клубничку». Чего, к примеру, стоит вот такая фраза из книги современного польского публициста Я. Маховского «История морского пиратства»: «Вожь осушил с англичанами бокалы, наполненные смесью морской воды с порохом, как привык делать с пиратами, частенько посещавшими остров».

Бандитизм, оттого что происходит на море, а не на суше, бандитизмом быть не перестал. Отбросы общества. Люди самых разных национальностей: англичане, испанцы, французы, греки, славянский воевода Унибор, немец Клаус Штертебеккер, Синаи — еврей из города Смирны, турки — братья Арудж и Хайрадин, арабы, негры, китайцы...

По мнению западногерманского журнала «Велт дер арбайт», пиратство «не только не уничтожено, но даже растет». Маловато сил, чтобы уничтожить его навеки? Нет, конечно же. Кому-то просто выгодно

мы вынуждены признать: в своем словаре они поспешили указать, что «разбой морской, или пиратство... в настоящее время почти не существует».

В странах, где процветает диктатура денежного мешка, пираты даже выгодны: капиталы рано или поздно все равно стекаются в банки. А нынешние накопления всяких Вандербильтов, Рокфеллеров и Дюпюнов, этих американских супербанкиров, намного превосходят денежные богатства не только всяких пиратов, но и целых династий Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов и Бурбонов. И здесь уже четко вырисовывается подлинное лицо капитала, на котором ни единой черточкой романтики.

Николай ШАМСУТДИНОВ

Парк геологов

День разбужен дизельным глаголом,

По лесам вытаивает март...
На полянах тощего подзола
Новоселы разбивают парк!
Нищую, обиженную глину
С галечными залежами в ней
Крепко свяжет сильная рябина
Молодым содружеством корней.
Пустозвонят местные зеваки.
Взбrehивают рьяные собаки...

Трудно мерзлота сдается...
Пылко
Встормошенной зеленью дразня,
Сквозь заборы, мятые ухмылки
Упоенно брызнет березняк,
Одари его любовью брата!
Солнце выжревает в синеве.
Сталкиваясь, лязгают лопаты
В заповедной, мерзлой глубине.

Сколько же дубрав
В лихой запарке
На веку мы извели!
Прости
Нас, природа, и отдарком парка
Наше уважение прими.

Я молчу и грунт кайлую хмуро,
Грустным опытом отягощен:
Не один подлесок арматуры
Мной — взгляните на руки —
взращен.

Вот ладонь, распаханная жарко
Сваркою, бетоном и огнем...
Как ладонь,
распахнута лужайка,
Точно тихо просит: «Поднажмем!»

И один из наших, черт возьми,
Яро выдыхает: «Поднажми!»

Юрий
БОРИСИХИН

Фото
А. Лысякова

...И зал любил Елену

Включил телевизор как раз в нужное время. Будто предчувствовал! Музыка пошла раньше, и я сразу узнал ее, а потом вспыхнул экран: на лед выкатилась Елена Водорезова. Как она изменилась! Прошло несколько месяцев, а какая взрослая чистота движений, и какая (у меня мелькнуло это определение) нежная сосредоточенность!.. Громадный крытый Олимпийский Дворец спорта, где собрались на праздничный вечер делегаты XIX съезда ВЛКСМ, немо притих...

В Свердловске проходил кубок СССР по фигурному катанию. Я шел на него с неслучайным душевным вопросом. Почему одни спортсмены надолго остаются в памяти народной, а другие, в свое время вежливо и справедливо отмеченные печатью, быстро забываются? Эдуард Стрельцов, братья Знаменские, Александр Королев, Павел Колчин, Юрий Власов... — хотя их звездный час пробил давно, будто и не уходил из спорта. Что стоит за этим?

Пять лет назад мы увидели впервые чуть нескладную, длинноногую девочку с дерзким, уверенным катанием, поняли — вот надежда наша в одиночном катании. Поняли, приняли, полюбили этот большой талант и маленькую девочку. А «надежда» то полсезона не выступала, то в самый-самый нужный момент оказывалась не в форме, то

прибаливала. Но вот выстрел: на чемпионате мира 1978 года показала лучшую произвольную программу. И снова двухгодичный спад...

А болельщик терпеливо ждет: что же покажет Водорезова?

Признаюсь: был ошеломлен ее катанием на кубке СССР, очарован красотой, силой, законченностью каждого прыжка и видел: зал Свердловского Дворца спорта любил в этот миг Елену...

Мы встретились после тренировки. Собственно, что это было? Два с лишним часа Лена каталась, изредка подъезжая к Станиславу Жуку, он говорил ей пару слов, и Лена снова скользила, скользила. Один чехословацкий профессор нашел способ измерять прыжки фигуристов: у Лены они оказались самые высокие в мире.

Для начала достал пачку писем наших читателей.

— Вопросы, Лена, об истоках твоих успехов, о твоих планах: «Рано ли почувствовала талант?» — Лида Прохорова, г. Волгоград; «Долго ли думаешь выступать?» — Саша Чигляев, г. Свердловск; «Когда чемпионкой мира в одиночном катании среди женщин будет наша спортсменка?» — Марина Федорова, г. Сходня Московской области... А есть и на «запылку»: «Когда же Водорезова к урокам готовится? Ей, наверное, пятерки не за знания — за медали ставят!» — Оля Королева, г. Реж Свердловской области; «Какая ты по правде, Лена?» — Галя Котова, поселок Семь Ключей Свердловской области.

Лена:

— Отвечу сначала на «коварный» вопрос. Во-первых, пятерок у меня больше, чем медалей. А во-вторых, на льду так хорошо думается! После пяти тренировочных часов в день — часов молчаливых, умственных, если так можно выразиться, — у доски, конечно, не молчишь. Спешешь выговориться! Долго ли буду выступать? Так я еще и не начинала! Пятое место на чемпионате мира не предел мечтаний, согласитесь.

— Но есть бронзовая медаль Европейского чемпионата. Да и пя-

тое место советская спортсменка заняла впервые.

— Но читатели вашего журнала спрашивают о медали чемпионки мира. Мне на сто процентов обещать?

— Наши читатели, Лена, насколько мы их понимаем, немножко максималисты.

— Тогда спросите у моего тренера!

(Станислав Жук: «Елена Водорезова будет чемпионкой мира. Я уверен».)

— Теперь — о таланте.

— В шесть лет папа и мама отвели меня в группу здоровья. Не помню, рада была или протестовала, но когда пришли отбирать для фигурного катания, то волновалась. Мы все в группе были одинаковые. Росли, катались... Я была как все. И сейчас мне приятней думать, что я как все...

— Вы так говорите, Лена, будто ежедневные тренировки не стоят вам ни малейшего труда.

— Я люблю кататься! И нет никакой жертвенности в том, что трижды в день надеваешь коньки. Это так естественно. Люди, бывает, в субботу, воскресенье отправляются в лес на целый день — бродят, любят, отдыхают. И получают силы для нового дня. Мне каждая тренировка тоже дает силы для следующей тренировки. Особенно, если получается.

— Все получается? В архиве нашего журнала я обнаружил вырезку десятилетней давности с интервью пятнадцатилетней Кристины Эррат, потом, как известно, чемпионки мира. Она говорит: «Тройной прыжок становится для меня кошмаром...» А как у вас, Лена?

— Ничто и никогда, касающееся фигурного катания, я не назвала бы кошмаром. Тройные прыжки сложны, конечно. Тройной флип, двойной, а потом и тройной лутц так нравятся зрителям — пойдешь на все, чтобы они получились чисто, красиво, вдохновенно.

— Мы не совсем прояснили вопрос о том, рано ли вы, Лена, почувствовали талант. Тут еще и вопрос о вдохновении.

— Мы, фигуристы, понимаем: выступления смотрят миллионы зри-

телей. Если они находят у меня талант, то им виднее. А вот вдохновение приходит в переполненном зале. Ожидание чего-то передается и нам. Энергия огромного зала так чувствуется! Особенно дома, в Москве. И здесь, в Свердловске. Часто даже слеза проскользнет от благодарности. И думаешь: это будет с тобой всю жизнь...

— Значит, зритель — соучастник?

— Еще какой!.. А разве есть журналист без читателя, повар без гостей?.. Мне часто вопросы так задают, будто я в безвоздушном пространстве, только и делаю, что разучиваю программы, раскатываю по соревнованиям. А у меня же есть мама, папа, друзья, тренеры, соседи по дому и зрители — их-то ой как много.

— Из этого что-нибудь следует?

— Следует все. И главное — ответственность. Я за границей много, конечно, бываю. Какие зарубежные сверстники? Они дерзкие. И поначалу это вызывает искреннее уважение. А потом видишь: это дерзость иной природы. Моя сверстница Дениз Бильман из Швейцарии исполнила такой элемент на чемпио-

нате Европы, что я просто была уязвлена до глубины души. Самый сложный элемент — он теперь так и называется «Бильман»... Нужна была настоящая спортивная смелость, чтобы показать его европейской публике. Но как только Дениз стала чемпионкой, она ушла в профессионалы. Дерзость была направлена на то, чтобы обеспечить успех в жизни. А я разучила все-таки этот элемент, рискуя быть уличенной в подражании. Но он прекрасен, нравится зрителям, и я его показываю иногда.

Ответственность — это для нас много значит. Много-много... Если можно, это будет моим советом юным читателям — будьте ответственны. Перед кем? А оглянитесь вокруг — перед родителями, школой, улицей, городом, страной!

— Подростка еще интересуют вопросы личности, индивидуальности, самоутверждения. Не все могут быть чемпионами, поэтами, артистами. А выделиться, отличиться так хочется...

— Надо, чтоб сильно хотелось! А то ведь иной раз вялое, слабое чувство движет человеком — это бы сделать, то бы совершить... Дни летят, мечты рассеиваются. Если за словом не следует дело, то разо-

чарование неизбежно. Я не сильно поучаю?

— Семнадцать лет уже позволяют это...

— Да, я уже позволяю себе подучивать. Вот у нас Марина Климова тренируется, запомните это имя, очень талантливая, я подкатываю иногда: «Марина, это так, а вот это так...» Или к вашей землячке Марине Пестовой — ей всего 14 лет. Удивительно, Свердловск по фигуристам чуть Москву не обогнал. Марина пришла в сборную, и одна у нее любовь — по кинотеатрам ходить. Я ей говорю: «Марина, зрение испортишь!» Она смеется: «Уральцы зрением крепкие». Крепкие, согласна. Сразу верхние ступеньки пьедесталов увидели. Першина, Лебедева — какие симпатичные у вас фигуристки!

— Симпатичные, мы согласны. Иной раз кажется: фигурист молчаливо как бы воплощает идеал человека, про которого Чехов говорил: в нем все должно быть прекрасно — душа, мысли, одежда...

— Почему — молчаливо? А музыка? Один Чайковский — вселенная. Костюмы нам шьют красивые. А вот душу и мысли чужие не примеришь. Но знаете, во всем мире один обычай — дарить цветы. И когда — будь то в Свердловске, Лондоне, Праге, Токио — получаешь пахучий, прекрасный букет, то и душой, мыслями подымаешься до единства нашего человеческого. Честно, я всегда это чувствую и волнуюсь от такого открытия. Ради него одного спорт имеет право на уважение людей.

— Лена, мы будем откладывать письма читателей к вам до того, когда станете чемпионкой мира. И надемся на новое интервью.

— Новую встречу с читателями «Уральского следопыта» обещаю в любом случае. Пусть задают вопросы.

...Там, в телевизионном экране, Лена парила, будто и не касаясь льда. Она была необыкновенно хороша — да простится мне пристрастие.

...Елене Водорезовой, чемпионке страны, исполнилось восемнадцать. Как неумолим ход времени, как прекрасен его ход...

ЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯЛЯ

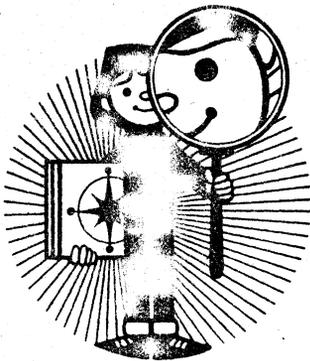
Спутнику — двадцать пять

Двадцать пять лет назад, когда советская ракета вывела на орбиту спутника Земли первое искусственное тело, мир признал, что это событие рассеяло любые сомнения, скептицизм в отношении научных достижений СССР.

Наш первенец совершил 1400 оборотов вокруг Земли. Он весил 83,6 килограмма, имел диаметр 58 сантиметров. У него было четыре уса-антенны, через которые на Землю шел звонкий «голос».

«В моей памяти свежи воспоминания тех дней, — рассказывает руководитель радиотехнического кружка станции юных техников в уральском городе Ревде Н. Ашихмин. — Ученые обратились к нам, радиолюбителям-коротковолновикам и ультракоротковолновикам, с просьбой помочь проследить сигналы первого искусственного спутника Земли. За три месяца до этого исторического момента мы отлаживали свою аппаратуру, настраивали. Вместе со мной в Ревде готовились к приему сигналов два начинающих радиолюбителя — П. Блажевский и И. Панаев. И вот 24 октября 1957 года мы не только услышали «голос» спутника, но и увидели движущуюся по небосводу сверкающую точку. Это был он!.. Несколько лет назад радиотехнический кружок, которым я руковожу, стал участником всесоюзного конкурса «Космос». Ежегодно на его финал в Москву съезжаются юные умельцы, сделавшие различные модели и макеты космических кораблей, систем, аппаратов — часто фантастических конструкций. Перед взыскательным жюри надо не только представить, но и теоретически обосновать свою работу. Однако, присутствуя на защите проектов, невольно отмечаешь теперь: наши юные техники очень грамотны, талантливы. Конечно, не все они будут космонавтами или конструкторами космических кораблей, как мечтают о том, но все обязательно будут хорошими, умелыми людьми. В нынешнем году группа ревдинских школьников вот уже в пятый раз защищала честь Свердловской области на финале конкурса «Космос». Их большая действующая панорама «Легенда о пришельцах» и макет космического аппарата, тоже действующий, пользовались успехом и отобраны для экспозиции на ВДНХ СССР.

...Четверть века назад русское слово «спутник» стало международным словом. Оно позвало в неизведанные дали тысячи юных граждан нашей страны, тысячи их зарубежных сверстников. Нет сомнения, это поколение успешно продолжит дело, начатое Циолковским, Королевым, Гагариным...

М И Р

НА ЛАДОНИ

В огне Севастополя

На снимке — боевые друзья, известные фронтовые кинооператоры Владислав Микоша (слева) и Константин Дупленский. Они сфотографированы в Севастополе на Сапун-горе после освобождения города от фашистских захватчиков.

Много дней и ночей провели они в боевых рядах защитников Севастополя, а потом — и освободителей города.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Дупленский живет сейчас в Челябинске. Более двадцати лет он возглавлял там кинокорреспондентский пункт Свердловской киностудии. Не честь, сколько отснял документальных фильмов и сюжетов для журнала «Советский Урал»!

Но в истории советского кино он прежде всего фронтовой летописец. Его боевые репортажи вошли в киноэпопею «Великая Отечественная», в фильмы «Разгром Японии», «Битва за Севастополь» и другие.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

Высшая точка БАМа

Рельсы важнейшей комсомольской стройки — БАМа поднялись на хребте Удокан на высшую отметку магистрали.

Над уровнем моря в этом месте — около тысячи метров. С «горы» словно бы особенно ясно видно, как много сделано. Еще три года назад эти места были известны только охотникам-промысловикам и геологам.

Коллектив Всесоюзной ударной особенно гордится тем, что в последнее время установлен рекорд в скорости укладки стального пути. Комсомольско-молодежная бригада Владимира Хромова из 54-го мостоотряда в первой половине нынешнего года, заступив на вахту в честь XIX съезда ВЛКСМ, сумела уложить 90 километров главного пути магистрали.

Томский гигант

Начал рабочую службу Томский нефтехимический комбинат — новое ключевое предприятие химической промышленности страны. Здесь введен в эксплуатацию завод полипропилена мощностью сто тысяч тонн в год (все действующие предприятия отработали вместе взятые давали его в два с половиной раза меньше). Этот полимер нужен и для производства товаров народного потребления, и для машино-

строения, и для сельского хозяйства...

Одна тонна химического волокна из полипропилена заменяет две с половиной тонны хлопка или шерсти, сберегает народному хозяйству десять тысяч рублей.

Ежегодно на Томском нефтехимическом комбинате должен вступить в строй действующих один новый завод. Вот где работа для молодых рук!

Поэт науки

Исполнилось сто лет со дня рождения А. Г. Уфимцева, разносторонняя научная деятельность которого удивляла всех.

Среди изобретений А. Г. Уфимцева — первый в мире аэроплан типа «летающее крыло», лечебная светокамера, прибор для изготовления пельменей, музыкальный инструмент, тонам которого может быть придан любой тембр... Ученый-самоучка построил первый в мире биротативный двигатель для самолетов, удостоенный на выставке воздухоплавания в Москве в 1912 году серебряной медали.

Максим Горький назвал Анатолия Георгиевича поэтом в области научной техники. В Курске, где жил Уфимцев, открыт Дом-музей.

З. БОРИСОВ

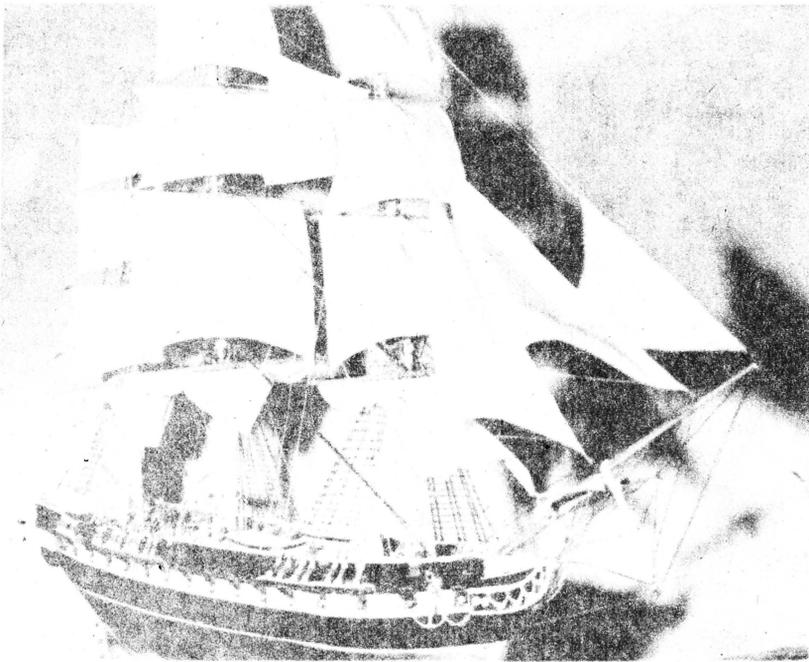

Черное море: новый ребячий городок

Спроектирован Всесоюзный трудовой оздоровительный лагерь для ребят из профессионально-технических училищ. Он расположится на берегу Черного моря, близ Анапы. Каждый год каждую 45-дневную смену восемь тысяч «патушников» будут не только отдыхать в лагере, но и учиться. Для этого там оборудуют специализированную зону — мастерские, лаборатории, кабинеты.

Учащиеся ПТУ страны сами будут создавать свой город у Черного моря.

Фрегат «Паллада»

Парусник русского флота «Паллада» под командованием адмирала Путятина в 1852 году вышел из Кронштадта в Японию с мирной дипломатической миссией. Но...

Рейс продолжался более трех лет. Стройную яхту видели берега Дании и Англии, острова Мадейра и Зеленый Мыс, Африка и Индонезия. Путятин стоял у Явы и в Сингапуре, в Гонконге, Маниле и Нагасаки.

По заданию русского правительства гидрографический отряд на «Палладе» проводил картографию корейского берега и залива Лазарева.

На борту парусника совершил путешествие писатель А. Гончаров, написавший впоследствии книгу «Фрегат «Паллада».

«Паллада» закончила свой путь у входа в нынешнюю Советскую Гавань. Команда затопила фрегат в узкости пролива, преградив тем самым путь японской эскадре.

В одном из будущих номеров журнала мы предложим читателям репортаж «15 минут на «Палладе» — о водолазном спуске на океанское дно нашего специального корреспондента Сергея Мельникова.

На фото — макет фрегата «Паллада».

Мир

еще не весь открыт

● Небольшой железный осколок весом в 144 грамма, случайно обнаруженный несколько лет назад в глыбе донбасского каменного угля, оказался дрезнейшим метеоритом, известным на Земле. Его нашли музейные работники, готовя глыбу к экспозиции. Как утверждают ученые, осколок метеорита попал на Землю в разгар каменноугольного периода ее развития — двести восемьдесят пять — триста сорок миллионов лет назад. Сейчас этот «пришелец» — в природоведческом музее Академии наук Украины.

● Тридцать тысяч лет назад человек взял в руки каменный резец и из отростка шейного позвонка шерстистого носорога вырезал голову медведя. Эту дрезную скульптуру нашел при раскопке палеолитического поселения Толбага в Забайкалье студент В. Сумароков. Ее возраст определили с помощью радиоуглеродного анализа. Топтыгин из Толбаги — одна из старейших скульптур в мире.

● Новый род флоры верхнего девона помогла открыть находка советских геологов на берегу Баренцева моря. По месту находки — Лудоватый Нос — он получил название «лудоватия необыкновенная». На плите слюдяного минерала весом около ста пятидесяти килограммов геологи увидели отпечатки диковинного древовидного растения и отправили их сначала в Архангельск, затем в Московский университет, где палеонтологи и палеоботаники и сделали вывод о сенсационности находки.

● Англичанин Д. Коупер совершил в одиночку кругосветное путешествие на яхте по маршруту «Восток — Запад», преодолев 31 300 миль за 237 дней. Это на 38 дней быстрее прежнего рекорда такого кругосветного плавания. Любопытно, что и в кругосветке по маршруту «Запад — Восток» высшее достижение (224 дня) принадлежит ему же. Д. Коупер — единственный яхтсмен, обогнувший земной шар в обоих направлениях.

Художник — природа

Каких только причудливых форм не лепит природа из своих материалов! Несколько удивительных образцов есть и в моей коллекции камней.

Вот эта находка попала мне в Сибири, в районе Витимского слюдяного месторождения. Кусок породы полевого шпата при определенном повороте смотрится как скульптурное изображение. Нам видится суровое лицо человека, напоминающее шахтера или рыбака, с брезентовой шляпой на голове. Человеческие руки не прикасались к «скульптуре», все сделала сама природа.

Р. РУБЕЛЬ

Очередь... в пещеру

Пещера Альтамира (север Испании) вновь принимает посетителей, но... Если прежде в ней бывало до трех тысяч человек в день, то теперь — только по пятнадцать, и ни одним больше.

Пещера, открытая в 1875 году, знаменита тем, что в ее большом зале размерами 18×9 м оказалось около 150 рисунков, выполненных почти двадцать тысяч лет назад. Это — изображения животных, главным образом бизонов, человеческие фигурки.

Паломничество в пещеру Альтамира, начавшееся в начале нашего века, в конце концов испортило микроклимат в ней. Возникла опасность за сохранность рисунков. Теперь, однако, она устранена. «Подземная картинная галерея» и ее «экспонаты» специальным образом законсервированы.

Спилки

против нефти

Шведский инженер Я. Маред изобрел агрегат, который прессует топливные брикеты из отходов деревообработки и бумажного производства, а также из макулатуры и торфа. При этом не требуется каких-либо связующих материалов. Предпринимательница А. Стернер, используя изобретение, открыла небольшую фабрику по выпуску брикетированного топлива. На фабрике заняты всего четверо рабочих. Тем не менее уже в нынешнем году они изготовили брикетов на 3,5 миллиона крон (сто крон рав-

няются почти тринадцати рублям). Спрос на брикеты очень большой. А почему? Да потому, что при сжигании они дают тепла немногим меньше, чем нефть, а стоимость их — наполовину дешевле.

В Швеции теперь намерены вложить десятки миллионов крон в строительство предприятий на основе изобретения Маредда. А крупные нефтяные компании пытаются «перехватить» патент на новинку, чтобы преградить ей дорогу.

Мир еще не весь открыт

● Инженер М. Коломбан (Франция) построил трехмоторный самолет, который весит всего 72 килограмма. Коломбан летает на нем, расходуя на 100 километров лишь четыре литра бензина. Скорость полетов — до 200 километров в час.

● В Антарктиде открыты еще два действующих вулкана (прежде были известны только три). Вулканический пепел покрывает рядом с ними большую часть шельфового ледника Ларсена (берег моря Уэдделла). Это говорит о сравнительно недавнем извержении вулканов-новичков.

КОЛОМБЫ

**Сергей
МЕЛЬНИКОВ**

На 3-й стр. обложки
фото автора

В июне 1981 года десятки людей из различных городов Дальнего Востока устремились в одном направлении — на Камчатку и далее на Командорские острова. Путь этих людей был связан с делами наших предков 240-летней давности...

4 июля 1741 года началась Вторая Камчатская экспедиция. Руководил ею, как и Первой, Витус Беринг.

О первых годах службы Беринга известно мало. Знаем, что будущий командор начал с того, что возил лес на остров Котлин, где шло строительство «фортеции» Кроншлот (будущий Кронштадт), затем он командовал дозорным судном, ходил на нем в шхерах и следил за перемещением сильного шведского флота. Потом, казалось бы, должен был наступить перелом в тихой и малозаметной службе. Петр начал поход 1711 года против турок. Беринг назначается на 20-пушечный фрегат. При заключении мира множество офицеров и чиновников адмиралтейства повышены в званиях и получили награды. Беринга обошли. Правда, он к тому времени командовал уже 90-пушечным фрегатом, но все в том же чине капитана. Он обижен на Петра, на флот, на Россию и подает в отставку, надеясь таким образом обратить на себя внимание и добиться повышения. Но Россия закончила войну, нужды в военных кадрах, как раньше, уже не было, и отставку Беринга приняли. Ему исполнилось тогда 40 лет. Так в расцвете сил он оказался без всяких средств к существованию. Подождав немного, он подает прошение вернуться на родину, в Данию. Беринг рассчитывал, что такого специалиста, как он, не отпустят и вернут на флот, и опять жестоко просчитался: 10 марта 1724 года ему были выданы заграничный паспорт и разрешение ехать, куда угодно. Капитан Витус Беринг Адмиралтейству был не нужен.

Выждав для приличия некоторое время, Беринг подает прошение о восстановлении на флоте. На этот раз нелюбезное начальство пошло на уступки, и Витус Беринг был вновь принят на русскую службу, и вновь в чине капитана. Следующее

свое звание капитана-командора он получит уже в походе, во время своей Камчатской экспедиции.

Одну из главных ролей в судьбе Беринга сыграет, хотя и косвенно, великий Лейбниц. Еще до войны со шведами, во время пребывания Петра за границей, он в беседе с ним произнес те слова об Азии и Америке, которые стали поворотной вехой в судьбе командора: «...либо вместе смежны или токмо узкою проливою отделены». Однако Петру тогда было не до географических изысканий: он спешно укреплял флот.

Однако Лейбниц был настойчив: через много лет он добивается от Петра согласия организовать экспедицию на Камчатку. Уже перед самой смертью Лейбниц пишет русскому царю письмо с укором за невыполненное обещание.

Наконец наступает подходящий момент. Петр озабочен укреплением могущества России и поведывает организовать экспедицию для поиска легендарной земли Гамы, установления пролива между Азией и Америкой, а также торговых связей с Японией, страной, находившейся тогда за семью печатями для европейцев, и, главное, для открытия морского пути в Америку. Начальника этой экспедиции Петр I назначил сам. Им стал Витус Беринг.

Экспедиция закончилась 240 лет назад, когда оставшиеся в живых члены экипажа «Святого Петра» после страшной зимовки на острове бросили якорь в Петропавловской гавани.

Многие судовые документы экспедиции Беринга были частью забыты, частью утрачены, приоритет на открытия, совершенные русскими моряками XVIII века, встал под сомнение. Большой ущерб делу причинило и то, что вахтенные «шхачечные» журналы были долгое время засекречены, и содержание их сохранялось в строгой тайне.

В наше время много лет документами Второй Камчатской экспедиции Беринга занимался кандидат исторических наук военный моряк Аркадий Александрович Сопотко. Он сконцентрировал в своих руках уцелевшие дневники участников экспедиции, расшифровал записи в

РОССКИЕ

Коломбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток...

М. ЛОМОНОСОВ

шханечных журналах, с удивительным упорством и точностью составил карты всех путей Беринга.

Чтобы окончательно подтвердить открытия Беринга, нужно было смоделировать его плавание. Но кто возьмется за такой труд? И Сопочко обращается в Дальневосточное высшее инженерное мореходное училище имени Невельского (ДВВИМУ).

В 1973 году курсанты ДВВИМУ совершили поход вокруг острова Сахалин на яхтах «Родина» и «Россия». В походе также участвовал сухопутный отряд, который повторил путь Г. И. Невельского. Участники похода в поселке Ноглики установили мемориальную доску в честь исследователя.

Маршрут этих яхт в 1977 году был особенно сложен: Петропавловск-Камчатский — Усть-Камчатск — бухта Провидения — Берингов пролив — точка в Чукотском море с координатами 67 градусов 18 минут северной широты, 169 градусов западной долготы — бухта Провидения. Точка в Чукотском море соответствует тому месту, до которого доходил бот «Святой Гавриил». Во время плавания яхты пересекли Северный Полярный круг и подошли в Ледовитом океане к кромке дрейфующих льдов. После завершения плавания в районном центре Провидения Чукотского национального округа экипажами яхт в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска в честь 250-летия годовщины Первой Камчатской экспедиции.

После экспедиции 1977 года последовал поход 1979-го, в который ушла новая яхта ДВВИМУ — «Чукотка».

«Чукотка» — молодое судно, но уже знаменитое. Впрочем, как знаменит и ее капитан — кандидат технических наук, бессменный руководитель всех экспедиций Леонид Константинович Лысенко.

«Чукотка» вышла из Владивостока 8 июля с выстрелом сигнальной пушки на Тигровой сопке. Яхта должна была смоделировать плавание пакетбота «Святой Петр» вблизи острова Беринга. Что еще важнее, на острове были запланированы раскопки последнего поселения В. Беринга и его спутников. Были

запланированы не просто ворошенные земли лопатой, отбор более или менее ценных экспонатов, отчего пострадал уже не один памятник истории, а планомерные археологические раскопки под руководством сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР. Все, кроме капитана, превратились на острове в археологов. Было известно, что и где искать. В распоряжении экспедиции находилась копия реестра вещей, составленного командой пакетбота перед тем, как на новом судне они покинули этот заброшенный в океанских просторах остров.

Всего за время экспедиции было пройдено по Охотскому, Берингову морям и Тихому океану свыше 2700 миль. Кстати, 500 из этих длинных миль были «одиночными». Дело в том, что укрытых бухт, пригодных для стоянки в шторм, на острове нет, и для того чтобы «Чукотку» не постигла участь «Святого Петра», капитан в одиночку (на раскопке каждый человек был на вес золота) водил яхту в ближайший пригодный для стоянки порт. Таким был Усть-Камчатск. К слову сказать, на обратном пути «Чукотка» попала в крыло тайфуна «Ирвинг», но бывалый капитан вышел из этой переделки с честью. «А для того чтобы кому-либо это плавание в одиночку не показалось авантюризмом», — записал Л. Лысенко в дневнике во время перехода, — следует сказать, что капитан яхты, взявший на себя ответственность провести яхту на Камчатку и обратно, имел за плечами 28 000 миль походов по дальневосточным морям и находился на яхте в открытом море в общей сложности более полутора лет».

И вот настал 1981 год. Год, когда исполнилось 300 лет со дня рождения Витуса Беринга.

Снова у причала ДВВИМУ покачивается готовая выйти в поход «Чукотка». Спустя 300 лет со времени рождения командора и 240 лет с того печального момента, когда этот человек был похоронен с немением гроба привязанным к дубовой доске в могиле, вырытой

среди скал острова, ныне гордоносящего его имя, была подготовлена новая большая экспедиция на Командоры. Вновь «Чукотка» войдет в ту же бухту, в которой некогда стоял «Святой Петр», разбитый штормами.

Как и в прошлые годы, ДВВИМУ отправило на Командоры два отряда: морской на яхте «Чукотка» и сухопутный, состоявший из 13 человек (им руководил инженер А. И. Гузев).

Команда «Чукотки» была избрана из умелых, знающих свое дело моряков. У многих из них были на счету тысячи и тысячи миль под парусами. Но... Я писал судовую роль яхты, испытывая странное чувство зависти и восхищения. Машинка отстукивала: год рождения 1961... 1961... 1963... Это же просто мальчишки! А впереди Тихий океан!

Но капитан знал, что делал. Я сам был свидетелем выдержки этого человека, собранности и хладнокровия его команды.

Во время одного особенно сильного порыва ветра — море уже штормило, было баллов 5-6 — у нас над головой раздался чудовищный треск, и 16-метровая мачта, круша и обрывая ванты и леера, рухнула вдоль палубы. Двухметровый остаток мачты проткнул грот, и ребятам никак не удавалось спустить парус. Яхта моментально потеряла ход, а вместе с ним и управляемость, стала дрейфовать на камни, расположенные в миле с правого борта. До них оставалось не более двух кабельтовых, когда команде наконец удалось свернуть остаток грота. Дрейф несколько приостановился. Все это время Лысенко просто и буднично сидел на корме, лишь изредка давая советы. Именно советовал, а не командовал. Но команда чувствовала, что за этими советами скрывается железная воля и многолетний опыт яхтсмена. Яхту зверски раскачивало на крупной волне, ребята, которые и в 10-балльный шторм могли поглощать двойной обед, разом почувствовали себя неважно. Всех сильно мутило, но каждый, сцепив зубы, спасал «Чукотку».

Командорские острова располо-

жены в Беринговом море. Они являются продолжением Алеутских. Они, как и вся группа, вулканического происхождения. На карте мира вы увидите лишь два из них — острова Беринга и Медный.

В поселке Никольское — единственном населенном пункте острова Беринга — вначале удивляло полное отсутствие деревьев, даже чахлах кустарников не было. Около сотни домов разошлись по двум террасам вдоль берега, сразу за ними — холмистая тундра с красками пастельных тонов.

Здесь все напоминало нам о знаменитом мореплавателе. Сам остров носил его имя. Море вокруг, бухта Командор и река Командорка, экспозиция Алеутского музея — все говорило о Камчатской экспедиции первооткрывателя.

Здесь, на острове, я познакомился с представителями одной из самых малочисленных народностей СССР — алеутами. Нигде, кроме Никольского, они не живут, да и в самом поселке насчитывается не более нескольких десятков семей алеутов.

Разговариваю с одним из моих новых знакомых. Он забойщик котиков, работает в зверосовхозе.

— Михаил, трудно вам здесь, на острове?

— Отчего же, нет. Мы здесь родились, выросли. Океан и тундра — наш дом. Осталось, правда, нас мало. Молодые не держатся на островах, все порывают уехать в Петропавловск, а то и дальше, на материк. Вот с ними по-настоящему трудно.

— А у вас есть дети, Михаил?

— Как без них. Раз есть жена — есть и дети. Трое. Маленькая дочка в школе сейчас, а два сына уехали. Старший живет во Владивостоке, работает на судах, не смог порвать с морем, а средний учится в Ленинградском университете. Быть может, вернется, — вздохнул Михаил.

Я понимаю Михаила. Он тоскует по старым временам, когда молодые не бежали сломя голову в города, а исправно ходили в море на лов рыбы или летом промышленяли котика. А сейчас... Не останавливают ни большие заработки (на острове они в два, а то и в три раза выше, чем на материке), ни другие льготы...

Выписка из лоции: «Мыс Командор 54°56'N... выступает от берега на 2,8 мили к WNW от мыса Толстый. Мыс Командор образован прибрежной возвышенностью, которая спускается к морю песчано-галечной осыпью, местами поросшей травой. Верхняя часть мыса представляет собой отвесный бурый обрыв, сложенный из приметных пород разных оттенков. Мыс окаймлен осушающим рифом шириной до 3 кабельтовых...»

...Толчок и резкая остановка. Я стою около бывших землянок экспедиции Беринга. Работа здесь в разгаре. Около полумесяца ведутся раскопки. Курсанты ДВВИМУ, местные школьники чувствуют себя заправскими археологами.

Сегодня, 28 июня, предстоит радостное событие — открытие памятника служивым чинам пакетбота «Святой Петр», умершим во время зимовки на острове. Автор памятника Федор Конюхов — матрос «Чукотки».

Бегу мимо Креста Беринга к памятным доскам с именами членов команды пакетбота «Святой Петр». На ходу достаю экспедиционный флаг журнала «Уральский следопыт» — большое полотнище из капронового газа, которое до этого несли «Чукотка». В карманах не оказалось даже малой веревочки. Рву на себе штормовку большими полосами сверху вниз. И вот розовоголубой флаг начинает реять над бухтой! С «Чукотки» дали залп. Парус яхты, которым были прикрыты мемориальные доски, падает к ногам присутствующих.

...У археологов этот год начался с традиционных находок — ядра, гвоздей, пуговиц с мундира... И лишь московский геофизик А. Станюкович обещал сенсацию. Его квантовый магнетометр под мощным слоем песка в ряде мест зоны отлива показал наличие больших масс металла.

Наверное, не все знают, что большая, кропотливая работа по оснащению экспедиции Беринга проводилась и на Урале. По указу Сената было велено делать на заводах Демидова якоря, пушки «и прочие железные вещи», которые могли понадобиться экспедиции. Беринг получил из Екатеринбург шесть медных котлов. В списке из 2071 наименования оставленного на острове оборудования числится один большой медный котел с крышкой. На заводах Урала изготавливали ядра, дробь и те самые пушки пакетбота «Святой Петр», которые в настоящее время и должны были покониться на дне бухты, ставшей последним пристанищем командора. История этих орудий такова. В течение лета 1733 года на Каменском заводе екатеринбургский мастер Панкрат Ефтифеев с учениками Саввой Бормотович, Аникой Сатиным и Федором Устиновым отлили 72 пушки (24 — трехфунтовых и 48 — фунтовых) для экспедиции Беринга. Калибр пушек в то время определялся весом ядер. На казенной части всех пушек по указанию начальника уральских заводов генерала Генина были выбиты клейма.

Эти пушки искали свыше 200 лет на острове десятки экспедиций.

И теперь слово — руководителю сухопутного отряда ДВВИМУ А. И. Гузеву.

— С 3 июля начались большие отливы. Из Никольского к бухте с трудом добрался экскаватор, подошел вездеход. Станюкович вместе с механизаторами алеутом Леонидом Чернышевым и Валерием Бургардом сразу же принялись за первую аномалию. Экскаватор проковылял по берегу и, тяжело задыхаясь гарью, стал черпать песок. Минут через двадцать он вытащил археологам... старую железную кровать!

Хохотали сквозь слезы. Кто-то сказал Станюковичу:

— Если в каждой твоей аномалии по кровати, мы неплохо обставимся. Надоело *спать на песке.

На следующий день проверяли самую большую магнитную аномалию. Часа в два кто-то стоявший рядом с работающим ковшом завопил:

— Пушк-а-а!

Ковш выворачивал из смеси воды и песка черное жерло.

Залезли по горло в ледяную воду, пытались остропить скользкий ствол. Потом вездеходом оттащили пушку к ручью, смыли соль. Реставратор М. Шемаханская очищает место, где должно находиться клеймо. Но только спустя несколько дней археологи убедились в принадлежности орудия Каменскому заводу. Да, это была пушка Беринга!

...А Чернышев продолжает выкапывать свой первый клад. Он достает еще три стволы!

Через 240 лет солнечный свет вновь заиграл на шершавых боках. Изделия старых уральских мастеров были в руках советских матросов.

Вечером лагерь гудел. Археологи, как и наши ребята, сияли улыбками, хлопали друг друга по спинам.

А наутро — снова две пушки! На следующий день — еще одна!

Итак, найдено семь пушек пакетбота «Святой Петр». По подсчетам, это не все, но экскаватор заставил отступить волны. Начались большие приливы.

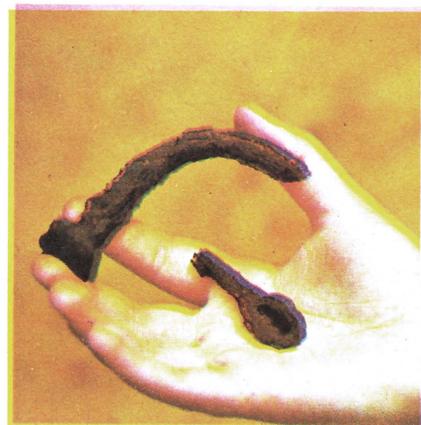
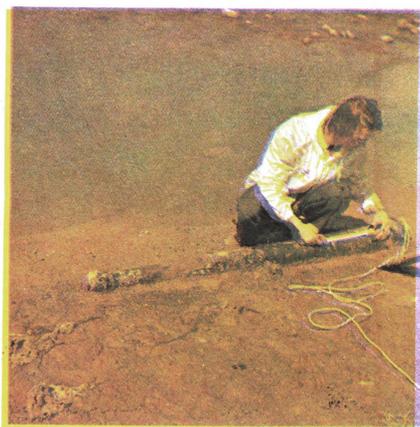
Еще недавно ни один музей страны не имел предметов со «Святого Петра», теперь же их огромная коллекция. И предметы эти не немые, они многое расскажут потомкам первооткрывателей.

На снимках: Командоры; измеряется пушка; находки 1981 года.
На руке — чайная ложечка и гвоздь с пакетбота «Св. Петр».

Фото автора

Кост 81, - 82

РЕДКИЕ РАСТЕНИЯ РЕКИ ЧУСОВОЙ.

ИЮЛЬСКАЯ КРАСА

Как разойдется лето, припечет теплом и в полную силу оживет лес, поднимет свой златоглавый цветок сарана. «Царскими кудрями» еще окрестили ее люди. Какой замечательный модельер придумал эти замысловатые лепестки, в какой природной красильне нанесены на бело-красные цветы эти темные крапинки!!

Но не только причудливым изяществом славен цветок из тенистых чащ. Корни сараны вполне съедобны. Луковицы этого растения люди сиздавна употребляли в пищу: ели сырыми, испеченными в золе, сваренными в молоке. Якуты высушивали их, растирали в муку и варили кашу. В Верхоянском округе умели готовить из лу-

ковиц настоящее лакомство — напиток, похожий на шоколад. Киргизы считают, что овечий сыр, приправленный корнем сараны, приобретает особый вкус. А пермяки знали, как добывать из луковиц черную краску... А на Вольни считалось, что корень саранки полезно давать коровам — для прибавления молока...

Как же не побережь этот кудрявый лилейный цветок! Далеко не так часто, как в прежние давние годы, покажет он нынче в лесу свое миловидное веснушчатое личико...

Фото В. Ветлугина